

Н О Я Б Р Ъ | 2 0 2 3

РусскийМир.ru

Ж У Р Н А Л О Р О С С И И И Р У С С К О Й Ц И В И Л И З А Ц И И

ДОНБАСС. НАЧАЛО

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИНТЕРВЬЮ

04 Поэт,
не устававший
удивляться

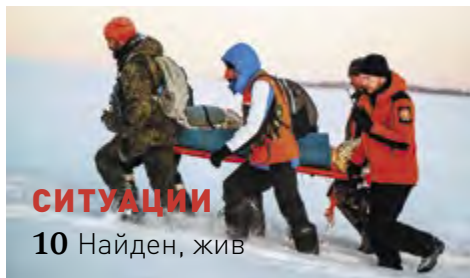
ИСТОРИЯ

14 Уголь, сталь
и железные
дороги

20 Индийский
рубеж

СИТУАЦИИ
10 Найдены, жив

28 Явление
искусства
России
Лондону

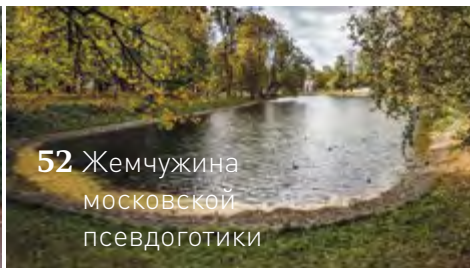

34 Русский
взгляд
Александра
Дюма

НАСЛЕДИЕ

42 Первый парк
имперской
столицы

52 Жемчужина
московской
псевдоготики

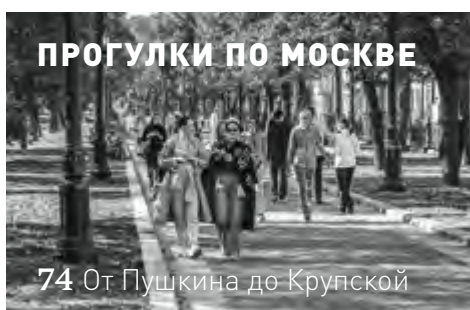
КУЛЬТУРА

60 Чудесная
микровселенная

66 Магнит
для публики

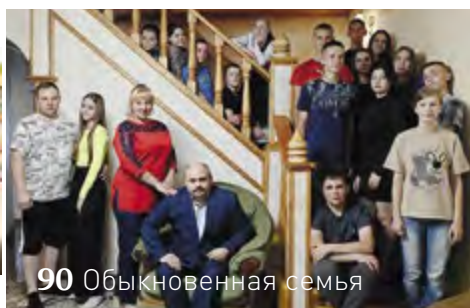

74 От Пушкина до Крупской

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

82 Американка с русской судьбой

90 Обыкновенная семья

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Михаил ДРОЗДОВ
Наталия ДРОНОВА
Наталия ЗОЛОТАРЕВА
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Елена ПЕТРОВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталия ТАНЬШИНА
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

**АНТОНИЙ
(СЕВРЮК А.Ю.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.

Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ПОЭТ, НЕ УСТАВАВШИЙ УДИВЛЯТЬСЯ

БЕСЕДОВАЛА

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИЗВЕСТНЫЙ СОВЕТСКИЙ ПОЭТ РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГОВОРИЛ, ЧТО В СТИХАХ – ВСЯ ЕГО БИОГРАФИЯ. ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ ДЛЯ НЕГО БЫЛИ НЕРАЗДЕЛИМЫ. О РОБЕРТЕ РОЖДЕСТВЕНСКОМ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ РАССКАЗЫВАЕТ ДВОЮРОДНАЯ ПЛЕМЯННИЦА ПОЭТА, КАНДИДАТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ДОЦЕНТ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЛАРИСА ЧУЙКО.

— **Р**ОБЕРТ ИВАНОВИЧ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ был поэтом редкого дара. А кем были его родители? Имели ли они какое-то отношение к литературе?

— Роберт родился в 1932 году на Алтае, в селе Косиха. Его мать, Вера Федорова, была директором местной школы, отец, Станислав Петкевич, служил в НКВД. Необычное имя мальчику дали в честь революционера и советского партийного деятеля Роберта Эйхе, которого Станислав Никодимович очень уважал. Вера Павловна была родом из семьи, не чуждой искусству. Ее отец, маляр-художник Павел Федоров, трудился в бригаде, которая расписывала царский дворец в Ялте. В Гражданскую войну Павла Дмитриевича забрали в ополчение. Его жена, Надежда Алексеевна, с пятью детьми решила ехать в Канск к друзьям, поскольку в Петрограде начался голод. Но до Канска они так и не доехали, добрались до села Чесноковка в окрестностях Барнаула. Сначала одна женщина поселила их в бане, а через какое-то время им удалось найти дом. В селе несколько раз менялась власть: приходили то красные, то белые. Вера Павлов-

на потом вспоминала, что всякий раз, когда начиналась стрельба, мать прятала детей в подпол. Наконец семью каким-то образом нашел отец, и Федоровы перебрались в Барнаул. Вера окончила педагогический техникум и поехала учительствовать в деревню Косиха. Там и познакомилась со своим будущим мужем. Начальник ОГПУ Косихинского района был из семьи поляков, сосланных на Алтай. Станислав Петкевич был мужчиной видный, у него был хороший голос, он играл на баяне. В общем, душа компании...

— *Детство Роберта прошло в Омске. Как его семья там оказалась?*

— Станислав Петкевич вовремя получил информацию о том, что в рядах НКВД планируются «чистки», и решил уехать в Омск, где жила мать

Веры — Надежда Алексеевна. Станислав работал сначала в ОГПУ, потом в одном из леспромхозов. Вера Павловна трудилась в редакции газеты «Омская правда» и параллельно училась в медицинском институте. Через несколько лет супруги развелись. Роберт увлекался историей, собирал марки, любил читать энциклопедии. Вера Павловна называла его «Робка» —

Молодой поэт с оптимизмом смотрит в будущее

Лариса
Чуйко хранит
богатейший
фотоархив
и книги
знаменитого
родственника

Бригада
маляров-
живописцев
и их руководитель
художник
Райлянд
во время росписи
царского
дворца в Ялте.
Дед Роберта
Рождественского,
Павел Дмитри-
евич, сидит
в центре

такое вот прозвище у него было. Но Роберт сказал, что оно ему не нравится, потому что «похоже на пробку». То есть уже в 5-летнем возрасте он чувствовал рифму. Он еще малышом сочинял стихи. Вера Павловна спрашивала: «Ну откуда оно у тебя берется?» Он отвечал: «Мамочка, они у меня просто вот из головы лезут». У него был яркий поэтический дар, который проявился уже в детстве.

— **А первое его стихотворение было опубликовано в омской газете?**

— Когда началась война, отец и мать Роберта ушли на фронт. И уже в начале июля 1941-го в пионерском лагере в Чернолущье 9-летний Роберт написал стихотворение, которое опубликовали в стенгазете: «С винтовкой мой папа уходит в поход. // Желая, любимый, побед! // И мама зеленую сумку

берет, // Уходит сестрой в лазарет...» Вожатый отнес листок стенгазеты в редакцию «Омской правды», и эти стихи напечатали рядом со стихами Леонида Мартынова. Свой первый гонорар, около 10 рублей, Роберт перечислил на нужды фронта. Отца он больше не увидит: Станислав Петкевич погибнет под Смоленском...

— **Легким военное детство, конечно же, не было...**

— Сейчас бытуют версии, что Роберт воспитывался в детских домах, причем не просто воспитывался, а скитался по детдомам, бедный сиротка... Когда я в Большой советской энциклопедии прочитала, что он воспитывался в детских домах, то пережила некоторый шок. Еще говорят, что в Омске было много родственников, но никто из них не заинтересовался Робертом, который остался в одиночестве. Как же он мог остаться один? Когда Вера Павловна уходила на фронт, ее провожали мама и сестра – Анна Павловна Брылёва, моя бабушка. Разумеется, у них он и остался. Есть официальный документ о том, что Роберт остался на воспитании у сестры матери. Он не был брошен на произвол судьбы.

Тогда даже в глубоком тылу жилось непросто: длиннющие очереди за продуктами, картошка на клумбах вместо цветов, зимой в классах было так холодно, что чернила замерзали. Роберт учился, вместе с одноклассниками участвовал в концертах для раненых бойцов – об этом повествует его пронзительное стихотворение «Госпиталь». В войну умерла бабушка Роберта. Его тетя, Анна Павловна Брылёва, работала на военном заводе,

там смены могли быть и по двое суток. Так что парнишке, конечно, приходилось несладко. И в 1944 году Вера Павловна решила взять Роберта с собой на фронт. Так сказать, «сыном полка». Она решила, что ей будет спокойнее, если сын будет при ней. Роберт обрадовался, ему сшили военную форму. И вот Вера Павловна его забирает и везет с собой на фронт. Но сослуживцы ей говорят: «С ума сошла! Там же будет большое наступление, не тащи ребенка в пекло!» Тогда она поехала в Москву и отдала его в приемник-распределитель для детей, родители которых находятся на фронте. Там дети ждали очереди, когда их пристроят в учебные заведения. И Роберт оттуда попал в музыкальное училище, жил в общежитии как курсант, играл на большой трубе...

– В 1944 году омская глава в биографии Роберта завершилась. Но вы жили в доме, где прошло его детство. Каким ему мог запомниться Омск?

– Да, до 1963 года мы жили на Карла Либкнехта, в том самом доме. На этой улице было три двухэтажных дома. Остальные – деревянные домишки и строения в полтора этажа. Наш дом казался огромным. Весной с крыши свисали большие сосульки, а внизу нарастали красивые ледяные барашки. Помню деревянные мостки через канаву, теплую пыль на дороге, лужи, реку, которую мы знали вдоль и поперек. И думается мне, что он также на крышу залезал, хотя лазать туда не разрешалось. А там было интересно, особенно вечером: темно, в окнах свет, огоньки в реке отражаются. Сверху видны соседние дворы – кто пошел мусор выбрасывать, кто белье развешивать. Думаю, Роберт также смотрел с крыши на окрестности. Он писал о «соснах до неба» в Омске, но я не знаю, где он видел эти сосны. Может быть, на перегоне возле судоремонтного завода – мальчишки ведь везде носятся...

– Как Роберт Петкевич стал Робертом Рождественским?

– На фронте за Верой Павловной ухаживал политрук полка Иван Рождественский. В конце концов он сделал ей предложение, и она ответила согласием. Когда война закончилась, супруги забрали Роберта из училища. Иван Иванович усыновил Роберта, дал свою фамилию и отчество. Он сказал ему: «Твой отец погиб как герой, ты всегда должен помнить и чтить его, но я хочу, чтобы в нашей семье все были под одной фамилией». И Роберт отнесся к этому с пониманием. С Иваном Ивановичем у него сложились прекрасные отношения.

– С чего началась его литературная биография?

– После войны семья Рождественских некоторое время жила в Калининграде, потом перебралась в Ленинград. В 1948 году они переехали в Петрозаводск, по новому месту службы Ивана Ивановича. Так что первые «взрослые» стихи Роберт опубликовал в петрозаводском журнале. Но поступить в Литературный институт имени Горького в Мо-

«Наша дружная и хорошая семья»: Иван Иванович, Вера Павловна, Роберт и сестра Ивана Ивановича. 1945 год

ске Роберт не сумел: ему было отказано «за отсутствием таланта». Он, кстати, потом очень неодобрительно отзывался о своих стихах, которые тогда представил приемной комиссии. Думал махнуть на стихи рукой, но не смог. И поступил в Литинститут со второй попытки. А за год до диплома издал свой первый сборник стихов, «Флаги весны». Потом появилась поэма «Моя любовь», на стихи Рождественского была написана первая песня. А дальше книги выходили одна за другой.

– Какое место поэзия занимала в его жизни?

– А она, собственно, и была его жизнью. Знаете, сколько раз я смотрела на него и замечала... Например, празднуют его день рождения, вокруг много гостей, он со всеми общается, а чувство такое, что у него в голове одновременно какая-то ра-

Дом, в котором прошло омское детство поэта, остался только на старых фотографиях

Роберт Иванович
с дочерью
Ксенией

бота идет. Человек он был очень компанейский, он не стремился к уединению, но мне всегда казалось, что творческая работа у него не прекращалась. Есть поэзия – и она главное в жизни, а все остальное – фон.

– В чем, на ваш взгляд, своеобразие поэзии Рождественского? Современники сравнивали его с Маяковским...

– На мой взгляд, своеобразие его поэзии заключается прежде всего во всеохватности: не было тем, которых бы Рождественский не коснулся

в своих стихах. У него, так же как у Маяковского, «громкая» лирика. В его стихах часто присутствуют посвященные актуальным проблемам общества публицистические и патриотические мотивы. Много повторов, создающих эффект «натянутого нерва». Он откликался на все значимые события. И воздействие его на общественность было похожее – Маяковский собирал большие аудитории, и Рождественский – тоже...

– Военная тематика занимает в творчестве Роберта Рождественского особое место. Один «Реквием», посвященный всем погибшим на фронтах, чего стоит...

– Это неудивительно. На фронте погиб его отец, два брата матери пропали без вести. Он не случайно писал о себе: «Меня война в себя впитала. Я – сын ее. Я полон ею...» Я считаю, что есть два поэта, которые не воевали, но сумели показать войну удивительно достоверно и ярко. Это Роберт Рождественский и Владимир Высоцкий. Они прочувствовали войну, что называется, сердцем, нутром.

– И все-таки одной поэзией интересы Роберта Ивановича не ограничивались?

– Он был человеком большого масштаба. И у него было много больших, серьезных дел. В 1981 году Роберт Иванович способствовал выходу книги «Нерв» – это было первое издание стихотворного наследия Владимира Высоцкого. Вел на телевидении передачу «Документальный экран», помогал добиться открытия в Москве музея Марины Цветаевой. Он, конечно, себя не жалел. Он был человек очень неравнодушный – как Вера Павловна, которая была активисткой.

Поэт в любимом
Переделкине
играет с собакой

– Вера Павловна вспоминала, что маленького Роберта называли «светлым мальчиком».

– В принципе, таким он и остался. Он не врал никогда, старался помочь как мог тем, кому требовалась помощь, никогда не жаловался...

И поэзия у него тоже очень светлая. Свои стихи Роберт Иванович читал по памяти. Всегда очень искренне. И хорошо на сцене смотрелся – такой большой, красивый, солидный человек. Когда я видела его, у меня всегда возникало ощущение, что в нем спрятан некий нестигаемый внутренний стержень. Он был несуетный человек, мыслил масштабно. И чем больше времени проходит с момента его ухода, тем масштабнее становится его фигура.

– Роберт Иванович поддерживал отношения с омскими родственниками? Вы часто общались?

– Он регулярно отправлял моей бабушке, Анне Павловне, свои книги. Так что я с детства знала, что наш родственник – большой поэт. Стихи нравились, но полностью их значение я поняла потом.

Он приезжал к нам в Омск во время творческой командировки, это, кажется, был 1966 год. После творческого вечера он, разумеется, побывал в гостях у тетушки, заехал и к двоюродной сестре – моей маме. Сидели, разговаривали. Рассказчик он был великолепный, а то, что он немного заикался, не портило впечатления, а, скорее, придавало его речи некоторое своеобразие. Вера Павловна говорила, что Роберт в детстве случайно увидел, как кто-то из его приятелей попал под трамвай. И с тех пор он заикался.

В 1970-е годы я впервые побывала в квартире Роберта Ивановича на Тверской. У него картины были интересные, графику он собирал. На стенах также у него висела коллекция африканских масок. А поскольку я училась на худграфе, он меня и спрашивает: «Какая из них, по-твоему, настоящая?» Я отгадала правильно, но замешкалась с ответом, а он раньше меня сам ответил на свой вопрос. Настоящая маска – самая примитивная. Понятно, что украшенные всякими мелочами маски сделаны специально для туристов. Короче говоря, не удалось мне похвастаться своей эрудицией и художественным чутьем.

После 1977 года я уже регулярно приезжала в Москву – возила студентов на практику. Так что каждый год мы виделись с Робертом. Естественно, из-за разницы в возрасте и статусе близкой дружбы у нас с ним не было. Но отношения были хорошие. Мы общались, беседовали, хотя мне доставалась в основном роль наблюдателя.

– В каком смысле?

– Вера Павловна, у которой я жила во время визитов в Москву, возила меня на каждый день рождения Роберта на дачу в Переделкино. Там собирались самые разные люди – от Муслима Магомаева и Иосифа Кобзона до шофера, который возил

В 1953 году Роберт Рождественский отправил матери фотографию с Северного полюса с подписью «Как тебе нравится этот полярник?»

Вера Павловна и Иван Иванович Рождественские на фоне еще не перестроенной дачи в Переделкине. У ног Веры Павловны – любимая кошка Снежка

Лариса Чуйко передала Мемориальному музею Роберта Рождественского в Косихе столик и зеркало из квартиры, в которой прошло детство поэта

Рождественского по Кавказу. И все прекрасно между собой общались. А именитые певцы могли и спеть. Роберт часто рассказывал о своих творческих командировках. Он был по-хорошему любопытен. Побывал даже на Северном полюсе. Говорил о поездках в Нью-Йорк, в Азию. В Монголии его встречали с большими почестями. Был свежесготовленный баран, и ему, как дорогому гостю, подали бараний глаз. Пришлось есть. Дням рождения в Переделкине добавляли очарования собаки, которые шныряли под ногами и получали от гостей все, что хотели. Роберт Иванович переходил от одной группы гостей к другой, беседовал со всеми как радушный хозяин. Атмосфера там была совершенно удивительная.

Лариса Владимировна и сама не чужда литературе

– Роберт Иванович ушел очень рано, в 62 года...

– Сердце остановилось. Врачи пытались запустить сердце несколько раз, но оно не захотело работать. Судьба. Наверное, он просто устал... Гражданская панихида проходила в Доме Радио. Сначала были только мы – родственники. А потом народ пошел потоком. Причем шли со слезами, люди плакали... Я подумала тогда: вот настоящая народная любовь, такого не купишь ни за что и никогда. Распоряжался панихидой Иосиф Кобзон – человек, который удивительным образом всегда умел сказать то, что надо и когда надо. И он в конце панихиды запел песню на стихи Роберта Ивановича – «Не спеши ко мне, поминальная!». Потом все поехали в Переделкино... Там Роберта Ивановича и похоронили. А потом, через много лет, похоронили там и его жену – Аллу Борисовну. На их могилах рядом стоят Черный камень и Белый камень...

– Говорили, что Роберт Иванович в общении был простым человеком...

– Да, никакого налета «звездности» у него не было, хотя Роберт Рождественский был известен на весь Советский Союз. Наверное, он слишком интересовался жизнью, чтобы тратить время на нечто подобное. Ему просто все было интересно. Я часто задаю своим студентам вопрос: что, по вашему мнению, делает художника художником? Правильный ответ – умение наблюдать. Так вот Роберт Иванович любил наблюдать и замечал во всем интересные черты и мелочи, которые потом в его творчестве выходили на первый план и помогали создавать яркий образ. Десять человек пройдут мимо, а художник остановится и будет смотреть, как из-под снега пробивается трава. Роберт Иванович умел смотреть, ему это было присуще изначально. И не уставал удивляться. Это замечательное качество – признак большого художника или литератора, который всегда стремится рассказать о том, что его удивляет или поражает. Об этом и сегодня нам напоминает поэзия Роберта Рождественского. 📖

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОТРЯДОМ «ЛИЗААЛЕРТ»

НАЙДЕН, ЖИВ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

КОНЕЦ ЛЕТА И НАЧАЛО ОСЕНИ ПО ВСЕЙ РОССИИ – ГРИБНАЯ ПОРА, ВРЕМЯ, КОГДА ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ЛЕС НА «ТИХУЮ ОХОТУ». И ГОРЯЧИЙ СЕЗОН ДЛЯ СПАСАТЕЛЕЙ ОТРЯДА «ЛИЗААЛЕРТ».

С НАЧАЛА НЫНЕШНЕГО года координаторы этой организации получили уже более 33 тысяч заявок на поиск пропавших людей. Найти живыми удастся, увы, не каждого. В результате поисков обнаружено 1800 тел, еще столько же людей до сих пор не найдено. Пик этой печальной статистики начинается в августе и длится до первых морозов. Среди бесстрашных добровольцев, часами прочесывающих буруны и болота, особое место занимают кинологи.

И В ЖАРУ, И В ХОЛОД

Лес за подмосковной Истрой. Развалины бывшего пионерского лагеря заросли густым кустарником и молодыми деревьями. Под ногами резко хрустят осколки стекла и кирпичей, а кое-где в старых перекрытиях зияют замаскированные листвой опасные провалы. В лесу тихо, гул автотрассы едва слышен, да к тому же деревья отражают и поглощают ее шум. Так что правильно определить, в какой стороне находится дорога, и верно выбрать направление, чтобы до-

браться до нее, довольно непросто. Идет дождь.

В этом заброшенном пионерском лагере проходит тренировка поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт». Мария – статист. Так кинологи называют помощника, которого должна найти собака во время тренировки. Девушка ведет себя так, как обычно поступают многие заблудившиеся: лежит тихо, спрятавшись от дождя в укрытие, кажущееся надежным. Это «нора» под бетонной плитой. Даже если вы стоите всего в паре шагов от плиты, заметить «нору» практически невозможно.

«Собака-спасатель должна быть дружелюбной, у нее должно быть желание взаимодействовать с чужими людьми и находить их. Необходима выносливость, потому что работать приходится часами, да еще в разную погоду. В жару, в холод. И без усталости», – объясняет руководитель кинологического направления «ЛизаАлерт» Юлия Кеслер.

Требований к породной принадлежности собак нет, но есть тре-

Эвакуация найденного – хороший исход многодневных поисков

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОТЯРДОМ «ЛИЗААЛЕРТ»

Советы от «ЛизаАлерт» тем, кто отправляется в лес

- 1.** Перед походом за грибами сообщите близким о том, куда отправились и когда собираетесь вернуться. Если нет связи, оставьте записку.
- 2.** Зарядите телефон полностью и не расходуйте заряд понапрасну. Держите его в теплом внутреннем кармане.
- 3.** Одежда должна быть теплой и надежной, обувь – непромокаемой. Одежда яркого цвета поможет вас найти. Если куртка темная, наденьте поверх нее яркий жилет.
- 4.** Возьмите с собой воду, спички, шоколад, конфеты или питательные батончики, свисток.
- 5.** Во время поисков спасатели время от времени работают на отклик: кричат и слушают возможный ответ. В таких случаях воспользуйтесь свистком.
- 6.** По возможности не ходите в лес в одиночку. И самое главное: если поняли, что потерялись, оставайтесь на месте!

бования к их размеру: слишком маленькому или слишком большому животному трудно работать в сложной местности. Юлия поясняет, что лес, в котором проходит тренировка, очень хороший, «дружелюбный». А вот искать пропавших людей нередко приходится в буреломах, в болотах, в оврагах, довольно далеко от дорог. Сильными и выносливыми должны быть все спасатели: и люди, и собаки.

УСПЕТЬ ВОВРЕМЯ

Мария хорошо подготовлена и экипирована, она отлично ориентируется в лесу, у нее есть навигатор и радиостанция, есть вода, непромокаемые одежда и обувь. В карманах – фонарик, маленькая аптечка и питательные батончики. Да и лежит она на туристическом коврике, без которого в лес опытный спасатель никогда не ходит. Всей этой роскоши у грибников обычно с собой нет, многие легкомысленно не берут с собой даже флягу с водой!

А ведь в лесу еще и сыро. Особенно если идет дождь. В такой

ситуации обычные обувь и одежда быстро промокают, и спустя пару часов становится зябко. Трудно себе представить, что означает прожить без специального снаряжения и навыков в таком лесу хотя бы сутки.

В сентябре 2010 года в лесу у подмосковного города Орехово-Зуева 4-летняя Лиза Фомкина потерялась в лесу и продержалась в нем 9 дней. Нашли ее на десятый. Первые пять дней девочку почти никто не искал, полиция и спасатели занимались последствиями знаменитых по-

Руководит поиском развернутый на месте штаб

Юлия Кеслер поддерживает постоянную связь со всеми участниками тренировки

ФОТО АВТОРА

жаров того года, из-за которых дымом накрыло всю Центральную Россию. Затем на объявления в интернете откликнулись сотни добровольцев: они метр за метром прочесывали лесные завалы, подвалы домов, парки. Лизу нашли, но слишком поздно: девочка погибла от переохлаждения.

И тогда добровольцы решили, что так быть не должно. Спустя 20 дней после трагедии появился поисково-спасательный отряд «ЛизаАлерт». Сейчас отряд – это мощная организация, работающая в 64 регионах России. В ее ряды входит

Правила для детей

1. Если потерялся, оставайся на месте. Не уходи с чужим человеком. Доверять можно только человеку с ребенком, полицейскому и тому, кто здесь работает.

2. Выучи номера телефонов родителей, бабушек и дедушек. Пока не выучил – запиши в блокнот и всегда держи его с собой.

3. Если ты на самокате или велосипеде – проверяй, видишь ли ты своих родных. Не видишь – стой и жди.

4. Придумай с родителями пароль, если придется звонить с незнакомого номера. Запомни пароль.

5. Перед походом на городской праздник или в лес пусть родители тебя сфотографируют. Те, кто будут тебя искать, будут знать, как ты выглядишь..

6. А лучше попроси на день рождения часы с трекером, которые сообщают твоим родителям, где ты находишься.

ФОТО АВТОРА

При встрече с человеком Сырок оценивает, нужна ли тому помощь

спасателей, ни у руководителей отряда.

«У меня пятидневка в офисе, поэтому я могу выезжать на поиски либо вечером, либо если меня с работы отпустят, либо в выходные, – рассказывает кинолог Марина Лопатик. – Ежедневные тренировки, поиск занимают много времени. Но уйти отсюда невозможно, это – моя жизнь».

В отряде Марина состоит уже десять лет. Ее Вения породы толлер – вторая поисковая собака, с которой она работает. Век собак недолог, Марина подбирает Вене замену. Третьего питомца опытный кинолог ищет вдумчиво, с определенным характером, от «рабочих» родителей. Щенка нужно дождаться, затем вырастить, обучить и воспитать, так что Вене работать до «пенсии» еще полтора-два года.

Самый сильный стимул для собаки – одобрение хозяйки

В АКТИВНОМ ПОИСКЕ

Статист Мария под бетонной плитой ждет, пока пройдет время, определенное условиями тренировки. Только после этого собаку пустят на обыск местности. Так что пока Мария просматривает чаты отряда «ЛизаАлерт». У спасателей свой жаргон: активный поиск – это не то, что имеют в виду на сайтах знакомств. Это значит, что прямо сейчас где-то ищут пропавшего человека. Идут такие поиски и в Подмосковье: иногда заявка оказывается ложной, иногда заблудившийся человек выходит из леса сам, а бывает, что поиск идет сутками. Мария прямо сейчас решает, к какому активному поиску присоединиться после тренировки.

Нельзя просто так взять свою собаку и заявиться на поиск, координатор вас просто не распределит в группу, если у собаки и проводника нет достаточной квалификации и опыта. За годы работы отряда «ЛизаАлерт» в организации разработана система сертификации собак по трем направлениям работы.

Больше всего собак поисково-спасательной службы, они приучены искать на местности любых живых людей. Они умеют отличать прогуливающе-

более 30 тысяч человек. За двенадцать лет было принято и отработано свыше 217 тысяч заявок, найдено более 186 тысяч человек!

В «ЛизаАлерт» есть координаторы – те, кто отвечает на заявки и оповещает группы поиска. Есть эксперты по связи, картографии, есть люди с подготовленными для длительных автономных поисков автомобилями. Есть те, кто может распечатать, раздать и расклеить на досках объявлений листовки. И есть кинологи.

Кстати, автомобили, радиостанции, снаряжение и собак спасатели-добровольцы покупают на собственные средства. Никаких зарплат нет ни у рядовых

ФОТО АВТОРА

ПРЕДОСТАВЛЕНО ОТРЯДОМ «ЛИЗААЛЕРТ»

ОТ ЗАЯВКИ ДО ЭВАКУАЦИИ

Тем временем в подлеске раздаются шорох и сопение. Шум все ближе, из зарослей появляется седой зверь. Это Сырок, а седой он с рождения, потому что хилер. Породы такая, седая шерсть – признак хилера.

Сырок подбегает ко мне, присматривается: человек с фотоаппаратом ходит по лесу, у всех людей свои причуды, бывает. Сырок хорошо обучен: если человек ходит, значит, у него все хорошо, поисково-спасательная собака таких людей не облаивает. Мало ли, так и испугать можно грибника. Или того хуже – охотника. А вот человек в норе, под плитой – совсем другое дело. В лесу звенит настойчивый лай. Сырок справился с задачей!

Отряд «ЛизаАлерт» похож на большую семью. «Безлошадных» всегда подвезут к месту поиска и домой. Для своих почти даром отремонтируют компьютер или автомобиль, помогут с фотосъемкой и с сайтом и вообще с чем угодно. В отряде есть юристы, врачи, программисты, да кто угодно. У каждого из них есть работа, но для единомышленников они всегда найдут время.

На форуме отряда есть список активных поисков. Есть телефонные номера и точки сбора на поиск. И архив, по которому можно проследить, чем закончилась каждая маленькая история. А главное – результаты: «активный поиск», «найден, погиб» или «найден, жив»...

Выдержав паузу, Мария угощает Сырка припасенным лакомством, а затем достает из кармана его любимую игрушку. Лакомств и игрушек у нее припасено много – для каждой собаки, участвующей в тренировке. Каждый контейнер аккуратно подписан, чтобы не перепутать. Для собаки игра со статистом или лакомство – это поощрение, которое отлично повышает мотивацию. Как для каждого спасателя отряда «ЛизаАлерт» – короткий статус: «найден, жив». 🐾

гося человека от того, кому действительно нужна помощь. Заблудившиеся часто выбирают места, как им кажется, сухие и безопасные – ямы, заросли кустарников. Некоторые взбираются на деревья, где обнаружить их совсем непросто. Есть собаки, способные искать человека по следу, занюхав вещи с его запахом. Это непростая работа, делать ее приходится в «натоптаных», людных местах. А есть собаки, обученные искать тела: они нужны, когда все становится совсем плохо.

«Не на каждый поиск нужны кинологи, их применение всегда очень зависит от специализации», – поясняет Юлия Кеслер. – Собака поисково-спасательной службы обучена искать любого живого человека, ее применяют в малолюдных местах. Посторонние люди будут ее отвлекать, ведь она не знает индивидуального запаха пострадавшего. Собака для поиска по следу применяется там, где есть возможность

взять образец запаха. Например, дачник ушел в лес, и мы точно знаем, что в дачном домике остались его вещи. Такая собака может искать даже в городских парках. В городе может работать и собака, обученная искать тела, так как она ориентируется на специфический запах».

От ответов на вопросы о закладках для подготовки собак для самых печальных случаев кинологи уклонились. Заметили лишь, что использовать купленное в магазине мясо не получится, слишком уж отличается запах животных от запаха человека.

Чаще всего люди теряются в лесу

Телефон дежурного
«ЛизаАлерт»:
8-800-700-54-52

В.М. Васнецов.
Три царевны
подземного
царства.
1881 год

УГОЛЬ, СТАЛЬ И ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

АВТОР

МИХАИЛ ДРОЗДОВ

В НАЧАЛЕ 1880-Х ТАЛАНТЛИВЫЙ ХУДОЖНИК ВИКТОР ВАСНЕЦОВ НАПИСАЛ ТРИ КАРТИНЫ: «БИТВА СЛАВЯН СО СКИФАМИ», «КОВЕР-САМОЛЕТ» И «ТРИ ЦАРЕВНЫ ПОДЗЕМНОГО ЦАРСТВА». СЕГОДНЯ МАЛО КТО ПОМНИТ О ТОМ, ЧТО ОНИ СОСТАВЛЯЮТ ЕДИНЫЙ ЦИКЛ И СВЯЗАНЫ С... ДОНЕЦКИМ УГОЛЬНЫМ БАССЕЙНОМ.

ПЕРВАЯ ИЗ НИХ ВОЗ-
вращает нас к древней
истории этой земли,
много столетий име-
новавшейся Дикой степью или
Диким полем. Вторую можно
трактовать как общий обзор
пока еще не устроенного, но в
будущем такого густонаселен-
ного промышленного края.
А Иван-царевич с пойманной
Жар-птицей на картине – сим-
вол человека, победившего при-

родные стихии. На последней,
главной картине изображены
три сказочные героини – под-
земные царевны: Золотая и Дра-
гоценных камней красуются
в блестящих нарядах, а Уголь-
ная – в черном платье. Симво-
лизируют они несметные богат-
ства Донецкой земли.

Картины эти заказал велико-
му художнику известный ме-
ценат и предприниматель, мо-
сковский купец Савва Иванович

Мамонтов, которого в художе-
ственных кругах называли «Сав-
вой Великолепным». Полотна
должны были украсить кабинет
правления Донецкой каменно-
угольной железной дороги, кото-
рую он построил. Купец проло-
жил ее после успеха с «железной
Ярославкой» (275 км); в Донбассе
же предприниматель развил же-
лезную сеть почти в 500 киломе-
тров. Дебальцево Мамонтов под-
соединил к сети в 1878-м, тогда
же дорога дошла до Луганска.
В следующем году добралась до
Лисичанска. Железная паути-
на соединила Попасную, Крама-
торск и многие другие важные
пункты. В 1880 году к Донецкой
была присоединена Константи-
новская дорога. Строительство
продолжалось до 1882 года и за-
кончилось пуском участка до
Мариуполя. Донбасский уголь
получил выход к морю.

Горнопромышленная карта
Донецкого бассейна
1890 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

О горячем камне на Донцеком кряже сообщали еще Петру I, который пророчески сказал тогда: «Сей минерал если не нам, то потомкам нашим зело полезен будет». По приказу царя была организована геологоразведочная экспедиция во главе с подьячим и рудознатцем Григорием Капустиным. Им и были обнаружены залежи угля на берегах Северского Донца, в районе нынешнего Лисичанска. Тульские кузнецы найденное испытали и «то уголье похвалили и сказывали, что от него великой жар». Теперь Капустина называют «отцом угольного Донбасса». После смерти Петра I о донецком угле в Петербурге, можно сказать, забыли. Вспомнили лишь в конце столетия, когда для нужд новорожденного Черноморского флота потребовалось построить чугунолитейный завод – первый металлургиче-

ский на юге империи. Его возвели на реке Лугани, притоке Северского Донца. Заводу нужен был уголь, который и стали добывать там, где его нашла экспедиция Капустина. В 1795 году открыли первую шахту – казенный рудник в Лисьей Балке. Некоторые исследователи именно этот год считают годом рождения Донбасса. Первопроходцы, прибывшие с Липецких железоделательных заводов и из Петрозаводска, в первый год «наломали» 13 142 пуда каменного угля. В следующие десятилетия здесь возникали в основном мелкие шахты. А в 1841 году по приказу губернатора Новороссии, князя Михаила Семеновича Воронцова, на территории современного Донца был заложен капитальный рудник. И все же настоящие масштабные разработки начались лишь тогда, когда в Донбассе появились железные дороги.

Савва Иванович Мамонтов (1841–1918),
предприниматель и меценат

Самуил
Соломонович
Поляков
(1837–1888),
предприниматель, благотвори-
тель. Шарж
карикатуриста
А.И. Лебедева

Кстати, похожая история с полузабытым ископаемым случилась и со вторым богатством бывшего Дикого поля – железной рудой соседнего, Криворожского бассейна. Поначалу о ней столичные чиновники тоже «забыли», хотя о наличии железной руды на Криворожье было известно еще в XVIII веке. Князь Григорий Потемкин-Таврический командировал на юг России для геологических изысканий профессора Михаила Ливанова, который и обнаружил при слиянии рек Ингулец и Саксагань месторождение железной и медной руды. Потемкин распорядился построить чугунолитейный завод для военных нужд, но с его смертью все прекратилось. И пришлось залежи железистых кварцитов под Кривым Рогом «переоткрывать» в 1866 году местному помещику, титулярному советнику и археологу-любителю Александру Николаевичу Полю.

ДОРОГИ ИЗ ЖЕЛЕЗА

В конце 1860-х годов в России разразилась настоящая «железнодорожная лихорадка», настоятельно требовавшая угля, стали, рельсов, паровозов. Из Москвы до Курска «железку» или, как тогда говорили, «чугунку» (первые рельсы были чугунные. – Прим. авт.) проложили в основном московские купцы. Далее ее взялся продолжить уроженец Могилевской губернии Самуил Соломонович Поляков. Так появилась Курско-Харьковско-Азовская дорога, в 1869 году дотянувшаяся до Харькова, ставшего фактической столицей Донбасса. В Харькове размещались офисы крупнейших угольно-металлургических фирм и банков, включая Совет съезда горнопромышленников юга России. Это был полуофициальный координационный орган, созданный крупнейшими заводчиками и владельцами шахт. Здесь же, в Харькове, жил основатель нескольких банков и председатель местного биржевого комитета Алексей Кириллович Алчевский, речь о котором еще пойдет. В том же, 1869 году первый поезд прошел по линии Харьков – Таганрог. С тех пор эту Азовскую

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Петр Николаевич Горлов (1839–1915), инженер-геолог, общественный деятель

дорогу стали называть «становым хребтом Донбасса». Этот важный и выгодный проект был реализован Самуилом Поляковым всего за 20 месяцев. Правда, качество работ оставляло желать лучшего. Например, Савва Мамонтов, сравнивая свою дорогу с той, что построил конкурент, говорил: «Я не Самуил Поляков. Я – Савва Мамонтов и от строительства каменноугольной дороги в Донбассе испытываю не стыд, а гордость. Я строю на века, ради потомков, а не ради барышей...» Зато именно Поляков привлек к работам по устройству копей и рудников в полосе Азовской железной дороги известного горного инженера Петра Николаевича Горлова. Именно в его честь названа известная сегодня всем Горловка. Прежде на ее месте находились село Государев Байрак, хутора и слободы, уголь здесь добывали в мелких шахтах с начала XIX века. С конца 1860-х начинается активное освоение этой территории, а в 1872 году Петр Горлов закладывает мощную шахту «Корсунская копь №1», оснащенную самым современным по тем временам оборудованием. Финансовую сторону предприятия обеспечивало созданное Поляковым, Горловым и рядом других акционеров Общество Южно-Русской каменноугольной промышленности. Это была первая крупная частная угольная

Горловка.
«Корсунская
копь №1»

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Железнодорожная станция
Горловка. Начало
XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

компания в центральной части Донецкого бассейна, основной капитал которой составлял 1,7 миллиона рублей. В январе 1874 года «Корсунская копь №1» была введена в строй. Через четыре года на шахте работало уже около тысячи человек. Рудник, оборудованный невиданными ранее механизмами и машинами, стал одним из крупнейших угольных предприятий Донбасса. Однако с 1892 года акции Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности начинают активно скупать французские инвесторы. Получив контроль над предприятием, они довели основной капитал общества до 4 миллионов рублей. На тот момент русских предпринимателей в правлении уже не было. Историческая шахта-копь, сменившая название на «Кочегарку», проработала до 1997 года. Еще через шесть лет ее сровняли с землей. А поселок при ней (ныне – город с 250-тысячным на-

селением) и железнодорожная станция с середины 1880-х годов продолжают нести имя своего основателя – Петра Горлова. Надо сказать, Петр Николаевич Горлов, которого называли «отцом русского Донбасса», был чрезвычайно интересным человеком. Он родился в 1839 году в Иркутске в семье главы местного губернского правления Николая Горлова. За смягчение условий содержания декабристов отец будущего инженера был отстранен от государственной службы. Семья переехала в Москву, где Николай Горлов занялся предпринимательством: имел шерстопрядильные фабрики в Измайлове и Свиблове. Петр Горлов после завершения обучения в 1-й Московской гимназии поступил в Петербургский институт Корпуса горных инженеров, который окончил в 1859 году с золотой медалью. Затем были Русское общество пароходства и торговли, Донбасс и еще много чего... В докладе на I Съезде горнопромышленников юга России в 1874 году Петр Николаевич заявил: «На западе от Донецкого кряжа, за Днепром, лежит Кривой Рог, месторождение железных руд, по качеству и количеству их – южная гора Благодать. Местечко Кривой Рог для пользы горного дела на юге России должно быть соединено с Донецким кряжем дорогой прямой и удобной. По этой дороге повезут руду в Донецкий край,

Горловка. Главная шахта Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности

по ней поедет уголь за Днепр в Киевскую губернию». Так и случилось. Строительством руководил русский инженер путей сообщения Валериан Андреевич Титов. Действительно, талантов в Донбассе хватало. Он оказался не только способным руководителем, но и сноровистым предпринимателем – учредителем и акционером ряда акционерных обществ. Профессиональную же свою карьеру он закончил действительным статским советником, членом Инженерного совета Министерства путей сообщения. К строительству железной дороги в Донбассе Валериан Титов приступил в 1881 году, работы закончились 18 мая 1884 года. Вели их опытные смоленские и витебские рабочие. В 1881 году начал работу первый рудник Кривого Рога – Саксаганский. Когда в 1884-м дорога дошла до рудника, Донбасс и Кривбасс объединились в огромный промышленный ком-

плекс. Начался стремительный рост металлургического производства, что, в свою очередь, потребовало увеличения добычи угля. Максимальная добыча руды в дореволюционное время приходится на 1913 год – 6,4 миллиона тонн, или 74 процента всей железной руды, добытой в Российской империи. Мы должны быть благодарны всем им – известным и неизвестным горным русским инженерам и техникам, вскрывшим черное золото и нашедшим металлическую руду, соль, ртуть и прочие богатства в бывшем Диком поле, а также инженерам путей сообщения, проложившим железные дороги к этим богатствам. Дороги, сделавшие Донбасс – Донбассом. Здесь нужно сделать одно важное замечание. Немного ранее, в 1872–1875 годах, заработала железная дорога Лозовая – Севастополь с ветками до Екатеринослава (ныне – Днепропетровск) и Александровска (ныне – Запорожье). Построена она была московским купцом Петром Ионовичем Губониным. Об этом удивительном человеке нужно сказать осо-

Петр Ионович Губонин (1825–1894), купец первой гильдии, промышленник и меценат

бо. Говорят, на столе у императора Александра III стояла серебряная чернильница с дарственной надписью: «От бывшего крестьянина, ныне Твоею Милостью действительного статского советника Петра Губонина». Бывший крепостной стал дворянином, действительным статским, а затем и тайным советником. Построил не только Лозово-Севастопольскую дорогу, но и проложил пятую часть (!) всех железных дорог Российской империи. В 1873 году Губонин вместе с инженером Виктором Голубевым и князем Вячеславом Тенишевым учреждает Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. В 1885-м основывает в Екатеринославе крупнейший Александровский (в честь Александра III) Южно-Российский железоделательный и железопрокатный завод, вошедший в строй в 1887 году. Для снабжения своих заводов углем Губонин приобретает Голубовское каменноугольное месторождение, а затем Берестово-Богодуховскую угольную копи в Макеевке и к 1890 году создает объединенное «Горнопромышленное товарищество» – одно из самых эффективных в империи. А ведь мы сегодня в лучшем случае вспоминаем Петра Ионовича Губонина лишь как устроителя прекрасного курорта в Гурзуфе...

Совет съезда горнопромышленников юга России. 1911 год. Сидит в центре – Петр Николаевич Горлов

ИНОСТРАНЦЫ НАСТУПАЮТ

Наши российские Горловы, Поли, Енакиевы, Титовы, Глебовы строили, искали полезные ископаемые, инициировали создание железных дорог, шахт и заводов. Но средств на реализацию масштабных проектов им зачастую не хватало. Приходилось привлекать иностранных инвесторов. Так, Александр Польш не смог самостоятельно начать промышленное дело из-за нехватки финансов, правительство ему не оказало поддержку, как не помогло позже и Мамонтову, и Алчевскому. Пришлось продать предприятие «Акционерное общество Криворожских железных руд» французской компании.

В 1895 году промышленник Федор Егорович Енакиев привлекает бельгийцев к созданию Русско-Бельгийского металлургического общества, давшего первый чугун уже в 1897-м.

Горнопромышленники Иван Григорьевич Иловайский и Андрей Николаевич Глебов продают Макеевские рудники Русскому Донецкому обществу каменноугольной и заводской промышленности, созданному с привлечением значительного франко-бельгийского капитала. В 1911 году общество перешло под контроль французского «Русского горного и металлургического Униона».

В целом это была политика не только российских предпринимателей, но и правительства: привлечение иностранного капитала для подъема экономики. В ней были свои плюсы и свои минусы. Предприятия с иностранным капиталом оставались в России, платили налоги и давали работу русским рабочим, но большая часть прибыли, как правило, утекала за границу. У иностранных компаний и банков появлялось все больше возможностей контролировать отечественную промышленность.

После прокладки в Мариуполь железной дороги в городе появились два крупнейших металлургических предприятия – Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества и общества «Русский Провиданс».

Джон Юз (1814–1889), промышленник, инженер, металлург. Основатель Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Оборудование первого из них было привезено в 1888 году на пароходах из США одним из хозяев – американцем Смитом, прибывшим вместе с мастерами – братьями Кеннеди. Второе предприятие было создано в 1899 году бельгийской компанией «Форжде ла Провиданс». Управление находилось в Брюсселе, ответственное агентство располагалось в Петербурге. Директорами правления общества были бельгийцы и французы. В период с 1900 по 1914 год основной капитал «Русского Провиданса» вырос с 15 до 25 миллионов рублей. Известный писатель и журналист Владимир Гиляровский, побывав в тех местах, писал в 1899 году в очерке «Железная лихорадка»: «Иностранцы лезут в Россию с громадными капиталами! Бельгийцы уже главные хозяева на юге России!..»

Еще раньше символом «иностранного» Донбасса стали британский промышленник Джон Юз и его Юзовка (ныне – Донецк). Валлиец, металлург и изоб-

брататель Юз, а точнее, Джон Джеймс Хьюз, прежде чем начать бизнес на крайне привлекательном с точки зрения доходов юге России, все продумал, осмотрел и, самое главное, в Петербурге провел «переговоры» с великим князем Константином. Заказами от казны он теперь будет обеспечен надолго. Для привлечения инвестиций Юз в 1869 году создал в Лондоне акционерное Новороссийское общество каменноугольного, железного, стального и рельсового производств. В числе 19 акционеров были и российские подданные: Сергей Кочубей владел лицензией на рельсовый завод, а Павел Ливен владел землями в районе реки Кальмиус.

Летом 1870 года восемь кораблей пристали к берегам Азовского моря. На них было оборудование (хоть и не самое лучшее) для организации металлургического завода, а также сотня опытных металлургов и горняков из Южного Уэльса. Для британцев построили особую «Английскую колонию», где возвели англиканскую церковь, больницу, школы, бани и т.д. Почти все в Юзовке принадлежало Юзу. Юзовский завод заработал в 1872 году, рельсы поначалу были невысокого качества, так что, к примеру, тот же Мамонтов предпочитал покупать германские. Но со временем все наладилось. Предприятие стало одним из крупнейших в Российской империи. В будущем Донецке к 1917 году проживало уже не менее 60 тысяч человек.

Джон Юз довольно скромно жил при заводе, пользовался уваже-

Юзовка. Центральная шахта и коксовые печи завода Новороссийского общества. Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

нием рабочих, которые звали его Иваном Ивановичем, и являл собой пример весьма приличного хозяина-иностранца на просторах России. В других местах, бывало, владельцев и в лицо не видели. Так, например, говорили о немце Густаве Гартмане, владельце паровозостроительного завода в Луганске...

В ОЖИДАНИИ РУССКИХ КАПИТАЛОВ

Постепенно в Донбассе создавались и росли огромные заводы, производящие металл, на-гора выдавалось все больше и больше каменного угля. В последние десятилетия XIX столетия и долгие годы XX века Донбасс был промышленным сердцем, главной угольно-металлургической базой нашей страны – и Российской империи, и СССР.

К 1917 году на горнопромышленном юге России было сосредото-

чено уже более двух третей отечественной металлургии и почти четыре пятых добычи угля.

Одновременно Донбасс стал центром сосредоточения зарубежного капитала и источником фантастических доходов иностранных компаний. И это несмотря на то, что уникальную промышленность Донбасса заложили, да и развивали, в основном выдающиеся русские инженеры и промышленники. В угольной промышленности иностранцам принадлежало две трети основного капитала, в металлургии – 90 процентов.

За двадцать лет до 1917 года из России было вывезено 7 миллиардов золотых рублей, что почти в три раза превышало все иностранные капиталовложения в промышленность и другие отрасли экономики страны.

Такие вот противоречия большого, даже «бешеного» роста про-

Донецкий
каменноуголь-
ный бассейн.
Углекопы
в шахте

мышленности юга России. Какие бы ни были иностранцы – более или менее приличные, как Джон Юз, или не очень, – суть была одна: прибыли уходили из России. Так что можно было гордиться результатами рекордного, показательного 1913 года, но надо и понимать, за счет чего все это достигалось.

В советское время и российских, и иностранных промышленников нещадно обличали и критиковали за эксплуатацию рабочих, упоминая заодно и экономическую зависимость от Запада. После 1991 года на Украине в исследованиях по истории промышленности Донбасса началось явное восхваление иностранцев за «большую культуру», что пришла с ними. Особые реверансы делались в сторону Франции, «внесшей наибольший вклад в развитие мировой культуры».

Или вот пишут в интернете, к примеру, про Константиновку, где бельгийским Анонимным обществом донецких стекольных и химических заводов были построены стекольный и химический заводы. Пишут вот так: «Становление города и развитие его промышленности происходило благодаря значительному материальному и управленческому вкладу со стороны граждан Бельгии...» Правда, «граждане Бельгии» в июле 1900 года избили двух русских рабочих, да так, что из-за забастовок по этому поводу встали все заводы. Просвещенная культурная Европа немного дала нашим работягам в смысле культуры, коль в 1917 году 60 процентов населения той же Константиновки не умели читать и писать. Такой вот «ренессанс» наступил в Донбассе с приходом французов и бельгийцев...

Российские деньги по-настоящему потекли в Донбасс с началом Первой мировой войны. Причем деньги немалые. И государственные – из Петербурга-Петрограда, и частные – в основном из Москвы. Но рассказ об этом – в следующем номере журнала. ■

Завод Новороссийского общества. Центральная шахта и коксовые печи. Начало XX века

Замок
Балтит
и хребет
Каракорума
с пиком
Ультар Сар

ИНДИЙСКИЙ РУБЕЖ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

СЕЙЧАС ЭТО СЕВЕРНЫЕ ПРОВИНЦИИ ПАКИСТАНА – ПРЕДМЕТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СПОРА С ИНДИЕЙ. А КОГДА-ТО ЗДЕСЬ ПРОХОДИЛА ЮЖНАЯ ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ВЫСОКОГОРНОЕ КНЯЖЕСТВО ХУНЗА В БОРЬБЕ С БРИТАНСКИМ ДАВЛЕНИЕМ СЧИТАЛО СВОИМ ПОКРОВИТЕЛЕМ РУССКОГО ЦАРЯ, ПОДДАНСТВО КОТОРОМУ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПРИЗНАВАЛО.

ГОРОД КАРИМАБАД В пакистанской провинции Гилгит-Балтистан до 1983 года назывался «Балтит». А затем был переименован в честь уважаемого, ныне здравствующего политика – шаха Карима аль-Хусейни,

Ага-хана IV, 49-го имама шиитов-низаритов. Он родился в 1936 году и ведет свое происхождение от пророка Мухаммеда. Каримабад – крупнейшее поселение этих мест. Здесь прежде была столица княжества Хунза. Правители, которые носили титул

«мир», жили в замке Балтит. Он и сейчас возвышается над долиной, окруженной заснеженными вершинами Каракорума с главенствующей по соседству Ракапоши (7788 м). Средняя высота здесь около 2700 метров над уровнем моря. Дышится хорошо. С гор стекает специфическая – с масляным серебристым отливом – ледниковая вода, насыщенная минералами. Она не только вкусна, но, как считается, способствует долголетию. Этот благодатный край столетиями был обособлен от остального мира. На севере – полупустынный Синьцзян, формирующий границу с Китаем. На юге – гималайские предгорья и верховья бурного Инда, к которому стекает главная местная артерия – река Хунза.

Последний мир независимого Хунзы, Мухаммад Джамал Хан, умер в 1976 году, а его сын, наследный правитель – мир Газанфар Али Хан, родившийся в 1945 году, жив. Более того, в 2015–2018 годах он был губернатором Гилгит-Балтистана. На этом посту его сменил сын – Раджа Джалал Хуссейн Макпун, родившийся в 1961 году. Свой замок Балтит мир Газанфар Али Хан в 1989 году подарил специальному фонду, который занялся его реставрацией. Теперь здесь музей. Его открыли для посетителей в 1996-м.

У подножия замковой скалы проходит единственная магистраль этих мест – Каракорумское шоссе. Оно ведет в Китай и заканчивается на высоте 4500 метров – в самом высокогорном пограничном пропускном пункте. Дорога идет по ущелью, по которому раньше шли тропы Великого шелкового пути, тянулись караваны из Индии и обратно. Здесь встречались бухарские ковры и цейлонский чай.

Замок Балтит запирает это ущелье. На его крыше сохранился деревянный балдахин с тронным местом мира, с которого открывается феерический вид на окружающий мир, вечные горы и вселенную. Отсюда правитель оглядывал свои владения летом. Зимой он предпочитал соседнюю веранду с камином, где также был удобный топчан. Стену веранды украшают ружья. Му-

Полковник
Б.Л. Громб-
чевский.
Около
1900 года

зейная табличка поясняет, что это «русские ружья» (Ursee). Они длиннющие, с фитильным замком XVII–XVIII веков, рассчитаны на среднюю дистанцию и под большую пулю. Громбчевский определил их калибр: «около пяти линий» – 12,7 миллиметра. Их доставляли через Китай (Синьцзян) или Афганистан (Бадахшан), а некоторые просто отбирали у противников и путников. Каждое имело свое имя. Экскурсовод рассказал, что махараджа Кашмира регулярно нападал на Хунзу – в 1842, 1848, 1865, 1866 и 1882 годах. Всегда был отбит. В том числе с помощью этих ружей. В последний раз их использовали против бри-

танского экспедиционного корпуса полковника Элжернона Дюранда в декабре 1891 года. Тогда Хунза было завоевано. «Русские ружья» не помогли. Люди начали покупать более современные английские винтовки – правда, уже только для охоты. А старые ружья хранились в семьях как реликвии и позже были переданы в музей. Теперь они экспонаты, напоминание о России – нереализованной возможности, альтернативы иному колониализму, неведомой, а потому манящей.

Следующая комната – спальня супруги мира, уютный будуар с креслами и фотографиями. В углу – ряд портретов представителей иностранных держав. Под первым подпись: «Полковник Бронислав Громбчевский, русский посол, посетил Хунзу в 1888 г.». Второй – поменьше, помечен табличкой: «Капитан Фрэнсис Янггазбенд, британский посол, посетил Хунзу в 1889 г.». Далее – все остальные, включая коронованных особ. Экскурсовод – важный покладистый пакистанец в традиционном шальвар-камизе – гордо подчеркивает, что его прапрадед (или около того) присутствовал на приеме, когда мир Хунзы впервые встречал посла европейской державы – самого Громбчевского! Мир тогда попросил императора Александра III принять Хунзу в русское подданство. Но ему, кажется, даже не ответили.

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

Гостиная в замке Балтит
с «русскими ружьями» на стене

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

БОЛЬШАЯ ИГРА

От Каримабада до ближайшей бывшей советской погранзаставы в Таджикистане (например, легендарной ПЗ «Речная») по прямой около 120 километров, но дорог как не было, так и нет: ситуация не слишком изменилась за прошедшие полтора столетия. Помимо Каракорумского шоссе только узкие тропы, по которым может пройти лошадь или проехать специально подготовленный джип. Если случается обвал, то все ждут – объездов не существует...

В 1885 году в Яркенде (Кашгар) Бронислав Людвигович Громбчевский, уже зарекомендовавший себя как знаток Средней Азии и местных языков, столкнулся с послом Канджута – так тогда называли Хунзу. Тот рассказал ему печальную историю княжества, которое формально было зависимым от Китая и платило соседу символическую дань. И одновременно подвергалось постоянному давлению Кашмира, который к этому подталкивали англичане, опасавшиеся свободолюбивых горцев. Русский офицер загорелся желанием разведать те места. Он сделал все официально. Обратился в МИД, заручился согласием Русского географического общества (РГО), даже выбил на экспедицию какие-то деньги. Но по большому счету оплатил ее сам.

Позднее Громбчевский вспоминал, что чиновник в МИДе, курировавший среднеазиатское направление, путался в словах «Кашгар» и «Кашмир»: «Это же где-то в одном месте?» – переспрашивал он. Неудивительно: приоритетными для русских дипломатов тогда были европейские дела. И ссориться с Англией за пустынные долины в далеких нагорьях никто не рвался. Каждый раз это была инициатива энергичных молодых офицеров, которым потом еще и доставалось за несанкционированное расширение границ империи. Так, когда в 1850 году капитан Геннадий Иванович Невельской поднял российский флаг в устье Амура, его отдали под суд и даже хотели вернуть

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

Комната
(спальня)
в замке Балтат
с портретами
знатных
посетителей

земли Китаю. За взятие Ташкента в 1865-м генерал Михаил Григорьевич Черняев был уволен со службы – совершил завоевание без разрешения. За бой на Кушке в 1885 году, когда русские закрепились в двухдневном переходе от Герата, генерал Александр Виссарионович Комаров тоже попал в опалу и был отозван в Петербург. Примеры можно множить. Громбчевский о них знал. Впрочем, в данном случае все было сложнее. Позже в своих воспоминаниях уже генерал Громбчевский выдавал события за случайные и не-

преднамеренные, а идею экспедиции в Канджут приписывал исключительно себе.

Однако на самом деле еще мир Газан-Хан, правивший в 1863–1886 годах, пытался заручиться союзом с Россией. Сменивший его в 1886 году мир Сафдер-Али-Хан также почти сразу обратился к русскому поверенному в Кашгаре Николаю Федоровичу Петровскому с просьбой о принятии в русское подданство. Петровский доложил об этом в Санкт-Петербург, а в мае 1888-го, когда его в Кашгаре посетил один из братьев Саф-

Портреты
Бронислава
Громбчевского
и Фрэнсиса
Янгхазбенда
в замке Балтат

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

Замок Балтит.
Вид с юга

дера, Магомед-Назим, сообщил тому, что скоро в Балтит будет направлен русский посол. Штабс-капитан Громбчевский не был тогда самостоятельной фигурой, хотя в тех местах, конечно, от таких штабс-капитанов все и зависело. Англичан там представлял деятельный драгунский лейтенант Фрэнсис Янгхазбенд, получивший звание капитана в 1889 году. Он тоже колесил по Памиру и Тибету, прикрываясь топографическими и этнографическими исследованиями, параллельно выискивая новые владения для британской короны. Традиционно власть над Памиром делили между собой Бухара и Коканд. В 1873 году российский протекторат признало Бухарское ханство, а в 1875-м было завоевано Кокандское. Уже в 1876 году оно было упразднено и включено в состав России в качестве Ферганской области – подразделения Туркестанского генерал-губернаторства. В этом смысле юридически Памир стал русским. Но только формально. Никто не знал ни границ этой области, ни его населения. Известно было, что там горы, а за ними – Индия.

В 1884 году русские захватили Мерв, а в 1885-м нависла угроза над Гератом. Прояснив пути через Памир и Гиндукуш, можно было выйти в Кашмир и Пенджаб. Англичане почувствовали угрозу своей монополии. В 1884 году в Шимле – летней ставке британской колониальной администрации Индии – для внутреннего пользования была опубликована книга генерал-квартирмейстера Чарльза Макгрегора «Защита Индии. Стратегическое обследование» (The Defence of India. A Strategical Study). В предисловии к этому секретному трактату он писал: «Можно с уверенностью утверждать, что ряды тех, кто считает, что Индии не угрожает опасность со стороны русских завоеваний в Азии, сильно поредели вследствие недавнего ничем не мотивированного и коварного наступления этой державы на Мерв, и поэтому любые предостережения уже излишни. Как бы то ни было, я надеюсь, что то, что я скажу, наконец откроет глаза всем англичанам и убедит тех, кто еще колеблется, в том, что опасность теперь реальна».

Генерал готовился воевать, для чего прежде всего требовал продвинуть границы подконтрольных Англии областей на север – в Хунзу и на Памир. Примечательно, что вскоре эта книга попала в Петербург, была переведена на русский и в 1891 году опубликована Генштабом для сотрудников под грифом «секретно». Это действительно напоминало игру, когда участники, изображая взаимную любезность и приверженность «международному праву», делят между собой чужие земли, стараясь прямо друг с другом не воевать.

ПОХОД

Громбчевский выехал из Петербурга в мае 1888 года. По пути он заехал в Крым, чтобы заручиться поддержкой великого князя Константина Николаевича, бесценно возглавлявшего РГО со времени основания общества в 1845 году. Далее штабс-капитан проследовал на поезде через Батуми к Баку и затем паромом в Узун-Ада (этот порт позднее был перенесен в Красноводск – ныне Туркменбаши. – **Прим. авт.**). В Средней Азии тогда была только одна железная дорога: от этой гавани на Каспийском море функционировало стабильное сообщение до Ашхабада и эпизодическое – до Самарканда. Громбчевский заехал в Бухару к эмиру, чтобы соблюсти приличия. А потом сразу отправился в Маргилан – в то время столицу Ферганской области. Его отряд, состоящий из четырех казаков и двух местных вольнонаемных – сарта и таджика, – направился в сторону Алайского хребта 12 июля 1888 года. По пути они нанимали проводников, закупали коней и провизию. Чтобы преодолеть Памир и достичь Гиндукуша, им потребовался месяц. В Канджуде они вошли, преодолев в Каракоруме перевал Килик, расположенный на уровне около 4800 метров. Это та же высота, что и вершина Монблана – самая высокая точка в Альпах. Затем они спустились к верховьям рек Килик и Хунза. 14 августа к ним вышел первый канджудец.

Жители были предупреждены о возможном прибытии русского посла. Но Громбчевский попытался откреститься от этой роли. Он сразу написал миру письмо, в котором представился топографом. Однако ответа ждать не стал. Опасаясь, что его как обычного ученого попросту выдворят, он начал спуск в долину в направлении к Балтиту. Вскоре его нагнало ответное письмо мира. Ему были рады, но он здесь посол – иначе никак. Штабс-капитан позднее отчитывался, что настаивал на научных целях своей экспедиции, но ясно, что делал он это не слишком настойчиво. Его манили Канджут и слава первопроходца.

Дорога была трудной. Местами она становилась такой узкой, что «нога лошади с трудом умещается на тропинке», – записал в дневнике Громбчевский. Склоны порой имели уклон до 75 градусов. В одном месте дорога обвалилась: «подмыла гранитную скалу, которая на расстоянии около километра нависала над водой. Тропа частично шла по выступу в скале, частично же прерывалась, и тогда несколько метров нужно было преодолевать, прижавшись лицом к скале, нащупывая в отвесной стене трещины и выступы для ног и цепляясь пальцами за узкие расщелины. В течение нескольких минут человек буквально висел на кончиках пальцев над пропастью и ревушей внизу рекой. Когда-то здесь были выдолбленные в скале «балконы», но они были снесены обвалами и снежными лавинами, новых же канджутцы не сделали, поскольку умели цепляться за скалы, как обезьяны за ветки деревьев».

Члены экспедиции не смогли перебраться в этом месте самостоятельно. Для них заготовили веревки и перенесли с помощью подвесной конструкции. Вернуться обратно можно было только тем же путем. Было ощущение, что они оказались в мышеловке. Без разрешения мира их бы не выпустили. За жизнь пришлось торговаться. Тут могло помочь только положение посла великой державы.

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

БЕЛЫЙ ЦАРЬ

Канджут – бедная страна. Ресурсами не избалована. Важным отхожим промыслом местных горцев были грабежи и набеги на соседей. На Памире у них была плохая репутация. Весной 1888 года Сафдер-Али организовал налет на пост кашмирцев и перебил их. Ожидая возмездия от англичан, он обратился к китайцам за помощью, но те уклонились. Мир оказался в стесненном положении. Россия была его последней надеждой. Он упорно навязывал Громбчевскому роль посла, ссылаясь на сведения, полученные якобы от кашгарского консула Петровского. Объявил об этом людям в мечетях во время вечерней молитвы, а в сопредельные княжества отправил вестников. Сделал так, чтобы об этом узнали в соседнем Нагаре и Гилгите, откуда немедленно прислали послов наблюдать неслыханное. Там должны были узнать, что мир Хунзы (Канджута) теперь российский подданный и «белый царь» вступится за него перед англичанами.

1 сентября Громбчевский достиг Балтита и сразу был при-

нят миром. Встреча была организована торжественно. Штабс-капитан тоже подлил масла в огонь и предстал перед правителем не случайным путешественником, а в парадном мундире с орденами и оружием. Эскортом служили его приодевшиеся казаки. Громбчевский преподнес подарки. И отыграл церемонию как посол. Об этом узнали все в тех горах, а вскоре и в Кашмире и в Лондоне. В дневнике Громбчевский записал: «Одевшись в сюртук, орден, я при шашке и шарфе, в белых перчатках и фуражке, верхом отправился к месту, где должен был быть дурбар. Меня сопровождали казаки верхом... По обеим сторонам толпились народ и женщины. Наконец, мы въехали в широкую аллею, обсаженную тополями... При входе в аллею стояло несколько десятков солдат, с разнокалиберными ружьями и шашками в ножнах, поднятыми на плечо. По склону горы справа расставлены были разноцветные большие знамена: около каждого знамени стояло по несколько солдат. Противополож-

Зал приемов
в замке Балтит

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

С Громбчевским вел переговоры тот же визирь Даду. Однажды он даже подстроил сцену с послами из Гилгита – владений, где уже давно обосновались британские агенты. В дневнике штабс-капитан записал: «Вазир говорил постоянно, что вся надежда на Белого Царя, что врагов у них много, но что чувствуя за собой великого государя, они их не боятся, затем послал за гилгитцами, что-то долго и грозно говорил им, часто вспоминая Имя Государя, указывая на меня и казаков. Потом стрелял часто и на все стороны из подаренного мною ружья, и один бог ведает, как он не убил кого-нибудь». Посланники говорили на местном наречии, большинство владение фарси. Громбчевский знал тюркский и немного фарси. Многочисленные языковые тонкости он не улавливал, но в отчете потом цитировал канджутцев вполне складно.

Старательно отводя от себя ответственность в принятии Канджута в русское подданство, Громбчевский предложил составить соответствующее прошение императору и направить его через российского консула в Кашгаре, который сможет официально передать его министру иностранных дел. На себя принял только обязательство доставить письмо военному министру «с просьбой о поддержке данного дела перед императором».

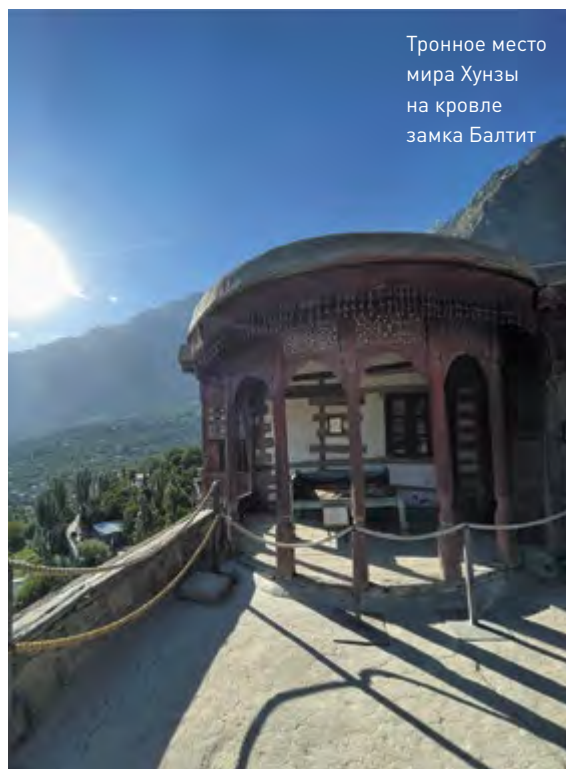
На том и порешили. Изрядно потрепанный, раздавший большинство ружей на подарки и уставший от вымогательств местных чиновников, Громбчевский спешно засобиравшись в обратный путь. 7 (19) сентября 1888 года в замке Балтит мир принял его в последний раз. Офицер записал в дневнике последние важные слова правителя. Сафдер-Али-Хан настаивал: «Я прошу Вас довести до сведения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, что я преподношу Ему по наследству доставшийся мне народ и голые горы, а себя считаю первым рабом Его. Я знаю, что земля моя не нужна ему, что пользы Ему от нас нет, но имя БЕЛОГО ЦАРЯ перешаг-

ный конец аллеи запружен был народом».

Громбчевский спешил в 15 метрах от трона, на котором сидел мир. Сафдер-Али встал и подал руку, спросив о здоровье российского императора. Тут же начался салют, палили из ружей и единственной имевшейся тогда в Канджуте пушки. Сейчас это орудие размещено при входе в замок Балтит, а на табличке указано, что «оно изготовлено около 1869–1870 гг. во время правления Газан-Хана». То есть пушка местного производства. Впрочем, существует версия, что в 1885 году ее подарил полковник Уильям Локхарт, который выкупил право прохода через Хунзу с целью топографической съемки. Он тогда заплатил миру огромную сумму – около 30 тысяч рупий – и принес много подарков, но все равно не избежал грабежей. Громбчевскому говорили, что Газан-Хан был убит именно за то, что пропустил британцев через Гиндукуш. На самом деле убит он был по наговору собственного визиря Даду, а смертельный выстрел произвел его родной сын

Сафдер-Али-Хан, который и занял потом трон. Отцеубийца без стеснения об этом рассказывал. Местные дипломаты разъясняли русским, что в Хунзе правители редко умирают естественной смертью.

Терраса
на кровле
замка Балтит
с тронным
местом мира

Тронное место
мира Хунзы
на кровле
замка Балтит

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

нуло поднебесные горы и громадные расстояния и достигло нас бедных горцев и ради Своего имени, пусть Великий Государь не отказывается от нас. Имя Его грозно, Его боятся все. У меня врагов много, но я спокоен, потому что плечами прислонился к скале, на которой стоит незыблемо БЕЛЫЙ ЦАРЬ. Англичане являлись к моему покойному отцу и присылали людей своих ко мне. Не место здесь говорить, чем они нас дарили, скажу только, что в последнем письме ко мне вице-король Индии обещает страну мою сделать арсеналом и казнохранилищем всей Индии. Мне противны англичане и я прогнал посланцев. Я знаю, они будут мстить мне за это, но я не боюсь их, ибо ухватился за конец полы плаща, которым прикрывается БЕЛЫЙ ЦАРЬ».

Затем мир приподнялся, обратив лицо к западу, и прошептал короткую молитву. Все присутствующие погладили бороды и произнесли: «Аллах акбар».

На прощание Сафдер напомнил: «Мы, канджутцы, народ храбрый, отстаивали независимость свою со времен Александра Македонского, и я первый государь, который решился преклонить колено перед другим Государем – Александром III Великим».

Англичан в Индии охватила паника. Сбывались самые худшие прогнозы. Русские перешли Гиндукуш и закрепляются в верховьях Инда! В Балтит срочно направился британский поверенный Янгхазбенд, которому повторили примерно то же: теперь здесь подданные России. Уговоры и угрозы не подействовали. Соглашение заключили только о мирном соседстве. Но недоверие сохранялось. Когда британский агент в Гилгите начал ремонт приграничного форта, из Канджута последовали угрозы. Их использовали как повод к войне. 1 декабря 1891 года на Балтит выступил возглавляемый полковником Дюрандом отряд, насчитывающий около тысячи солдат-индусов, сипаев, вооруженных современ-

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

Вид с кровли
замка Балтит
на долину Хунза

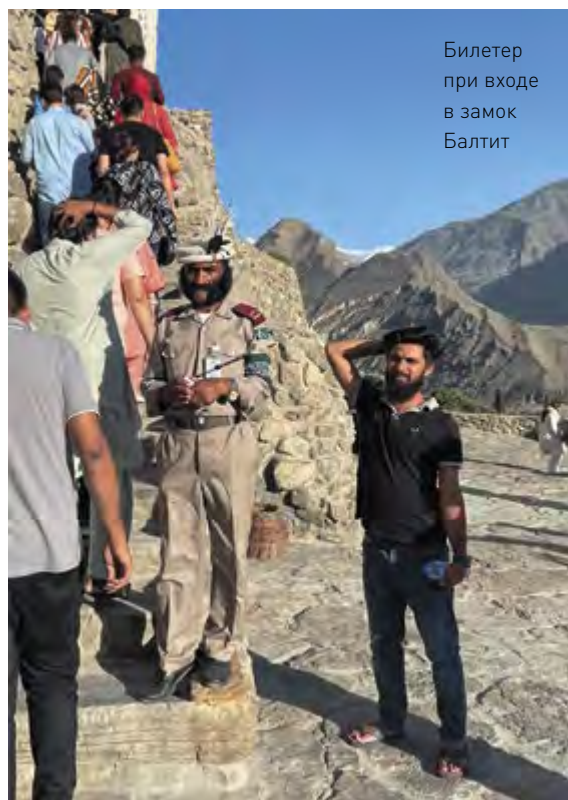
ными винтовками. Также у них было два артиллерийских орудия. Интервентов сопровождал Янгхазбенд.

Все вооруженные силы Канджута насчитывали чуть более

600 человек. В бой пошли даже старики. Набрали около 2 тысяч бойцов. И первое сражение они даже выиграли. Сафдер отправил Петровскому радостную реляцию: «Сразился с англичанами. ...шесть англичан и сто солдат убиты». Свои потери он оценил в 10 убитых и 15 раненых. Но, кажется, мир переоценивал успех. Британцы не остановились. В следующем бою, у замка Нилт в Нагаре, войска горцев были разбиты. Сафдер-Али отправил гонца к русскому консулу в Кашгар, вымаливая помощь: достаточно «100 человек с оружием под началом Громбчевского», – утверждал он.

Русские не помогли. Сафдер-Али вынужден был оставить Балтит и бежать к китайцам. Там он был арестован и провел остаток жизни в изгнании.

Нагар и Хунза были завоеваны. Мир Нагара сохранил свой трон, а в Хунзе утвердили нового – Сафдера-Али сменил его брат Магомед-Назим, признавший британский протекторат. От него ведут происхождение позднейшие миры Хунзы.

Билетер
при входе
в замок
Балтит

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

ИННЫЕ ПУТИ

Громбчевский доставил в Петербург все необходимые письма, но в столице хода им не дали. Сам он более Канджута не посещал, хотя получал письма от Сафдера-Али. Проведя еще одну экспедицию на Памир и в Тибет, он перешел на административные должности. В 1896 году его перевели на Дальний Восток, где он дослужился до генеральских эполет. В 1903–1906 годах Громбчевский был астраханским губернатором. Потом работал на КВЖД. В 1919–1920 годах, кажется, выступал связным между Деникиным и

Штабс-капитан
Громбчевский.
Около 1885 года

Вид из гостиной
замка Балтит

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

Колчаком. Позднее вернулся к родным в Варшаву.

Русский патриот польского происхождения вынужден был зарабатывать публикацией мемуаров и консультациями в метеорологической службе Польской Республики. Умер он в 1926-м – на 72-м году жизни. В те времена о его попытке захватить Канджута вспоминали только англичане, для которых это был опасный, но обезвреженный соперник.

В феврале 1926-го Янгхазбенд, ставший к тому времени президентом Королевского географического общества, посвятил доклад об одной из каракорумских долин «своему сопернику и другу – капитану Громбчевскому», «выдающемуся поляку», который «поднялся до высокого положения в российском обществе, но во время революции был брошен в тюрьму, и у него отняли все имущество»: «Все это его полностью сломало. И я постарался уверить его в том восхищении, с которым британцы к нему относятся».

Они случайно встретились на Памире в 1889 году, а позже еще раз. И не виделись более тридцати лет. Потом каждому было приятно вспоминать те времена, когда они боролись за Памир, за свои великие державы. Впрочем, тогда Громбчевский причислял себя к русским.

Исследователи теперь нередко отмечают, что рейд Громбчевского в Канджут (Хунза) фактически спровоцировал британскую интервенцию. Дескать, в противном случае княжество могло сохранить независимость и некий буферный статус. Сложно гадать, что было бы. Логика колониализма предполагала идти до предела. Британцы поступали так же.

Но в музеях Балтистана туристам из других регионов Пакистана любят напоминать, что у гималайских горцев мог быть другой – русский путь, утраченная возможность иного – хорошего или плохого, – уже не узнать. ■

ЯВЛЕНИЕ ИСКУССТВА РОССИИ ЛОНДОНУ

АВТОР

НАТАЛИЯ ДРОНОВА

ЯВЛЕНИЕ ИСКУССТВА РОССИИ ЛОНДОНУ ПРОИЗОШЛО 1 МАЯ 1872 ГОДА И БЫЛО ВПЕЧАТЛЯЮЩИМ. «РУССКОЕ ИСКУССТВО ОБЕЩАЕТ ПОРАЗИТЬ МНОГИХ», – ИНТРИГОВАЛА НАКАНУНЕ СОБЫТИЯ ЛОНДОНСКАЯ ГАЗЕТА THE EVENING STANDARD. «ОБРАЗЦЫ РУССКОГО ИСКУССТВА, НЫНЕ ПОКАЗАННЫЕ, НИСПОСЛАНЫ СВЫШЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ НАШИ ХУДОЖНИКИ, А ТАКЖЕ ХУДОЖНИКИ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ НЕ ПОЧИВАЛИ НА ЛАВРАХ», – ЗАКЛЮЧАЛА ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА THE MORNING ADVERTISER.

ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИЛО В ЮЖНОМ КЕНСИНГТОНЕ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОТДЕЛЕ лондонской Международной выставки 1872 года. Она являлась частью большого выставочного проекта Британии, о котором сегодня изредка вспоминают разве что специалисты. А событие вполне достойно того, чтобы назвать его примечательным. Как это было?

«АНГЛИЧАНИН-ХИТРЕЦ, ЧТОБ РАБОТЕ ПОМОЧЬ...»

Всемирные, международные, национальные выставки... Лондону в этом параде честолюбия и свершений Старого и Нового Света довелось сыграть роль локомотива – признанного в ту пору символа прогресса. В 1851 году в британской столице с триумфом прошла первая Всемирная выставка, назван-

ная современниками «Великой». Эстафету принял в 1855 году Париж. В 1862 году в Лондон вновь съехались гости с разных континентов. Еще через пять лет мировой сценой праздника коммерции, науки, техники и искусств вновь стал Париж. Организаторы и участники стремительно накапливали опыт. Зрители отдавали дань феерическому зрелищу, но все чаще приходили в замешательство от многообразия разнородных и странно расположенных экспонатов – «статуй посреди гороха и бобов» – и хаоса впечатлений. Уже при подведении итогов пятой по счету – парижской Всемирной выставки 1867 года – стали раздаваться голоса в пользу изменения порядка их проведения. Решение главных стран-участниц – Великобритании, Австрии, Пруссии, России, Италии и США – принималось в согласии.

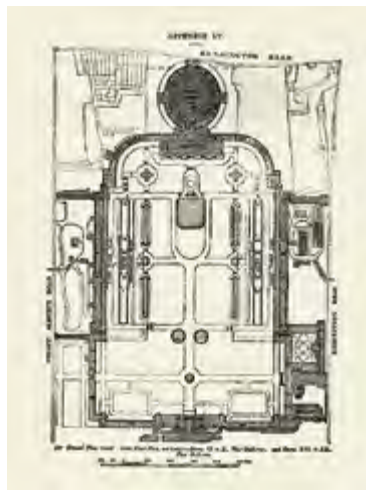

Инициативу в осуществлении амбициозной идеи взяла на себя Британия. От ее имени в 1868 году был заявлен, параллельно с уже существовавшими, новый проект. Изначально рассчитанный на десять лет, он предусматривал ежегодное проведение в Лондоне серии международных выставок. На них непременно должны были быть полноценные, во всех классах, отделы изящных искусств и научных открытий и изобретений. Показ достижений в разных сферах экономики мыслился как чередующийся по отраслям год от года. Особое внимание предполагалось уделить искусству в разных его ипостасях – от уникальных творений высокого «чистого искусства» до окружавших человека обыденных вещей массового производства, но непременно отмеченных печатью красоты. От привычного построения экспозиций по национальному признаку решили отказаться ради создания целостной картины общего прогресса цивилизации и торжества здоровой конкуренции. Поэтому особые павильоны стран на лондонских выставках не предусматривались. Упразднилось и присуждение премий: сам факт участия считался знаком признания и достойной наградой.

Организовать исполнение задуманного поручалось устроителям ставшего легендой триумфа 1851 года. В такой преемственности усматривался и всячески подчеркивался особый смысл. К участию в работе привлекались авторитетные британские специалисты и иностранные комиссары. Местом грандиозного события определили Южный Кенсингтон – район Лондона, где в 1862 году проводилась Всемирная выставка. Он стал средоточием музеев, средой обитания людей науки и искусства. Там в окружении садов, в дополнение к уже существующим зданиям Кенсингтонского музея, сооружались специальные павильоны и галереи. Они примыкали к недавно распахнутому

Южный Кенсингтон, Лондон. Место проведения международных выставок 1871–1874 годов. Слева – Альберт-холл (открыт 29 марта 1871 года), справа – выставочные галереи, построенные в 1869–1871 годах. Гравюра на дереве Д.-Дж. Андерсона. 1871 год

Общий план территории проведения лондонских международных выставок 1871–1874 годов, включая Альберт-холл и помещения для экспонирования коллекций. Из отчета Генри Коула, генерального комиссара выставок 1871–1874 годов. Издан в Лондоне в 1875 году

двери грандиозному концертному залу, построенному по инициативе королевы Виктории в память супруга, принца-консорта Альберта, и названного в его честь.

Скажем сразу: воплотить в жизнь масштабный замысел в полной мере не удалось. Обнаружилось, что многое из задуманного крайне затруднительно выполнить. В первую очередь это касалось коммерческой стороны дела. Предприятие оказалось доходным только в первый год, а затем оно постепенно теряло прибыль, а далее и все надежды на нее. Открытая в 1873 году по соседству с картинными галереями школа кулинарии покрыла немалые траты на ее организацию, но общую ситуацию не спасла. Поварское искусство торжествовало, искусства изящные теряли зрителей. Выяснилось, что сложно одновременно организовать полноценные показы на ежегодных национальных смотрах, в лондонском международном проекте и всемирной выставке, которая своим чередом с большим размахом проводилась в Вене в 1873 году. Среди самих учредителей и организаторов не было единого понимания происходящего: что проект должен был нести – развлекать, продавать, просвещать, побуждать к совершенствованию? Интерес к делу постепенно теряли прежде активные его участники. В итоге из запланированных десяти состоялось только четыре выставки, прошедшие в 1871–1874 годах.

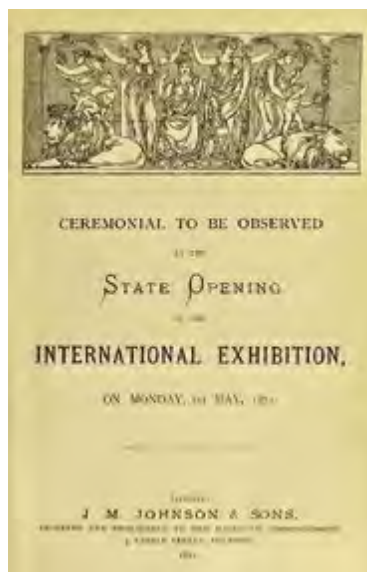
Но на старте выставочного марафона в Лондоне ощущалась атмосфера триумфа. Торжественное открытие первой выставки состоялось 1 мая 1871 года в присутствии царствующих особ, при большом стечении избранной публики и завершилось впечатляющим музыкальным представлением.

В любой выставке есть толика «ярмарки тщеславия». Проявим понимание и поблагодарим английскую литературу за этот емкий и красочный образ.

НА ДРУГИХ ПОСМОТРЕТЬ И СЕБЯ ПОКАЗАТЬ

К перспективе участия в очередном проекте в Петербурге отнеслись осторожно: дело было новым. На поступившее из Лондона предложение ответили принципиальным согласием. Уже в 1870 году Александр Иванович Бутовский – человек даровитый и авторитетный, тайный советник, директор департамента торговли и мануфактур Министерства финансов России – был назначен уполномоченным страны в подготовительный комитет выставки. Входил он и в число избранных участников официальных церемоний в Лондоне по случаю ее открытия. Практическая же вовлеченность России в дело поначалу выглядела символической. Ее экспонаты в 1871 году можно было перечислить по пальцам. Требовалось изучить и взвесить все за и против. К тому же непросто в тот момент складывалась и дипломатическая ситуация в отношениях Российской и Британской империй. Из-за столкновения их интересов в Центральной Азии на Туманном Альбионе усиливалась русофобия. Чтобы присмотреться к лондонской инициативе внимательней, на выставку 1871 года из Петербурга были командированы наблюдатели от Русского технического общества во главе с его секретарем Федором Николаевичем Львовым. По итогу этой поездки, а также исходя из заключений других лиц, посетивших Южный Кенсингтон, лондонское начинание сочли в Петербурге полезным и в коммерческом, и в моральном смысле. Участвовать предполагалось во всех выставочных отделах и классах. Забегая вперед, заметим: присутствие России было полноценным в 1872 и 1873 годах и более чем скромным в 1874 году, на закате проекта. Не в укор производителям изделий из дерева и стали, экипажей, вин крымских виноградников, варенья и сахара, признанных «превосходными по качеству», отметим: особенный успех на выставке в 1872 году имело искусство Рос-

Программа официальной церемонии открытия серии ежегодных международных выставок в Лондоне. 1871 год

сии. Поэтому дальнейший рассказ будет именно о нем.

Решение об участии в новом проекте ставило много вопросов. Главным из них был о выборе экспонатов. Притом что искусство – явление многоликое, первое место в ряду высших его достижений традиционно отводилось искусствам «благородным» – живописи, ваянию и зодчеству.

Новичком в этом деле Россия не была. Последний раз в Лондоне произведения искусства из далекой страны, которую многие британцы по-прежнему предпочитали с долей иронии, вошедшей в привычку, именовать «Московией», были показаны десять лет назад, на Всемирной выставке 1862 года. То есть опыт под-

готовки к такого рода событию имелся, впрочем, весьма неоднозначный. Он наглядно продемонстрировал столкновение мнений представителей «художественного сословия» разных поколений. Свои позиции заявляли облеченные полномочиями персоны, призванные осуществлять отбор экспонатов от имени Императорской Академии художеств. С ними не соглашались знатоки и владельцы коллекций. Шла борьба амбиций. Кто-то впал в апатию. Кого-то одолевала лень. Результат выбора не во всем оказался удачным. Скульптура и архитектура были показаны слабо. Русскую школу живописи представляли 78 произведений. Среди них были полотна признанных мастеров русского классицизма – Владимира Боровиковского, Дмитрия Левицкого, Ореста Кипренского, Карла Брюллова, Алексея Венецианова... Следующее поколение художников тоже было представлено именами достойными – Павлом Федотовым, Иваном Айвазовским, Алексеем Боголюбовым, Валерием Якоби, Павлом Чистяковым... Русские картины не оставили сильного впечатления: их сочли безусловно мастерскими, но подражаниями европейскому искусству. Это было воспринято в России болезненно, тем более что оценка в немалой степени была оборотной стороной сделанного выбора. «Мы крепче прежнего сами утвердили Европу в понятии о нашем искусстве, о его совершенном младенчестве и полнейшем отсутствии в нем чего бы то ни было самостоятельного», – в сердцах писал по этому поводу публицист и критик Владимир Стасов. Имелся также опыт формирования коллекции для парижской Всемирной выставки 1867 года. Многое тогда напомнило коллизии пятилетней давности. В центре событий находилась, как обычно, Академия художеств. Но сложилось так, что хлопотное дело отбора экспонатов и представления их публике сосредоточилось в руках Вячеслава Григорьевича Шварца – талантливого

Церемония торжественного открытия первой из серии ежегодных международных выставок 1871–1874 годов. Южный Кенсингтон, Лондон. 1 мая 1871 года. Из еженедельника The Illustrated London News от 13 мая 1872 года

живописца, академика, комиссара русского художественного отдела выставки. Он сделал что мог, чтобы русский отдел в Париже обрел особое лицо: «Не с классическими же сюжетами, – полагал он, – соваться нам соперничать с иностранцами». Недюжинные усилия им были приложены для того, чтобы выставить работы мастеров русской живописи, которые мог бы понять зритель-иностранец по сюжету и смыслу и которые были бы, по его словам, «похарактернее» живой передачей уклада жизни, человеческих типов, событий национальной истории. Русский художественный отдел привлекал посетителей, но критики вновь хвалили картины за отличную «европейскую выучку» художников. Как нужно было действовать, чтобы отобрать к выставке 1872 года коллекцию, отвечающую задачам и возможностям России? И выполнить при этом условия комиссаров из Лондона? Требовалось учесть важное обстоятельство: Всемирная выставка 1862 года являлась смотрам творчества целого столетия. Новые правила вводили ограничения: в 1872 году допускались работы здравствующих авторов либо ушедших в иной мир не более десяти лет назад. То есть представленное страной собрание должно было отразить не столько прошлое, сколько настоящее в развитии искусства. Словом, с тем, чтобы «других посмотреть», дело обстояло проще, «себя показать» – сложнее.

ОТ НЕВЫ К ТЕМЗЕ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА И ВРЕМЕНИ

В мире высокого искусства России тем временем кипели страсти. Тип художественного видения эпохи русского классицизма был подвергнут сомнению, а традиции академической выучки оспорены. В 1863 году в Императорской Академии художеств произошел «бунт четырнадцати». Самые талантливые выпускники отказались подчиниться требованию выполнить конкурсную работу на общую, заданную без учета их личных наклонностей тему. Они вышли из академии и объединились в «Санкт-Петербургскую артель художников». В 1870 году возникло «Товарищество передвижных художественных выставок», и некоторые из бывших «бунтарей» стали его членами. Данность была такова: с одной стороны, существовали

Императорская
Академия
художеств,
Санкт-Петербург

установления старой школы и влиятельные в академических кругах люди, их исповедовавшие. С другой – росло и набирало силу новое поколение художников, которые, исходя из своего мироощущения, видели творческие задачи иначе. Их вдохновение питали явления и типы окружающей жизни, сюжеты и образы собственной, а не библейской истории или античной мифологии.

В круговороте академических раздоров присутствовала еще одна влиятельная сторона. Со времен Николая I было принято, чтобы Академию художеств возглавляли члены императорского дома. Особым образом в события оказался вовлечен великий князь Владимир Александрович – сын императора Александра II. С 1869 года он являлся, как тогда говорили, «товарищем президента» академии, а в 1876-м возглавил ее. Чоловком он был деятельным. Искусство России было ему близко. Его отношение к сложному миру художественного творчества современные исследователи называют энергичным термином «национальный протекционизм». Меценатство было в обычаях царской фамилии, и великий князь, опекая художников и поддерживая их заказами, не стал исключением. Но в качестве официального лица, имевшего возможность существенно влиять на политику в области искусства, он предпринял большее – попытку навести мосты между «академиками» и «возмутителями спокойствия». «Товарищ президента» приветствовал картины с сюжетами из реальной или былинной «русской жизни», портреты деятелей отечественной истории. Передвижникам было разрешено открывать свои выставки в залах Академии художеств. Время покажет, что попытка примирить разные по духу течения в искусстве стремительно менявшейся России будущего не имела. Но в ту пору в среде творческих людей переживания новизны и возможности перемен имели

Великий князь
Владимир
Александрович
(1847–1909).
Портрет кисти
И.П. Кёлера,
участника
выставки
1872 года
в Лондоне.
1877 год.
Место хранения:
Музей Академии
художеств

основания. В этот самый момент и подоспел лондонский проект. Условия в части показа изящных искусств во всех смыслах пришлось кстат. Как знать, о чем думал великий князь, осматривая в 1871 году галереи лондонской выставки? А не резонно ли было посмотреть на кенсингтонскую перспективу как на хорошую оказию, способную послужить как высокой политике, так и обновлениям в художественной жизни страны, к которым в меру своих сил он стремился?

К числу людей, без которых подготовка выставки не мыслилась, относились и частные коллекционеры. В России в этой особой сфере общественной жизни тоже происходили изменения. Владельцы собраний, по преимуществу из аристократических семейств, которые ранее и являлись главными заказчиками предметов искусства, уже два десятка лет привлекались к участию в выставках в Академии художеств. Но время шло, и ряды собирателей пополнялись людьми, разнящимися по происхождению, роду занятий, вкусам и мотивам действий. Коллекционирование становилось массовым явлением. Для некоторых это было традицией, знаком престижа или родом коммерции, а для кого-то — потребностью души или делом, обращенным к общей пользе — в одном ряду с меценатством и благотворительностью. На Всемирных выставках 1862 и 1867 годов уже выставлялись отдельные картины из частных собраний. Теперь же особое значение обрело то, что многие из вновь формировавшихся коллекций пополнялись произведениями, отражавшими новые веяния в искусстве. И роль их становилась для русской живописи все более значимой.

Между всеми этими событиями и участвовавшими в них людьми разных статусов, взглядов, образования, пристрастий и возможностей требовалось искать решение — как представить искусство России в Англии.

Портрет мецената и коллекционера Павла Михайловича Третьякова (1832–1898). Автор — И.Н. Крамской. 1876 год. Место хранения: Государственная Третьяковская галерея

ОБЩЕЕ ИЛИ ОСОБЕННОЕ?

Как можно с высоты истекших полутора веков оценить подготовку России к Лондонской выставке 1872 года? Была ли эта ситуация уникальной?

На этот вопрос сложно дать однозначный ответ: он зависит от того, какой мерой мерить. Международная выставка — сложно организованное событие, но все-таки задуманное с общими для всех участников внешними правилами. Состав отобранных экспонатов из области искусства, выражаемые ими смыслы и образы были зеркалом культурной жизни любой страны. Условия, в которых происходила подготовка выставки, понимание задач и ожиданий от участия в ней в разных странах были в чем-то сходными и при этом неизбежно особыми. В национальных академических учреждениях шли внутренние сложные процессы. Проводились традиционные и параллельные с кенсингтонским проектом выставки. Вопрос «судьи кто?» стоял

Портрет ректора по живописи и ваянию Императорской Академии художеств профессора Федора Антоновича Бруни (1799–1875). Автор — А.Г. Горавский. 1871 год. Портрет экспонировался на выставке в Лондоне в 1872 году. Место хранения: Государственная Третьяковская галерея

Козьма Терентьевич Солдатёнков, меценат и коллекционер (1818–1901).

Портрет кисти А.Г. Горавского, участника Лондонской выставки 1872 года. 1857 год. Место хранения: Государственная Третьяковская галерея

езде по-своему, определяя составы и итоги работы национальных отборочных комиссий. Коллекции для экспонирования на лондонской Международной выставке составлялись везде по-разному. В 1872 году в большой британской (982 произведения) и французской (240) художественных экспозициях живописные работы выставлялись к показу преимущественно лично авторами. Британские картины в основном изначально предлагались к продаже, французские — нет. Участвовали по разным мотивам и частные коллекционеры. Королева Великобритании и король Бельгии тоже предоставили по картине из личных собраний. Заметным было участие правительства Франции. Это было, в принципе, естественно: выставки подобного статуса повсеместно находились под опекой государства, заинтересованного в продвижении национальных товаров на международный рынок. Но искусство — «товар» особый. В авторитетном лондонском издании *The Saturday Review* читаем по этому поводу: «Правительство Франции любезно предоставило большое количество громоздких работ, которые самим не нужны; столь либерально его покровительство растущим талантам, что у него всегда найдется из-

быток второразрядных творений, которые можно время от времени отправлять на международные выставки». И за этим отзывом стоят свои обстоятельства.

Официальный каталог отдела изящных искусств кенсингтонской выставки 1872 года позволяет сделать интересное наблюдение: в сравнении с экспозициями других стран в формировании художественной коллекции России особенно весомой была доля официальных лиц и государственных учреждений. До четверти произведений живописи, включая те, что стали предметом исключительного внимания и нешуточных споров, принадлежало членам правящей фамилии. Трактовать это можно по-разному. И итоги подводить, в буквальном смысле, лучше «по осени»: выставка завершит работу 19 октября 1872 года. Но не уместно ли в конкретных реалиях места и времени предположить, что в Петербурге подготовка к лондонской выставке была воспринята более всего делом национального престижа, демонстрации русского искусства как самоценного культурного явления?

По крайней мере, в лондонских газетах сходная мысль в той или иной форме высказывалась, нередко в противопоставлении той же Франции. Подход последней к выставке исключительно с точки зрения бизнеса вызывал в Англии – колыбели свободной конкуренции – недобрые чувства. А вывоз экспонатов, «включая статуи», за месяц до окончания выставки, отчего «французская часть иностранной галереи стояла совершенно пустынной», был сочтен и вовсе некрасивым делом.

«НИ ОДНУ ИЗ НИХ НЕЛЬЗЯ ПРОПУСТИТЬ»

В число отобранных для показа произведений искусства России вошли немногие, предоставленные лично самими авторами. Присутствовали картины из собраний частных лиц того же академического круга. Качество художественного отдела экспозиции России в английской прессе самым комплиментарным образом связали с участием российского

На церемонии открытия Международной выставки 1872 года в Лондоне. Из английской ежедневной иллюстрированной газеты The Graphic от 4 мая 1872 года

императорского дома. Внесло лепту и Министерство иностранных дел. Академия художеств сказала свое слово при отборе экспонатов и направила в Англию принадлежащие ей произведения академической школы. Для показа в Лондоне были выбраны пять картин из коллекции близкого и ко двору, и к Академии художеств графа Юлия Стенбока. Среди владельцев выставленных в Кенсингтоне картин выделялись имена петербургского финансиста и коллекционера Ивана Варгунина, московских фабрикантов и меценатов Павла Третьякова и Козьмы Солдатёнова. Вклад последнего стал самым крупным – шесть полотен из личного собрания. Мало какие картины продавались.

Приготовленная для показа коллекция была размещена в двух залах Восточной галереи. Ее составили работы художников разных поколений и направлений – произведения исторического, батального и бытового жанров, пейзажи, портреты, натюрморт. Количество экспонатов было невелико. В английских газетах писали о том, что их насчитывалось «немногим больше 40», имея в виду картины, написанные маслом. Мы будем опираться на цифры точные: из общего количества произведе-

Официальный каталог отдела изящных искусств Лондонской выставки 1872 года

Фотография экспозиции России на Международной выставке 1872 года в Южном Кенсингтоне, Лондон. Восточная галерея. Место хранения: Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева

ний живописи и графики числом 113 их было 44 и выполнены они были 29 авторами. Отметим в этом ряду Ивана Айвазовского, Василия Перова, мастера портретной и исторической живописи Василия Верещагина и его тезки баталиста Василия Верещагина, Алексея Боголюбова, Федора Васильева, Ивана Пелевина, Аполлинария Горавского, Константина Маковского, Павла Брюллова, Карла Гуна, Ивана Кёлера, Михаила Петровича и Михаила Константиновича Клюдтов, Петра Грузинского, Льва Лагорио, Павла Чистякова, Алексея Корзухина, Александра Риццони, Вячеслава Шварца. Коллекцию графики составили акварели Василия Петровича Верещагина, Карла Гуна, Луиджи Премацци, Петра Соколова, Константина Филиппова, Матвея Шишкова, Андрея Лавецкери, а также 41 лист офортов Николая Мосолова. Искусство валяния представляли Марк Антокольский, Николай Либерих и Петр Клюдт – единственный из числа представленных на выставке художников из России, кого уже не было в живых. Можно предположить, что коллекцию его работ Академия художеств выставила еще и в знак признания его заслуг. Насколько этот выбор оказался удачен? Забегая вперед, заметим: суждения искушенных критиков о русской коллекции разделились в Англии полярно. Вывод первый, «из знакомого»: «значительные технические возможности, без особой оригинальности», что неудивительно: русские художники получили образование в Европе. Заключение второе, «из нового»: «Россия совершила мастерский *Per saltum* (лат. *Per saltum* – совершить скачок, минуя промежуточные ступени. – Прим. авт.) и добилась успеха сколь очевидного, столь и неожиданного». Выставка – знак «свободы России» в искусстве.

В любом случае, равнодушных не было. Лондонскую публику «к русской галерее влекло непреодолимо». Центром притяжения для посетителей стала коллекция картин. «Ни одну из них нельзя пропустить», – писала The Morning Post. ❖

Окончание следует.

РУССКИЙ ВЗГЛЯД АЛЕКСАНДРА ДЮМА

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

СОВЕРШИВ С ПРОСЛАВЛЕННЫМ ПИСАТЕЛЕМ
ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО МОСКВЫ, А ПОТОМ ПО ВОЛГЕ
ДО КАСПИЙСКОГО МОРЯ И КАВКАЗА, ПОЗНАКОМИВШИСЬ
С ЕГО ВЗГЛЯДОМ НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ, НАМ ОСТАЛОСЬ УЗНАТЬ,
ЧТО ОН ДУМАЛ О РОССИИ КАК ТАКОВОЙ, О РУССКОМ НАРОДЕ.

КОНЕЧНО, ОН НЕ СТАВИЛ перед собой такой цели: изучить русский народ, да и общаться с «народом» ему особенно не доводилось, хотя «мужиков» он встречал. Более того, для зимнего путешествия Дюма прикупил себе и своим спутникам народную одежду: «пальто из овчины, какие носят богатые мужики», меховые сапоги, а также овчинные шапки, придававшие им, по его словам, такой забавный вид, что они сами «чуть не лопнули со смеху».

«ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН ЗАБРОШЕННОСТИ» И «РУССКИЕ ПРИЗРАКИ»

Несмотря на то, что Россию как таковую Дюма не описывал, по отдельным фразам и словам можно понять настроение писателя. Он даже вывел некий закон, характеризующий нашу страну, – «всеобщий закон заброшенности», отмечая, что «именно безлюдье особенно поражает и более всего удручает в России». Конечно, Россия – огромная страна, не столь густонаселенная, как маленькая Европа, где люди проживают очень компактно. Бесконечные пространства и редкое населе-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ние, не считая городов, – все это, безусловно, не могло не поражать путешественника. Что касается русского народа, то тут Дюма не оригинален: деспотичное правление превратило народ в молчаливую массу рабов. «Несчастный народ! Не привычка ли к рабству приучила тебя молчать?» Писателя поразило, что в парке Кушелева-Безбородко люди прогуливались молча, включая детей:

«Русские – это даже не привидения, это призраки; сосредоточенно вышагивают они рядом друг с дружкой, на лицах ни радости, ни печали, и ни слова, ни вольного жеста». Конечно, Дюма сравнивает русских с французами, «людьми по природе своей болтливыми». Однако «всеобщая молчаливость» русских людей была следствием вовсе не рабской психологии, а отражала, скорее, специ-

Н.Е. Сверчков.
Тройка зимой

Кострома.
Памятник
Сусанину

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

фику культуры поведения в обществе.

В Москве ему довелось побывать на пожаре, и его поразила молчаливая реакция людей на происходящее: «Во Франции бы орали, угрожали, подбадривали, стонали от ужаса, кричали «браво!», аплодировали, визжали. Здесь – ничего подобного, угрюмое молчание, нет, не горестное, а равнодушное молчание». Вероятно, дело было вовсе не в равнодушии, а, скорее, в покорности судьбе и силе рока. Но Дюма приводит «проницательные» слова обер-полицеймейстера, якобы сказавшего: «Русский народ не дорос еще до братства». И Дюма восклицает: «Сколько же революций нужно еще этому народу, чтобы он дошел до того, до чего дошли мы?»

Перед нами классический западный взгляд: Россия – ученица Европы, ей предстоит многое усвоить и перенять у передовой Европы. Но простим и это Дюма: для парижан столица Франции всегда была центром Вселенной, и по мере удаления от Парижа степень «цивилизованности» естественно уменьшалась.

В то же время в Костроме на него произвел впечатление памятник Ивану Сусанину, историю подвига которого он рассказывает. Этот монумент, подчеркивает писатель, есть не что иное, как «еще одно свидетельство благодарности русских человеку из народа, простому крестьянину». Иван Сусанин, вероятно, тоже был не особенно разговорчив с поляками, но это не помешало ему совершить настоящий гражданский подвиг. Можно сделать вывод, что на страницах очерков Дюма читателя ждет немало подобных противоречий: с одной стороны, штампы и стереотипы, которые писатель транслирует как француз и как автор, пишущий для французского читателя, с другой – его искреннее удивление и порой восхищение страной и ее жителями, которое не могла скрыть даже его обычная ирония.

«НА ЧАЕК С ВАШЕЙ МИЛОСТИ!»

Русский народ в глазах Дюма не только несчастный и покорный. Он не стремится зарабатывать, и это еще одно из расхожих мнений о «восточной лени». А Россия для европейцев – это восточная страна. Отличительная черта русских, сообщает читателю Дюма, просить чаевые по поводу и без повода: «Русское предание гласит, что едва Бог создал славянина, как тот повернулся к Всевышнему и протянул руку: «На чаек с Вашей милости!» Выражение «на чай» – одно из слов-маркеров, которым Дюма обозначает русский народ. Где Дюма услышал такое предание, он не поясняет, да это и неважно: писатель волен и приукрасить. Хотя он сам на страницах своих очерков отмечал, что обычные русские люди, которых он встречал на своем пути, не то что не просили чаевые, а не брали с гостя никаких денег за оказанные услуги, считая это долгом гостеприимства.

Как уже отмечалось, у Дюма было мало опыта общения с «народом», но во время путешествия по Кавказу он мог видеть «народ» в лице приставленного к нему в качестве слуги унтер-офицера по имени Тимофей. Дюма его описывает так: «Внешне этот Тимофей был странное создание: на первый взгляд он казался толстым мужиком лет пятидесяти. Но вечером на станции, когда снял с себя две или три шинели и тулуп, когда развязал свой башлык и обнажил голову, он оказался тощим как скелет и более двадцати шести – двадцати восьми лет ему никак нельзя было дать. В интеллектуальном отношении это был сущий идиот, который, вместо того чтобы помогать, был в тягость на протяжении всей дороги из-за своей лени и бестолковости».

Но, может быть, писателю пришлось по душе русские народные обычаи, танцы или песни? Вовсе нет. Русская пляска произвела на него «глубоко груст-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Танец «Голубец». Гравюра Д.-А. Аткинсона. 1803–1804 годы

Русская пляска. Гравюра П.-Ш. Кокере по рисунку Е.М. Корнеева. 1812 год

ное впечатление», напомнив ему «похоронные танцы, которые совершали греки на кладбищах». Не понравились и русские песни. Как-то он остановился у «какого-то грязного двора», чтобы поглядеть, как русские девушки готовят квашеную капусту и напевают заунывную песню. «Таких мелодий в России много, и они очень хорошо передают ту безмолвную меланхолию, о которой я говорил и которая сопутствует русскому среди его развлечений», – замечает писатель.

Что касается особенностей русского быта, то для Дюма, как и для многих других иностранных путешественников, главной проблемой являлось отсутствие в России кроватей, причем не только на постоялых дворах или в крестьянских избах, но даже в богатых домах и гостиницах. Жалобы на отсутствие кроватей постоянно встречаются на страницах путевых очерков Дюма, который убежден: «люди славянской расы постели не придают значения» и спят где придется.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Астраханский
губернатор
Бернгард
Васильевич
Струве
и его жена
Анна Федоровна

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО И ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ ФРАНЦИИ

Но если народ несчастен и забит, что отражается даже в его песнях и танцах, то какова русская элита, аристократы? Они – совсем другое дело, ведь они образованны, на них оказывает влияние французская культура – и именно это их спасает, по мнению Дюма. Он глубоко верит в цивилизатор-

скую миссию Франции, которая не знает границ и способна проникнуть даже на берега Каспийского моря. Вот как он описывает ужин в Астрахани: «Господин Струве (губернатор Астрахани. – Прим. авт.), имеющий французского повара, не только соорудил для нас великолепный обед, но еще сумел собрать у себя дюжину гостей, в обществе которых, окажись при закрытых дверях, мы не

могли бы даже предположить, что находимся в тысяче лье от Франции. Просто невероятно, каково влияние нашей цивилизации, нашей литературы, нашего искусства, наших мод на весь остальной мир!.. И подумать только, что, открыв окно гостиной, ты можешь протянуть руку и коснуться Каспийского моря...»

Аналогичное удивление Дюма испытал в Тифлисе. Столица Грузии его удивила, но отнюдь не своим восточным колоритом: «Когда я ехал в Тифлис, признаюсь, мне представлялось, что я еду в страну полудикую, типа вроде Нухи или Баку, только большего масштаба. Я ошибался. Благодаря французской колонии, состоящей большей частью из парижских швеек и модисток, грузинские дамы могут следовать с опозданием лишь в две недели модам Итальянского Театра и Больших Бульваров». Как видим, Дюма убежден, что Франция спасла и Грузию, приобщив тбилисское общество к благам цивилизации. Упомянуть о деятельности князя Михаила Семеновича Воронцова, который в 1844–1855 годах был наместником на Кавказе и благодаря стараниям которого Тбилиси превратился в современный европейский город, писатель, видимо, не счел нужным.

Особенно Дюма поразили русские светские дамы, которые, на его взгляд, были гораздо образованнее, нежели русские мужчины. И это общее мнение иностранцев. Он писал: «Вообще в России – и это может на первый взгляд показаться странным – женщины более образованны, начитанны и лучше говорят по-французски, чем мужчины, потому что они совершенно не занимаются ни делами, ни политикой, располагают своим временем и, превосходно зная французский язык, читают почти все, что публикуется во Франции <...> Судя по платьям, по книгам, которые они читают, по спектаклям, по музыке, женщины здесь отстают от Франции не более чем на месяц-два...»

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Осетр из Волги.
Гравюра
Ж.-П. Муане,
спутника
А. Дюма
в путешествии
по России

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

О хозяйственной жизни России Дюма мог судить разве что по имени Нарышкина в Елпатьеве, в котором обрабатывалась только четверть земель: «Итак, восемьдесят тысяч десятин неводеланной земли, производящей только сено. А сколько платят за сено? Две копейки за дюжину вязанок, меньше двух су!»

У русских аристократов, по мнению Дюма, либо не было хозяйственной жилки, либо они совершенно не считали деньги. Нарышкин, по его словам, вообще не знал, сколько земель ему принадлежало и каковы были его доходы. Он имел один из лучших в России табунов орловских рысаков, на содержание которого уходили огромные деньги, но при этом сам, по словам Дюма, «пользовался коляской или квадригой, запряженной наемными лошадьми, которые стоили ему пятьдесят франков в день» (рациональный Дюма в целом очень дотошен в подсчетах и постоянно высчитывает или упущенную выгоду, или масштабы коррупции и казнокрадства. – **Прим. авт.**). Описывая свой визит в имение Нарышкина, он отмечает: «Нарышкин, потомок старых бояр, умел окружить себя роскошью, но также мог не обращать на эту роскошь никакого внимания. Он даже не знал, имеются ли в Елпатьеве кровати», поскольку был там два раза за всю жизнь. В результате для обустройства имения накупили необходимых вещей на семь тысяч франков, и только для того, чтобы гости комфортно провели там всего несколько дней – такая расточительность Дюма поражала! «Понятно, что никакое русское богатство, как бы оно ни было значительно, не может выдержать подобного образа жизни, тем более если всем ведает управляющий, да еще не один, а два», который, естественно, нещадно обворовывает хозяина.

«Россия может прокормить в шестьдесят или восемьдесят

Н.С. Самокиш.
Табун маток
Новотомников-
ского конного
завода. 1890 год

Трактир
Лопашова
в Ново-Троицком
подворье
на Варварке.
Вторая половина
XIX века

раз больше людей, чем ее населяют», – отмечает Дюма, но спасти ее, по его мнению, может только граница: «Россия останется ненаселенной и непригодной к обитанию до тех пор, пока будет существовать закон, запрещающий иностранцам владеть землей». Относительно отмены крепостного права – а мы помним, что Дюма хотел посетить Россию в этот исторический момент, – он отмечал: «Что касается закона об отмене рабства <...> то понадобится, по крайней мере, пятьдесят лет, прежде чем почувствуются первые его плоды».

РУССКИЕ ПОВАРА И КУЛЬТ СТЕРЛЯДИ

Путешествие Александра Дюма по России – это еще и гастрономический вояж, ведь людям всегда интересно, какова кухня других народов, и описаний блюд русской, а еще грузинской кухни на страницах его путевых заметок предостаточно. Французы, считающие себя утонченными гурманами, с предубеждением относились к вкусовым пристрастиям русских, и Дюма тут не исключение.

Не понравились ему и русские повара, хотя повар Нарышкиных, по его мнению, был лучше, чем повар Кушелевых-Без-

бородко, и даже приготовил ему завтрак, который оказался вкуснее, чем можно было ожидать от русского повара. Дюма так отзывался о русских поварах: «Этот повар хотя и был лучше, чем у Кушелева, тем не менее оставался русским поваром, то есть человеком с предрассудками. Правда, его неприязнь к французской кухне поддерживалась Нарышкиным, который, как старинный боярин, предпочитал кухню Ивана Грозного или, если хотите, грозную кухню Ивана». Но все-таки одно блюдо Дюма понравилось: отварная холодная севрюга с хреном. Писатель так и записал: «Если я когда-нибудь обзаведусь поваром, это будет единственное блюдо, которое я разрешу ему позаимствовать из русской кухни».

А вот такой деликатес, как осетровая икра, Дюма не впечатлил: «Для нас приготовили икру, добытую из самого большого осетра: он тянул на триста, а может быть, на четыреста килограммов; его икра заполнила восемь бочонков по десять фунтов каждый. Половина икры была засолена; остальное предназначалось для употребления в свежем виде <...> Бочонки с засоленной икрой доехали до Франции, где, в свою очередь, нашли такое же употребление, но были приняты с меньшим восторгом, чем в Кизляре, Дербенте и Баку». В целом же Дюма делает такой вывод: «Есть две вещи, ради которых даже самый скупой русский готов на любые безумства, – икра и цыганки». Правда, на него самого цыганки не произвели должного впечатления, поэтому, говоря об особенностях Москвы, он, по его собственным словам, забыл про цыганок напрочь.

Его поразил настоящий «культ стерляди» в России. Это даже «не осмысленная вера, а фетишизм», – писал Дюма. Своей ухой из стерляди славится московский ресторан «Троица». Кстати, об этом ресторане иностранцы путешественники упоминают неоднократно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Александр Дюма готовит свой омлет с устрицами. Иллюстрация из французской газеты «Семейная кухня»

Большой кулинарный словарь Александра Дюма

Читатели помнят, что на страницах своего романа «Граф Монте-Кристо» Дюма описывал обед, на котором подавалась в том числе стерлядь, привезенная в бочке с берегов Волги. Писатель устами своего героя говорил: «Эти рыбы, которые на самом деле, может быть, и хуже, чем окунь или лосось, покажутся вам сейчас восхитительными – и все потому, что вам казалось невозможным их достать, а между тем вот они». А вот как он описывает эту рыбу, попробовав ее в России: «Мясо у стерляди желтое, мягкое, почти безвкусное, и его приправляют слабыми пряностями под предлогом того, чтобы не заглушить ее первоначальный вкус, на самом же деле потому, что русские повара, люди без всякого воображения и – что еще хуже – без органа вкуса, не умели найти для нее подходящий соус».

ЗАСТОЛЬЯ НА ДАЧЕ ПАНАЕВЫХ

А вот если почитать воспоминания Авдотьи Яковлевны Панаевой, то складывается совсем иное впечатление об отношении писателя к русской кухне. Впервые на дачу к супругам Панаевым Дюма приехал, по словам Авдотьи Яковлевны, спонтанно (писатель и переводчик Дмитрий Васильевич Григорович, который и познакомил Дюма с Некрасовым и Панаевыми, с этой версией А.Я. Панаевой не согласен и в своих «Литературных воспоминаниях» сообщает, что никогда без предупреждения Дюма не привозил. – Прим. авт.), когда его не ждали, и был таким голодным, что с большим аппетитом съел все, что было в доме: «Дюма съел даже полную тарелку простокваши и восторгался ею» (хотя Дюма пишет, что до этого в Петергофе они плотно позавтракали в ресторане «Самсон», открытом в 1839 году. – Прим. авт.). От обеда писатель тоже был в восторге: «За обедом Дюма опять ел с большим аппетитом и все расхваливал, а от курника (пирог с яйцами и цыплятами) пришел в такое восхищение, что велел своему секретарю записать название пирога и спо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

соб его приготовления». Дюма так понравилось гостить, что через три дня он приехал снова, заявив, что он решил у Панаевых заночевать. Если писателю очень нравилось на даче Панаевых, то Авдотья Яковлевна была совсем другого мнения: «Дюма был для меня кошмаром в продолжение своего пребывания в Петербурге, потому что часто навещал нас, уверяя, что отдыхает у нас на даче». По ее словам, однажды она решила накормить писателя таким обедом, который бы, по крайней мере, на неделю избавил бы ее от его посещений: «Я накормила его щами (сам Дюма о щах отзывался так: «Это похлебка с капустой, менее вкусная, чем та, которую наш фермер посылает своим батракам на обед»). Этимология слова «щи» показалась ему китайской. – Прим. авт.), пирогом с кашей и рыбой, поросенком с хреном, утками, свежепросольными огурцами, жареными грибами и сладким слоеным пирогом с вареньем и упрашивала поесть побольше. Дюма обрадовал меня, говоря после обеда, что у него сильная жажда, и выпил много сельтерской воды с коньяком. Но напрасно я надеялась: через три дня Дюма явился как ни в чем не бывало <...> Дюма съедал по две тарелки ботвиньи со свежепросольной рыбой. Я думаю, что желудок Дюма мог бы переварить мухоморы». Кстати, Григорович очень хлопотал, чтобы Панаевы устроили Дюма «официальный обед», пригласив на него литераторов, и уговаривал Авдотью Яковлевну: «Он, голубушка, когда будет писать о своем путешествии по России, посмотрите, как вас расхвалит». Обед состоялся, но Панаевых Дюма не расхвалил. Более того, Дюма весьма своеобразно «отблагодарил» литераторов за радужный прием: рассказал французским читателям о стихотворении Некрасова «Княгиня» (переведенном Д.В. Григоровичем), из-за которого на

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Г.Г. Гагарин.
Грузия. Майдан,
базарная
площадь
в Тифлисе.
1851–1855 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Книга
Александра
Дюма «Кавказ»

дачу к Панаевым явились соотечественники Дюма требовать у Некрасова сатисфакции. Речь шла о графине А.К. Воронцовой-Дашковой, которая после смерти мужа вторично вышла замуж в Париже, а в 1856 году умерла, и об этой смерти ходило много слухов. Некрасов якобы задел ее мужа в этом стихотворении, и тот приехал в Петербург требовать удовлетворения. Дуэль удалось предотвратить...

Оказавшись в Грузии, Дюма, конечно, не мог не рассказать своим читателям о знаменитом грузинском застолье: «Если в Тифлисе знают о парижских корсетах, то сомневаюсь, чтобы в Париже знали, что такое обед в Тифлисе <...> разумеется, грузинский обед». Не только французские, но и русские читатели, уверена, получали и получают огромное удовольствие от чтения страниц, посвященных описанию грузинского обеда. А мы же на этом завершим повествование о невероятном путешествии Александра Дюма по России. В марте 1859 года через Черное и Средиземное моря он прибыл в Марсель.

РАЗВЕСИСТАЯ КЛЮКВА

Какова была судьба произведений Дюма о России? Как уже отмечалось, путевые заметки писатель каждую неделю публиковал в своем журнале «Монте-Кристо». Публикация 43 очерков была завершена в апреле 1859-го. В том же году под названием «Впечатления о путешествии по России» книга была опубликована в Саксонии, в следующем году под заголовком «От Парижа до Астрахани» была издана в Бельгии, а вот в родной Франции работа была запрещена к публикации. Почему? Вероятно, по причинам политического характера: по окончании Крымской войны ожидаемого русско-французского сближения не произошло из-за польского вопроса, оставшегося острым в начале 1860-х годов. Только в 1865 году книга «Путевые впечатления. В России» была опубликована в Париже в четырех томах. Это издание было дополнено весьма объемными «Письмами о крепостном праве в России». «Путевые впечатления» были переведены на испанский, итальянский, немецкий языки, опубликованы в США. В России

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

полное научное издание книги А. Дюма состоялось в 1991 году. Работа была опубликована в трех томах с подробными комментариями. О второй части путешествия, трех месяцах, проведенных на Кавказе, Дюма написал книгу «Кавказ», которая в трех томах вышла в Париже в апреле 1859 года, а в 1861 году в сокращенном виде была опубликована на русском языке в Тифлисе в переводе П.Н. Рубинского. Второе издание книги увидело свет в столице Грузии в 1988 году.

Но у нас остался еще один вопрос: сживал ли писатель в тени развесистой клюквы и писал ли он об этом в своих записках о России? Конечно, в книге Дюма присутствуют разные неточности, но вот выражение «развесистая клюква» Александр Дюма не употреблял. Оно появилось на рубеже XIX–XX веков как устная шутка, высмеивающая нелепые представления иностранцев о России. В передовице «Московских ведомостей» от 16 ноября 1871 года цитировалась статья о Москве, опубликованная в популярном парижском еженедельнике L'Illustration. Там «самым древним из религиозных памятников, построенных в ограде Кремля», был назван не за-

вершенный к тому времени храм Христа Спасителя, никакого отношения к Кремлю не имевший. Редактор «Московских ведомостей» Михаил Никифорович Катков не упустил случая сязвить: «Пахнуло на нас теми блаженными временами, когда французский турист рассказывал, как он в России сидел á l'ombred'uneklukva...» (под сенью клюквы).

Итак, перед нами удивительные метаморфозы мифотворчества. Александр Дюма остался в памяти как автор блестящих исторических романов, в которых весьма вольно трактовал исторические события и в определенной степени мифологизировал французскую историю. А сам писатель, оказавшись в России, порой воспроизводил те мифы и стереотипы о нашей стране, которые уже сформировались в коллективном сознании его соотечественников. Но что самое удивительное, создатель и транслятор мифов, Александр Дюма и сам стал героем мифа о «развесистой клюкве». А если говорить серьезно, то взгляд на Россию Александра Дюма – это, безусловно, взгляд француза, более того, парижанина, то есть взгляд слегка вы-

Разворот французского еженедельника L'Illustration со статьей о Москве. Ноябрь 1871 года

сокомерный и ироничный. Но он вовсе не злой, особенно если сравнивать путевые записки Дюма с тем, что обычно писали до него. Да, он тоже был во власти стереотипов, сообщал о деспотизме, несчастном и покорном народе, но вовсе не описывал увиденное в мрачных тонах. Дюма писал о начальном этапе развития русской культуры, литературы, но он очень высоко ценил гений Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Более того, Дюма в России много работал и с помощью Григоровича переводил, в том числе и оду Пушкина «Вольность», «Героя нашего времени» и стихотворения Лермонтова, «Ледяной дом» Ивана Лажечникова, повести Александра Бестужева-Марлинского. По возвращении в Париж он издал эти переводы, некоторые из них вошли в выпущенную им антологию русской литературы начала XIX столетия. Россия в описании Дюма – страна привлекательная, манящая, загадочная и экзотичная. Поэтому его рассказы о России превзошли по популярности приключения Монте-Кристо. Как отмечал известный французский писатель Андре Моруа, Дюма «так увлекательно рассказывал, с таким пылом и такой убежденностью, что все верили, и прежде других – сам рассказчик». Безусловно, поистине царский прием, стремление во всем угодить гостю (пусть и с тщательным приглядом за ним) превратили его путешествие в настоящий праздник. В своих заметках он признавался: «Дабы не удивлялись тому, что я все время повторяю одно и то же, скажу, что это моя единственная возможность доказать свою признательность людям, которые сделали мое путешествие по России одним из лучших путешествий за всю мою жизнь».

А нам, читателям, как русским, так и европейским, Дюма подарил, на мой взгляд, одну из интереснейших и доброжелательных книг о России. Без всякой «развесистой клюквы». ■

ПЕРВЫЙ ПАРК ИМПЕРСКОЙ СТОЛИЦЫ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЛЕТНИЙ САД – САМЫЙ ПЕРВЫЙ ПАРК ПЕТЕРБУРГА, КОТОРЫЙ, ПО ЗАМЫСЛУ ПЕТРА I, ДОЛЖЕН БЫЛ ЗАТМИТЬ ВЕРСАЛЬ. ПОСЕТИТЕЛЕЙ ОН ПРИЗВАН БЫЛ ИЗУМЛЯТЬ, ПРИВОДИТЬ В ТРЕПЕТ. И ПАРК ОТЛИЧНО СПРАВЛЯЛСЯ СО СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ. НЕ ВСЕГДА, ПРАВДА, ИЗУМЛЕНИЕ ШЛО РУКА ОБ РУКУ С ВОСХИЩЕНИЕМ, А ТРЕПЕТ БЫЛ БЛАГОГОВЕЙНЫМ. САД ГОСУДАРЯ-РЕФОРМАТОРА ВЫЗЫВАЛ И НЕДОУМЕНИЕ, И ДАЖЕ УЖАС: СЛИШКОМ НЕОБЫЧНЫМ ОН БЫЛ ДЛЯ СЕВЕРНОЙ СТРАНЫ, СЛИШКОМ ВЫЗЫВАЮЩИМ ДЛЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, СЛИШКОМ ПЫШНЫМ И СТРАННЫМ ДЛЯ ОБЫВАТЕЛЯ.

САД БЫЛ ЗАЛОЖЕН по указу Петра I в 1704 году, когда еще сам город только-только строился. Архитектурно-ландшафтные планы и в отношении новой столицы, и насчет собственной резиденции на берегу реки Ерик (будущей Фонтанки) были, конечно, самыми амбициозными. Чтобы «иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля», Петр I привлёк лучших архитекторов, инженеров, знатоков искусства и садовых мастеров. Государь не жалел ни денег, ни времени, ни человеческих ресурсов, не пугали его и трудоемкие работы. Шутка ли – осушить болотистые земли, привезти в достаточном количестве плодородную землю, подготовить инженерные коммуникации под фонтаны, высадить деревья.

Одни только деревья везли со всей Европы: из Польши, Пруссии, Померании, Франции, Дании, Голландии. Причем Петр лично изучал труды по ботанике и, давая распоряжения по закупке растений, уточнял все в мельчайших подробностях: из каких семян должны быть выращены деревья, какими должны быть стволы в диаметре, из каких почв их необходимо вынимать, как лучше устроить доставку. Вот, например, что писал царь князю Борису Куракину в Голландию: «Господин подполковник. Понеже в Голландии, около Гарлема, есть липовые де-

Во времена Петра I Карпиев пруд выполнял не только эстетическую, но и хозяйственную функцию – здесь разводили рыбу для царского стола

Лебязья канавка тоже служила вполне утилитарным целям – она была и транспортной артерией для подвоза стройматериалов и избавляла сад от лишней воды. Впрочем, когда-то и белые птицы тут водились в избытке

ревья от семян (а не из диких) в песочных местах, которые продают и отвозят в Штокхольм и прочие нордские места, и о таких потрудитесь, дабы достать тысячи две, толщиной в 6 дюймов вкруг, или в 3 дюйма в диаметр, и чтоб от корени отсечены были вверх 10 футов. И посадя их с коренем на каравль в песок, которой для баласту кладетца, и прислать в Питербурх».

Также вникал Петр и в технические тонкости устройства фонтанов, просил прислать ему соответствующие книги. В 1705 году царь приказал зодчему, главному архитектору Летнего сада Ивану Угрюмову (Мат-

вееву) «учинить приготовление свай, колеса великого... також двух с пальцами и несколько шестерней», уточняя, что «сие надобно для возведения воды к фонтанам». Первые фонтаны работали на конной тяге. Позже, с погружением государя в новости технического прогресса, бесперебойную подачу воды стала обеспечивать «огнедействующая машина» Джона Дезаюлье – пареоатмосферный насос, приобретенный Петром I в 1717–1718 годах в Англии. Кроме того, для питания фонтанов от реки Лиги (нынешней Дудергофки) был прорыт Лиговский канал и проложены спе-

Многим
деревьям
Летнего сада
уже более
трехсот лет

циальные трубы через Ерик непосредственно к фонтанам. Инженерное решение было достаточно сложным и дорогим для своего времени, но без искрящихся водометов свою резиденцию Петр даже представить не мог. Запланировано было более 50 фонтанов. При жизни императора успели установить 20, работы по их устройству продолжились и позже. В XVIII веке многие фонтаны были украшены позолоченными скульптурными группами, в основном по мотивам басен Эзопа.

Особую страсть Петр испытывал не только к фонтанам, но и к скульптуре. Сад еще был в проекте, а он уже собирал свою коллекцию. Помогали царю в этом его денщик Юрий Кологривов и дипломат Савва Рагузинский. Уже к 1710 году в Летнем саду было установлено около 30 статуй и бюстов работы итальянских и немецких мастеров XVII – начала XVIII века. К концу правления императора скульптур было более сотни. Любопытна история установления в Летнем саду античной Венеры в 1720 году. Мраморная бо-

гиня красоты, древняя копия с Венеры Книдской работы Праксителя, была найдена в окрестностях Рима в 1719 году. И как раз в это время там оказался Кологривов. Он договорился о покупке статуи, однако сделке воспрепятствовали губернатор Рима и папа Климент XI. Петр готов был даже выкрасть находку в случае неудачных переговоров, но дипломатия все же взяла верх. Климент XI смягчился, когда русский царь предложил ему в обмен мощи святой Бригитты Шведской. Упорствовать в удержании языческой идолицы и отказываться от христианской реликвии служителю церкви вроде как не пристало, и папа дал добро на вывоз скульптуры. Торжественное установление Венеры в Летнем саду изумительно описывает Дмитрий Мережковский в романе «Петр и Алексей». Произведение художественное, и в нем много несовпадений в деталях, впрочем, вполне сознательных, необходимых для решения определенных художественных задач. Например, писатель говорит о Венере не как о копии, а как об оригинале Праксителя, поскольку этот образ является у него сквозным для всей трилогии «Христос и Антихрист», в которую входят романы о Юлиане Отступнике, Леонардо да Винчи и о Петре и Алексее. Но важно не это. Интересны настроения, с которыми и русский царь, и его приближенные, и русская церковь, и общество переживают историко-культурное событие. Если Петр в описании Мережковского переполнен нетерпением и радостью обладания, он самолучно вскрывает ящик с Венерой, спеша, царапая в кровь руки, то его приближенные смущены и растеряны. «Старая царица Прасковья Федоровна, невестка Петра, вдова брата его, <...> кланялась Венере. Она вообще угождала Петру, покоряясь всем новшествам: против ветра, мол, не пойди. Но на этот раз у почтенной старушки <...>, когда она приседала «на немецкий манер» перед «бесстыжею голою

девкою», заскребли-таки на сердце кошки». Передает писатель и глас народный. Его выразил в романе сын дьячка, «сбитый с толку слишком внезапным переходом от Псалтыри и Часослова к басням Овидия и Вергилия», мастер-печатник Михаил Аврамов: «Отцы и деды ставили в домах своих и при путях иконы святые; мы же стыдимся того, но бесстыдные поставляем кумиры. Иконы Божьи имеют на себе силу Божию; подобно тому и в идолах, иконах бесовых, пребывает сила бесовская. Служили мы доднесь единому пьянственному богу Бахусу, нареченному Ивашке Хмельницкому, во всешутейшем соборе с князем-папою; ныне же и всескверной Венус, блудной богине, служить собираемся». Венера эта действительно вызывала много толков, ее называли и «блудницей вавилонской», и «белой дьяволицей». Во избежание случаев вандализма к скульптуре были приставлены часовые. А после наводнения 1777 года статую и вовсе убрали из сада, укрыв в Таврическом дворце. Теперь она находится в Эрмитаже. Но, как и прежде, глядит на всех удивленно и любопытно, с вечно своей улыбкой.

Система петровских водометов была полностью разрушена в 1777 году. Екатерина фонтаны не любила и решила их не восстанавливать. Уже в наше время были воссозданы восемь фонтанов

Однако, несмотря на неприятие фонтанов как пытки над водой, Екатерина берегла детище Петра до разрушения их стихией, а некоторым придала новый облик. При императрице один из фонтанов превратился в «Пирамиду»

ШАРАДЫ ИЗ КАМНЯ

Оригиналы скульптур европейских мастеров времен Петра тоже, впрочем, сегодня находятся не в Летнем саду, а в залах Михайловского замка. В парке экспонируются копии – это тоже вынужденная мера: вандалы, к сожалению, существуют и по сей день. Копии, однако, хороши, а главное – они все так же дарят посетителям возможность разгадывать удивительные ребусы. Хотите испытать интеллектуальный восторг? Поразмыслите-ка над загадкой «Аллегии Кра-

соты» Джованни Дзордзони. На первый взгляд все понятно: мраморная девушка бесконечно прекрасна, какие уж тут толкования. Но вот страшный драконопес у ее ног... Что бы мог он символизировать? Что красота нуждается в защите? Или что она сама способна покусать доверившегося ей? По устоявшейся западноевропейской «иконологии» XVII века, дракон является и стражем, и воплощением дьявола, и даже символом испепеляющей ревности. Что ж, красота, как ничто другое, способна вызвать ревность.

На безмятежных туристов, прогуливающих по аллеям сада, строго глядят римские императоры, античные философы и боги

Замечательную головоломку является собой группа из четырех скульптур Джованни Бонацца — «Аврора», «Полдень», «Закат», «Ночь». Композиции были заказаны в 1716 году для только что построенного павильона «Грот». Павильон был задуман в морской тематике, и украсить его должны были раковины, кораллы, фонтаны и наяды. Но морской простор олицетворяет еще и вечность с неотвратимостью судьбы. Идею судьбы должны были передать скульптуры «Немезида» и «Рок» работы Антонио Тарсия, стихия же могла быть воплощена в фигурах, изображающих четыре главных ветра, а вот с концепцией вечности до конца не определились. И, собственно, поначалу Бонацца заказали крылатые изваяния Борея, Зефира, Нота и Эвра. Однако позже попросили его изготовить четыре фигуры, символизирующие разное время суток. Все это, разумеется, наложило свой отпечаток на работы: лишенные крыльев, они все равно отличаются легкостью и воздушностью драпировок. «Аврора», кажется, вот-вот оторвется от земли и полетит. «Ночь», наоборот, выглядит только что спустившейся с небес. «Полдень» более тяжеловесен, но нельзя не

почувствовать, как его овекает летний знойный ветер. И только «Закат» уже настолько стар и дряхл, что ему как будто бы никуда не подняться. Однако если присмотреться, то над челом его сияет Венера. Детали вообще чрезвычайно интересны: в ногах «Заката» растут цветы дурмана, «Аврора» держит в руке факел, освещающий мир, «Полдень» во-

«Амур и Психея» эпохи барокко — это не только изящество линий, но и предельная напряженность чувств

оружен стрелами, а сопровождаемая совой «Ночь» увенчана маковым венком. Скульптуры так и не заняли место в «Гроته», их установили в аллеях сада — наверное, потому, что они оказались слишком хороши, чтобы их прятать. Хороши, конечно, не только они. Любопытны и другие мраморные загадки Летнего сада. Например, не все очевидно и с «Аллегорией милосердия» Пьетро Баратта. Кажется, что изображение женщины с книгой в руках, скорее, воплощает ценность просвещения. Противоречия, впрочем, нет. Одно всегда следует из другого: кто просвещен, тот и снисходителен, кто милостив — тот обладает истинным знанием. А чтобы разгадать замысел «Аллегории сладострастия» неизвестного, но невероятно талантливого художника, нужно хорошо разбираться в средневековой символике, потому что иначе объяснить появление рядом с призывно улыбающейся красавицей крокодила и куропатки сложновато. Но оказывается, что хищник из разряда пресмыкающихся олицетворял раньше не только прозорливость, но и похотливость — зуб крокодила даже использовали как амулет мужской силы. Куропатка же была не только символом плодovitости и изобилия, но и крайней неразборчивости.

Сложны в толковании и скульптуры так называемого военного цикла. Собственно, сложность начинается с того, что в них трудно уловить военную тему. Ни щитов там нет, ни мечей — все же тонко работали триста лет назад. Вот, например, «Аллегория истины» (Veritas) Марино Гроппелли. Перед вами красивая женщина с гордым лицом. В руках у нее солнечный диск. Впрочем, вы можете об этом и не догадаться, диск очень похож на зеркало. До конца непонятно, то ли дама любит себя, то ли солнце — ею. Но в чем же истина? В красоте? В величии? Быть может, в знании? В другой руке у дамы, между прочим, книга, а ногой она попирает земной шар. Выясняется, что композиция является аллегорией справедливости,

восстановление которой стало причиной Северной войны. Солнце истины светит правому. То же самое можно сказать и о другой работе того же скульптора. «Аллегория искренности» также передается через образ обнаженной незнакомки. В руках – скипетр, в ногах – лев. Разгадывать можно сколько угодно. Но о том, что композиция посвящена освобождению пленных шведов великодушным русским царем, вы все равно узнаете только из описания на официальном сайте Русского музея. Центральное же место в военном цикле занимает группа «Мир и Победа. Аллегория Ништадтского мира» Пьетро Баратта. Ее не хочется даже интерпретировать – только стоять и разглядывать, до того она великолепна.

Впрочем, главное достоинство скульптур Летнего сада вовсе не в том, что они провоцируют интеллектуальный зуд. Кто полагает, что способен безошибочно считать все эти шифры, тот глубоко ошибается. Творения художников прошлого существуют вовсе не для нашего самоутверждения, а – наоборот, умаления. Но умаления ничуть не унижительного, потому что, когда мы умалеемся перед красотой, возвышается мир. И мир этот во всей своей сложности, мир, в котором переплетаются эпохи и смыслы, становится странным образом уютнее и безопаснее. Покой, неторопливость, смирение и безмятежность – вот что дарит нам скульптура Летнего сада. Ведь что может быть чудеснее неспешной прогулки по зеленому аллеем, созданным гениями далекого прошлого. Ведь если это прошлое до сих пор с нами, значит, все хорошо.

И в этом смысле, кажется, не очень прав был Мережковский, критиковавший работы мастеров XVII–XVIII веков, ваявших в мраморе античных богов, философов и правителей по капризу честолюбивого русского царя. Классик пишет, что все эти герои в камне, «будто только что сняв парики да шитые кафтаны... кружевные фонтанки да роброны и, точно сами удивляясь не совсем приличной нагоде своей, походили на жеман-

Оранжерея была заложена в Летнем саду одной из первых – цветам Петр I уделял внимания не меньше, чем деревьям. Особенно он любил голландские тюльпаны. Красные цветы и сегодня радуют здесь посетителей

ных кавалеров и дам, наученных «поступи французских учтивств» при дворе Людовика XIV или герцога Орлеанского». Но ведь это-то и интересно: переплетение исторических вех, угадывание в «Диане», «Камилле», «Церере», «Аристотеле» и «Демокрите» примет петровского времени и европейского галантного века. В конце концов и Рафаэль писал мадонн прекрасными дамами своей эпохи. Преемственность обогащает искусство, слепое копирование ведет в тупик.

Статуя прорицательницы Сивиллы Ливийской в парке составляет компанию скульптурам «Рок» и «Немезида», что логично: где тайны судьбы, там и желание их постичь, но слишком усердствующих ждет наказание

ПИЛИ ЛИ ЧАЙ В ЧАЙНОМ ДОМИКЕ?

Скульптура, фонтаны, ландшафт – это, конечно, еще не все сокровища Летнего сада. Особое место занимает в нем и архитектура. Нет, архитектура здесь, безусловно, не главное, и это всячески подчеркивается скромностью и строгостью строений. Но она придает всему ансамблю законченность.

Доминантой здесь, понятно, является Летний дворец Петра I, построенный по проекту Доменико Трезини в 1711–1712 годах. Он не пышен, не высок, однако не выделить его на берегу Фонтанки невозможно – ничто иное рядом внимания не отвлекает. Простота, впрочем, его обманчива. Все дело в концептуальности. Во-первых, имеет место наследование лучшим архитектурным образцам Европы. Резиденция Петра I очень напоминает дворец Маурицхёйс в Гааге. Во-вторых, важно оформление. Фасады дворца декорированы 29 терракотовыми рельефами, изображающими в аллегорической форме события Северной войны. Работа над ними, судя по всему, была довольно кропотливой.

Не меньше трудов было затрачено на создание интерьера. Над ним работал французский архитек-

тор Жан-Батист Леблон. Все было устроено по парижской моде, однако с переосмыслением европейских канонов в сторону большей сложности. По сути, Летний дворец – это один из первых образцов петровского барокко, стиля в равной степени и эклектичного, и вместе с тем удивительно гармоничного. Огромные деревянные панно во всю высоту стен с лепкой и позолотой, росписи, зеркала, каминные и джеспорты, падуго, живописные плафоны – всего было много, но убранство

вовсе не казалось ни пестрым, ни перегруженным. И главное, полюбоваться интерьерами дворца можно и сегодня – очень многое сохранилось почти в первозданном виде, а то, что нуждалось в реставрации, восстановлено чрезвычайно бережно. Увы, не всем постройкам повезло так, как дворцу Петра I, многое было утрачено. Например, уже упоминавшийся выше павильон «Грот». Этот морской павильон с дивным фонтаном, приводящим в действие установленный тут же

Фасад Летнего дворца Петра I – своеобразная галерея, тут экспонируются почти три десятка рельефов, изображающих события Северной войны

Строг, но изящен. И каким еще быть Кофейному домику?

орган, почитался петровским обществом за настоящее чудо. А вот потомки первого императора, гораздо более искушенные в делах прогресса, уже не воспринимали «Грот» как что-то необычное. Павел I и вовсе распорядился павильон разобрать. Его ошибку хотел было исправить Александр I, но часть чертежей оказалась безвозвратно утерянной. При Николае Павловиче на месте «Грота» появился Кофейный домик. Архитектурной парой к Кофейному домику является, конечно, Чайный домик. Этот павильон еще более скромнее. Деревянный, одноэтажный, очень простой в планировке, он отличается разве что колоннами дорического ордера да редкими резными украшениями. Так уж сложилось, что изначально функция павильона была сугубо утилитарной: он использовался вовсе не для чаепитий, а как склад садовых принадлежностей. Помещение с таким функционалом не должно было привлекать внимание и мешать наслаждаться природой. Это уж позже здесь придумали предлагать посетителям минеральные воды, чтобы освежиться в жаркую погоду. А в наше время павильон стали использовать как дополнительную выставочную площадку.

Сегодня двери Летнего сада открыты для всех, но до начала XX века к посетителям предъявлялись весьма строгие требования

«ГДЕ ЛУЧШАЯ В МИРЕ СТОИТ ИЗ ОГРАД»

Богатство Летнего сада не исчерпывается ни архитектурой, ни фонтанами, ни художественными произведениями, ни природой. Богатство детища Петра составляет и культура, которой оно все больше и больше обрастает. Речь о том феномене, когда что-то является уже не частью места, а место является частью чего-то большего, чего-то понастоящему огромного. Гений места проникает в литературу, поэзию, музыку, живопись и порождает новое искусство. Самое известное, хрестоматийное упоминание Летнего сада относится, наверное, к пушкинскому «Евгению Онегину». Все помнят со времен школы: *Monsieur l'Abbé, француз убогой, Чтоб не измучилось дитя, Учил его всему шутя, Не докучал моралью строгой, Слегка за шалости бранил И в Летний сад гулять водил.* Помним мы и о том, что ссылка на прогулки будущего повесы в Летнем саду тогда служила черточкой его аристократичной праздности. Хоть сад и стал доступен для посещения еще в елизаветинское время, но вплоть до начала XX века тут

Чугунный трубопровод первой половины XVIII века – теперь отдельный памятник

предъявлялись весьма строгие требования к внешнему виду посетителей. Мандельштам, например, вспоминал, что даже в 1890-х годах вахмистры в медалях гнали от ворот народ в сапогах и мещанском платье. Писал он и о том, что те, кому повезло в сад все же попасть, вели себя на прогулках до крайности церемонно.

Потом уж время как-то так закружилось, что стало не до церемоний. И в Летний сад зачастую ли поэты. Случались странные сближения. На скамейке в Летнем саду однажды встретились Ирина Одоевцева и Андрей Белый. Последний пребывал тогда в каком-то невероятном иступлении. Ну, или, точнее, поэт был в одном из обычных своих

Екатерининская решетка Летнего сада, один из главных символов Петербурга, особенно великолепна на фоне пасмурного северного неба

состояний, но молодая Одоевцева об этом еще не догадывалась, что и привело к курьезу. Белый, начав с пространных рассуждений об эфирных теориях и Христе, закончил откровениями о своей несчастной любви к жене Блока Любови Менделеевой, разрыдался и взял обещание у наивной девушки прийти к нему вновь на это же место в другой день. Ирина Одоевцева потом ходила в сад неделю, садилась на скамейку, ждала, ждала, ждала, а потом... встретила Белого в столовой Дома поэтов. На вопрос, почему же он так и не пришел в Летний сад, тот выразил лишь недоумение и брезгливость: «В Летний сад? Нет, зачем? Я его терпеть не могу. Я ничего там не потерял». Впрочем, Одоевцева, кажется, не обиделась, она-то Летний сад любила, хотя и грустною любовью. О нем поэтесса написала очень пронзительное стихотворение, в котором ей мистическим образом случилось занять место одной из мраморных статуй: *Кто же я? Диана иль Паллада? Белая в сиянии луны, Я теперь – и этому я рада – Видеть буду мраморные сны.*

*Утро... С молоком проходят бабы,
От осенних листьев ветер бур.
Звон трамваев. Дождь косой
и слабый.
И такой обычный Петербург.*

Такой обычный Петербург через образ Летнего сада запечатлел и художник Исаак Бродский – та же грусть и та же осень. А вот праздничным, ярким, во всем своем великолепии творение Петра описала Анна Ахматова:

Порфиновая ваза
была подарена
Николаю I швед-
ским королем
Карлом XIV в знак
доброй воли по-
сле многочислен-
ных войн

*Я к розам хочу, в тот
единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.
В душистой тиши между
царственных лип
Мне мачт корабельных
мерещится скрип.
И лебедь, как прежде,
плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.
И замертво спят
сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шестью теней не видно конца
От вазы гранитной
до двери дворца.
Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник
таинственно скрыт.
И даже не знаешь, каким Лет-
ний сад бывает чаще: тихим и
немного печальным или торже-
ственным, с радостно бьющими
фонтанами и весело шелестя-
щей листвою? Он разный. Но он
всегда восхитителен. Восхище-
ние завладевает вами каждый
раз, стоит вам только прибли-
зиться к Летнему саду, увидеть
Дворец Петра или изумитель-
ную екатерининскую решетку,
справедливо причисляемую пе-
тербуржцами к чудесам мира.
И грустный вздох невольно вы-
рывается из груди, когда вы по-
кидаете это дивное место. ♡*

ЖЕМЧУЖИНА МОСКОВСКОЙ ПСЕВДОГОТИКИ

АВТОР

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

ОКАЗАВШИСЬ В МИХАЛКОВЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ, ПОРАЖАЕШЬСЯ НЕОЖИДАННОЙ КРАСОТЕ И ВЕЛИЧИЮ СОХРАНИВШЕГОСЯ ЗДЕСЬ УСАДЕБНОГО АНСАМБЛЯ. ТАИНСТВЕННЫЕ ГОТИЧЕСКИЕ БАШНИ И СТРОЙНЫЕ БЕСЕДКИ, СТАРИННЫЙ ПАРК С ЛУЧАМИ ЛИПОВЫХ АЛЛЕЙ, ДУБОВОЙ РОЩЕЙ И ЖИВОПИСНЫМИ ПРУДАМИ – ВСЕ ЭТО ЗАВОРАЖИВАЕТ И УДИВЛЯЕТ. ВОЗМОЖНО, НЕ ЗРЯ НЕКОТОРЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СЧИТАЮТ, ЧТО МИХАЛКОВО БЫЛО СПРОЕКТИРОВАНО ВАСИЛИЕМ ИВАНОВИЧЕМ БАЖЕНОВЫМ...

НАЗВАНИЕ «МИХАЛКОВО» впервые появилось в одной из писцовых книг конца XVI века, где оно характеризуется как «пустошь, что была деревня». Известен и тогдашний владелец «пустоши» – Семен Фомич Третьяков, к основателям Третьяковки никакого отношения не имеющий. В то давнее время усадьбы здесь, конечно, еще не было: на этом месте рос густой лес, окружавший заброшенную деревню. Но во второй половине XVIII столетия Михалково уже входило в четверку «знаменитейших» помещичьих селений в окрестностях Москвы наряду с Кусковом, Петровско-Разумовским и Останкином. Оно было тогда загородной дворянской резиденцией в 8 верстах от города. Сейчас это – городской район на севере столицы, доехать сюда от Кремля можно всего за полчаса...

КНЯГИНЯ МИХАЛКОВА

В середине XVII века имение перешло к представителям княжеского рода Дашковых. Воевода, царский стольник, первый судья Разбойного приказа и окольничий Иван Иванович Дашков получил его в вотчину и начал здесь обустраиваться. Сменилось несколько поколений семьи, и Михалково унаследовал его правнук, Михаил Иванович. Как и прадед, он был человек незаурядный, прожил короткую, но чрезвычайно насыщенную жизнь. Он участвовал в подготовке дворцового переворота, в результате которого к власти пришла Екатерина II. И это его женой была знаменитая сподвижница Екатерины, президент двух российских академий – Екатерина Романовна, урожденная Воронцова. Любопытный факт: при рождении князь Дашков был крещен как Кондратий, но в жизни он именовался Михаилом в память

Князь Михаил
Иванович
Дашков
(1736–1764)

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

о дедушке со стороны матери – генерале Михаиле Ивановиче Леонтьеве, двоюродном племяннике царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, матери Петра I. Усадьба генерала дала название Леонтьевскому переулку в центре Москвы. А бабушка князя Дашкова – Мария Васильевна, урожденная Эверлакова, – была родной теткой графов Паниных – Никиты и Петра Ивановичей, о которых мы еще вспомним ниже.

В своих «Записках» Екатерина Дашкова очень романтично описала первую встречу с будущим супругом. Чудесным летним вечером она возвращалась из гостей и решила прогуляться по улице в сопровождении знакомой дамы: «Едва мы прошли несколько шагов, как перед нами очутилась высокая фигура, вынырнувшая

Д.Г. Левицкий.
Портрет княгини
Е.Р. Дашковой.
1784 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Беседка-купальня на берегу Большого Головинского пруда (XVIII век) – символ усадьбы Михалково

из другой улицы; воображение мое под влиянием лунного света превратило это явление во что-то колоссальное. Я испугалась и спросила свою спутницу, что это значит. И в первый раз в моей жизни услышала имя князя Дашкова...» Молодые люди сразу понравились друг другу, и это неожиданное знакомство решило их судьбу; ей было 16 лет, ему – 23 года. «Незнакомый князь случайно заговорил со мной, и его вежливый и скромный тон расположили меня в его пользу. В этой нечаянной встрече и взаимном более чем благоприятном нашем впечатлении я видела особые следы провидения, предназначившего нас друг другу», – вспоминала Дашкова.

В Михалкове Екатерина Романовна Дашкова жила уже с двумя детьми. Здесь, «вдали от суеты и политических махинаций столицы», она гуляла, закалялась, принимая холодные ванны, предавалась ученым занятиям, чтению и сочинительству. И позднее, оставшись вдовой, она путешествовала по Европе под псевдонимом княгиня Михалкова.

Взойдя на престол, Екатерина II пожаловала князя Михаила Дашкова в камер-юнкеры, назначила членом Комиссии о Санкт-Петербургском строении и отправила послом в Константинополь. В 1763 году в чине вице-полковника лейб-кирасирского полка он был послан с особым отрядом в Польшу «для содействия избранию в короли Станислава Понятовского», в чем была заинтересована молодая императрица. Князь Дашков был в самом расцвете сил и полон радужных надежд, ведь ему было всего 28 лет. Казалось, вся жизнь еще впереди. Но всем этим надеждам не суждено было сбыться: неожиданно его настигла горячка, от которой он скончался 17 августа 1764 года в польском городе Пулавы. Безутешная 20-летняя вдова Екатерина Романовна Дашкова была вынуждена взять на себя заботу об имениях мужа и его долгах, которых он «от неосторожности много нажил». Ей удалось расплатиться по всем долгам

АЛЕКСАНДР БУРЯЙ

Сохранившийся фрагмент кирпичной ограды парадного двора и встроенный в него юго-западный служебный корпус. XVIII век

Ф.С. Рокотов.
Портрет Петра
Ивановича
Панина.
Вторая половина
1770-х годов

обязательствам за пять лет «с помощью строжайшей экономии и постоянного надзора за имением детей». А Михалково она родственному продала младшему из братьев Паниных – генерал-аншефу Петру Ивановичу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПОКОРИТЕЛЬ БЕНДЕР И УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВА

Граф Панин вышел к тому времени в отставку и подыскивал себе подходящее подмосковное имение, где бы он мог проводить теплое время года. В письме старшему брату, Никите Ивановичу, он объясняет: «...обычай здешнего места такой, что все без изъятия private помещики на весну и лето разъезжаются по своим заготовленным заранее уже подмосковным или загородным дворам, но наша с тобой ревность в службе лишила нас себе такового приуготовления...» Он сетует, что вынужден «каждое лето скитатца из одолжения себя по чужим домам, а ожидать собственной выстройки наступившая уже старость (П.И. Панину было тогда 49 лет. – Прим. авт.) отнимает надежду». Петр Иванович хотел купить уже готовый загородный дом.

Он предпринял две неудачные попытки приобрести имение в окрестностях Москвы: вел переговоры о покупке усадьбы Нескучное с князем Петром Никитичем Трубецким, а затем – усадьбы Узкое, принадлежавшей четверем братьям Голицыным. Обе сделки не состоялись. Тут, вероятно, и возникла идея упрощить племянницу, Екатерину

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ну Дашкову, уступить ему Михалково, несмотря на то, что сначала она решительно отвергала саму эту возможность даже для того, чтобы расплатиться с долгами покойного мужа. В конце концов граф Петр Иванович Панин оказался счастливым обладателем усадьбы Михалково, которую он купил на имя своей второй супруги, графини Марии Родионовны, урожденной фон Ведель. И все же ему пришлось строить все заново: усадьба Дашковых к тому времени сильно обветшала. Именно при Панине и был создан тот великолепный архитектурный ансамбль, который радует нас и сегодня. Вопрос об авторе проекта до сих пор остается открытым, поскольку чертежи не сохранились. Многие исследователи склоняются к авторству Баженова, другие категорически высказываются против этой версии. Кстати сказать, свидетельства современников Панина позволяют сделать вывод о том, что и его супруга, обладавшая талантом живописца и делавшая архитектурные наброски, могла составить первые планы некоторых усадебных построек. К сожалению, Мария Панина очень рано умерла и ее архитектурному таланту не удалось воплотиться в полной мере.

Петр Иванович Панин был профессиональным военным и выдающимся государственным деятелем. Он был младшим из пятерых детей генерал-поручика Ивана Васильевича Панина и его супруги Аграфены Васильевны Эверлаковой. Петр Панин родился в 1721 году в отцовском родовом селе Везовня Мещовского уезда Калужской губернии и первые девять лет жизни провел в семье в городе Пернове, где отец служил комендантом. С 1730 года Петр Иванович жил у старшей сестры, Александры, в 19 лет вышедшей замуж за дипломата и сенатора князя Александра Борисовича Куракина. Куракины занимали высокое положение при дворе императрицы Анны Иоанновны и сумели его сохранить

Главные въездные ворота в усадьбу Михалково

в царствование Елизаветы Петровны. Благодаря связям зятя, Панин вошел «в весьма близкие сношения со многими представителями русской знати». Военная карьера Петра Ивановича Панина началась довольно рано: в 14 лет он поступил на службу солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, в 15 лет его произвели в капралы. Первое боевое крещение он получил в Русско-турецкую войну 1735–1739 годов в Крыму, участвовал во взятии Перекопа и Бахчисарая, проявив отвагу и бесстрашие. Он сражался в Русско-шведской войне 1741–1743 годов и Семилетней войне 1756–1763 годов, проявив себя талантливым полководцем. В день коронации Екатерины II, 22 сентября 1762 года, Панин получил украшенную бриллиантами Золотую шпагу. Он был пожалован в генерал-аншефы и назначен сенатором. Екатерина II привлекла его к участию в работе «временной особой комиссии», занимавшейся реорганизацией Русской армии. В 1767 году он был возведен в графское достоинство, получил ордена Святого Георгия 1-й степени, Святого Александра Невского и Святого Апостола Андрея Первозванного. Своими главными заслугами перед отече-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Графиня Мария Родионовна Панина, урожденная фон Ведель (1746–1775), изображена пишущей портрет своей дочери Софии

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ством сам Панин считал покорение в 1770 году неприступной турецкой крепости Бендеры в ходе очередной Русско-турецкой войны и усмирение Пугачевского бунта в 1775 году. Именно победу над турками стремился увековечить Панин в памяти потомков, когда выбирал образ для своей будущей летней резиденции.

УСАДЬБА-КРЕПОСТЬ

Главная подъездная аллея усадьбы, приводившая от Санкт-Петербургского шоссе на парадный двор («курдонёр», от франц. *cour d'honneur*. – Прим. авт.), со временем превратилась в Михалковскую улицу. Курдонёр имеет в плане полукруглую форму. Первоначально он был окружен со всех сторон высокой кирпичной оградой, увенчанной зубцами и подпиравшейся с внешней стороны мощными контрфорсами; она сохранилась только с северо-западной стороны. Зато уцелели все три пары внушительных монументальных башен въездных ворот. Восьмиугольные башни по краям центрального въезда, имеющие завершение в виде «ласточкиных хвостов», напомнили первому исследователю Михалкова, основателю в 1922 году Общества изучения русской усадьбы, Владимиру Васильеви-

Башни северо-западных въездных ворот. Полумесяцы на центральных кокошниках напоминают о покорении Паниным турецкой крепости

Беседка-ротонда в парке. XVIII век

чу Згуре, верхнюю часть башен Фигурного моста в Царицыне (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2023 год, статья «Проклятье нежной готики»). Именно Згура, защи-

тивший диссертацию по творчеству Баженова, считал михалковский ансамбль произведением этого архитектора. Симметрично друг против друга расположены прямоугольные башни северо-западных и юго-восточных ворот, венчающиеся килевидными кокошниками. Средние, более широкие кокошники, украшены маленькими полумесяцами. В целом все это сооружение должно было имитировать покоренную Паниным турецкую крепость.

Напротив центральных ворот когда-то находился главный усадебный деревянный дом, который был утрачен еще в начале XIX века. Сохранившиеся двухэтажные кирпичные флигели располагались по обе стороны от него. Еще два кирпичных корпуса хозяйственных служб как бы встроены в ограду и, изгибаясь полукругом, окаймляют курдонёр слева и справа между центральными и боковыми воротами. С внутренней стороны двора юго-западный служебный корпус кажется двухэтажным, а с внешней стороны хорошо виден дополнительный нижний этаж, заполняющий покатошь в рельефе, спускающуюся к Головинским прудам. По мнению еще одного знатока старинных

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

усадеб, Алексея Николаевича Греча, «анализ форм михалковских башен, а также круглящихся стен-корпусов между ними, со стрельчатыми окнами и нишами, с треугольными карнизами и зубцами поверху, показывает очевидную родственность михалковской псевдоготики к постройкам Царицына». Липовая аллея парадного двора продолжала главную подъездную аллею и заканчивалась возле усадебного дома, сейчас она выводит непосредственно в регулярную часть парка. В парке особое внимание привлекают два замечательных сооружения: изящные каменные беседки-ротонды. Владимир Згура и Алексей Греч увидели в них античный прообраз – так называемый памятник Лисикрата 334 года до н.э., до сих пор стоящий в Афинах близ Акрополя. Одна из этих ротонд, так называемая беседка-купальня, расположена на высоком берегу Большого Головинского пруда, от нее к воде спускается каменная лестница. Эта беседка стала своеобразным символом усадьбы Михалково, а московское телевидение выбрало ее в качестве заставки для своих программ. Вторая беседка когда-то находилась на берегу первого, самого маленького из

каскадных прудов, устроенных на притоке Головинского ручья, ныне этот пруд засыпан. Два других каскадных пруда различаются своим уровнем – Верхний и Нижний, к северу от них лучами расходятся великолепные липовые аллеи. На противоположном берегу Головинских прудов уцелела относительно небольшая ландшафтная часть парка, в которой выделяется десяток мощных дубов, чей возраст исчисляется несколькими столетиями.

Лучи липовых
аллей в парке
усадьбы
Михалково

Василий
Иванович Йокиш
(1810–1887)

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Из воспоминаний современников мы узнаём, чем занимался граф Панин в своей усадьбе. Он принимал гостей, охотился в окрестных лесах, изобиловавших разнообразной дичью, выращивал экзотические фрукты в оранжереях, коими славилось Михалково, содержал псарню и даже конезавод, где разводил лошадей, в том числе и на продажу. Одним словом, наслаждался свободой загородного житья вдали от петербургского придворного общества и подальше от императрицы, отношения с которой у него к тому времени разладились.

Беззаботная жизнь усадьбы закончилась к концу XVIII века, когда спустя восемь лет после смерти отца сын Панина, Никита Петрович, продал Михалково смоленскому помещику Ивану Алонкину. Последний, желая извлечь из имения как можно больше прибыли, сдал часть его в аренду купцу Владимиру Турчанинову, который завел здесь ситцевое производство. В самом начале века XIX уже у нового хозяина, Алонкина, Михалково вместе с ситцевой фабрикой купил московский купец первой гильдии Дмитрий Ефимович Грачев – потомок известных «ситцевых королей» из Иванова. С тех пор фабричное производство и усадьба существовали по соседству.

«НЕ БЕЗ ПОЛЗЫ ДЛЯ РОССИИ»

Дальнейшая судьба усадьбы Михалково вплоть до революции 1917 года связана с Василием (Вильгельмом) Ивановичем Йокишем и его семьей. Вильгельм Август был сыном суконного фабриканта из Пруссии Иоганна Готфрида Йокиша и его жены Луизы. Он родился 15 октября 1810 года в немецком городке Мезеритце (ныне – Мендзыжеч), после Второй мировой войны отошедшем к Польше. В начале 1820-х годов семья переселилась в Згеж (Лодзинское воеводство современной Польши), куда местными властями было привлечено большое число немецких фабрикантов-текстильщиков из Пруссии и Саксонии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Правнуки В.И. Йокиша с няней в Михалкове. На заднем плане одна из башен въездных ворот в усадьбу. 1904 год

Польское восстание за независимость 1830–1831 годов и последовавшие за ним экономические санкции привели к тому, что многие мастера-суконщики немецкого происхождения покинули Польшу и переехали в Россию. В их числе был и Вильгельм Йокиш, который приехал в Москву в 1832 году. Он поступил красильным мастером на фабрику Грачевых в Михалкове, а позднее стал управлять и всем производством.

Уже в 1838 году предприимчивый молодой человек основал в Михалкове собственное сначала красильное, а затем прядильное, ткацкое и сукноотделочное заведение, «через которое», как было написано в его прошении на имя московского военного генерал-губернатора Арсения Андреевича Закревского, он «был не без пользы для России». В 1839 году Вильгельм Йокиш принял присягу на подданство российскому престолу и обвенчался с московской мещанкой, дочерью обрусевшего немца Анной Гармут. В 1840 году он был приписан вместе с женой к московскому купечеству. Ко второй половине XIX века предприятие Йокиша выросло в крупную мануфактуру по выпуску тонких шерстяных тканей отменного качества, которое подтверждалось высокими наградами на российских и международных промышленно-художественных выставках.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Юго-восточный служебный корпус. XVIII век

План усадьбы Михалково. 1861 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В июне 1860 года Йокиш купил у Грачевых «вторую часть сельца Михалкова», где располагалась его фабрика. Позднее основанное им и его старшими сыновьями, Василием и Александром, «Товарищество суконной мануфактуры «Йокиш» выкупило остальную территорию имения, за исключением его самой северной части, распроданной Грачевыми под дачные участки. К моменту покупки усадьбы Василий

Иванович стал уже купцом первой гильдии, а в 1863 году был причислен с семьей к сословию потомственных почетных граждан. В семье было семеро детей: Василий, Александр, Юлия, Федор, Елизавета, Мария и Иван. Йокиш и его дети входили в деловую элиту Москвы и вели благотворительную деятельность. Наибольшей известности добился его второй сын – Александр Васильевич. Вместе с отцом он участвовал в работе Московского биржевого общества, был гласным Московской городской думы созыва 1893–1896 годов, выборным Купеческого общества и представлял «Товарищество «Йокиш» в Обществе суконных фабрикантов. Кроме того, он входил в состав правления Московского общества охоты имени императора Александра II. Членами этого общества были и остальные братья. Таким образом, охотничьи традиции, заложенные в усадьбе Михалково еще графом Паниным, поддерживались и при ее последних дореволюционных владельцах. Помимо охоты Александр Йокиш, как и многие его современники, любил путешествовать, увлекался любительской фотографией. В Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пуш-

кина хранится альбом его фотографий, сделанных во время путешествия в Египет и Переднюю Азию, которое он совершил зимой 1909/10 года вместе со своими друзьями, Александром Васильевичем Живаго и Федором Николаевичем Щербачевым. Александр Йокиш мог себе позволить такую техническую новинку, как пленочный фотоаппарат «Кодак», тогда как его спутники использовали для съемки стеклянные пластинки – стереопары. Александру Васильевичу Йокишу было в то время 66 лет, и его более молодые приятели называли его «наш общий дядя». За свою общепользную деятельность Александр Йокиш удостоился нескольких государственных наград. Ему были пожалованы медали в память коронации императоров Александра III и Николая II. За участие в организации Нижегородской выставки 1896 года он стал кавалером ордена Святого Станислава 3-й степени. Как отмечалось в наградных списках, этот орден был ему присужден «во внимание к отлично-усердной и полезной» его деятельности, заключающейся «в постоянных заботах о расширении и совершенствовании производства, являющегося одним из старейших в Москве».

Покупка Михалкова Василием Йокишем оказалась для усадьбы спасительной: часть усадебных строений к тому времени, по словам рабочих, пребывала «в совсем разваленном виде». Йокиш провел реставрацию готических башен и других построек усадьбы. Как вспоминали его рабочие в конце 1930-х годов, «Йокиш купил башни в совсем разваленном виде и отделал их по старинному образцу». В дальнейшем он и его преемники поддерживали состояние усадьбы и парка, что позволило ансамблю сохраниться до наших дней. Фабричные постройки и жилой городок были компактны по своим масштабам, не затрагивали основное ядро усадьбы и были выстроены

Нижний каскадный пруд. На дальнем берегу видна беседка-купальня

Дом Йокишей при фабрике в Михалкове. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

из того же материала – красного кирпича. Усадебные флигели и служебные корпуса использовались только под социальные нужды для рабочих и служащих: в них помещались фабричная больница с аптекой и родильным приютом, школа, библиотека и магазин.

Сейчас усадьба Михалково стала городским парком, а ее парадный двор с флигелями находится в частной собственности. Новые владельцы задумали создать в одном из служебных корпусов музей.

На территории бывшей мануфактуры Йокиша сейчас ведется строительство жилого комплекса. Застройщики обещают сохранить и отреставрировать фабричные корпуса, часть которых признана объектами культурного наследия. Опасение вызывает судьба не только исторических зданий фабрики, но и векового дуба, чудом сохранившегося на фабричном участке. Компания-застройщик намерилась его спилить, так как дуб «мешает» стройке. Хочется верить, что здравый смысл все же возобладает и такой уникальный для Москвы природный объект, современник князей Дашковых и графов Паниных, будет и дальше радовать всех нас. 🍂

ЧУДЕСНАЯ МИКРОВСЕЛЕННАЯ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПОДКОВАТЬ БЛОХУ, СДЕЛАТЬ НАДПИСЬ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ВОЛОСЕ, СОЗДАТЬ КНИГУ РАЗМЕРОМ С МАКОВОЕ ЗЕРНЫШКО И ДАЖЕ ПОСТАВИТЬ НА УСИК КОМАРА ЭЙФЕЛЕВУ БАШНЮ! ВСЕ ЭТО ПО СИЛАМ ОМСКОМУ ЛЕВШЕ – АНАТОЛИЮ КОНЕНКО. ЕГО МИНИАТЮРНЫЕ РАБОТЫ ПОРАЖАЮТ ВСЕХ, КТО ИХ ВИДИТ.

ДЕЛАТЬ ТО, ЧЕГО ВРОДЕ бы не может быть в принципе, для этого художника – в порядке вещей. Количество миниатюрных шедевров впечатляет: их тысячи, целая микровселенная. Творчеству Анатолия Коненко даже посвящен отдельный зал в Омском музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля.

А ведь в далекие 1980-е годы ни о чем подобном молодой преподаватель Омского строительного техникума и мечтать не мог. В то время он только решил шагнуть в неведомое: вечерами после работы просиживал за микроскопом, не просто стремился постичь тайны микромира, но и пытался научиться работать в нем.

ПУТЬ В НЕВЕДОМОЕ

Еще в школе Анатолий увлекался рисованием и резьбой по дереву, за что даже заслужил прозвище – Художник. Потом молодой человек поступил в Омский строительный техникум на факультет архитектуры, после окончил «худграф» педагогического института и стал преподавать в родном техникуме. В свободное время писал картины. Но привычные форматы быстро наскучили, захотелось выйти за рамки обычного, попробовать свои силы в чем-то новом. Действовать приходилось наугад, спросить совета было не у кого. Пришлось самому изобретать инструменты и технологии. Выручал полученный еще во время учебы на архитектурном факультете опыт работы с самыми разными ма-

териалами. Окружающие «чужацеств» Коненко не понимали: специальности «художник-микроминиатюрист» в России тогда попросту не было. «Мне многие говорили: ты непонятно чем занимаешься, ты же, когда учишься с нами, был одним из лучших художников. Рисуй большие картины, их выставлять можно, продавать, – вспоминает мастер. – А я сидел с какой-нибудь волосинкой, ковырялся ночами. Я сам до конца не понимал, что я делаю и нужно ли это. Но остановиться не мог». Микроминиатюру невозможно сделать без микроскопа. Это сейчас их у Анатолия Ивановича несколько. А когда он только начинал, ему удалось достать лишь списанный школьный монокулярный микроскоп. Работать с ним было неудобно: изображение перевернуто, смотреть можно только одним глазом, места для манипуляций нет. Но даже с таким примитивным оборудованием Коненко создавал впечатляющие миниатюрные работы. «Наступала эпоха микро, точнее, нанотехнологий. Тогда мы не знали еще этого слова и не думали, что микро – это что-то стоящее. Эти технологии тогда только разра-

батывались. Наука пошла в наномир, и я параллельно тоже пошел в микромир, только как художник, – говорит Анатолий Иванович. – Наука и искусство неразрывно связаны, одно без другого не существует». Первой серьезной его работой стала микроминиатюра с изображением Федора Михайловича Достоевского. Вырезанный

Кропотливая работа мастера в радость

Пасхальное яйцо внутри резного кедрового ореха

из скорлупы грецкого ореха барельеф Анатолий Коненко вставил в половинку вишневой косточки. Трудился он над портретом очень долго. Только для того, чтобы написать фамилию писателя, понадобился целый месяц.

Потом он попробовал сделать скрипку длиной всего 19 миллиметров. Одолжил настоящий инструмент у знакомого, долго изучал его, фотографировал, делал чертежи. Целое лето Анатолий работал над одним «завитком» на корпусе скрипки и в конце концов... сломал ее. Но неудача его не остановила, миниатюрный инструмент все-таки появился на свет.

Следом он «построил» собор высотой всего 9 сантиметров – Преображенскую церковь с острова Кижи: каждое бревнышко не толще человеческого волоса, купола вырезаны из ореховой скорлупки...

Первая выставка работ Анатолия Коненко состоялась в Омском литературном музее в 1986 году. И произвела в сибирском городе настоящий фурор. Омские журналисты, снимавшие сюжет об удивительном умельце, увидели его примитивный микроскоп и поделились ценной информацией: «Мы недавно делали фильм про хирургов, вот у них – настоящие микроскопы». Да, бинокулярные микроскопы, в которые можно смотреть обоими глазами, тогда были только у медиков. Анатолий Коненко отправился в омскую офтальмологическую больницу к главному врачу Виталию Выходцеву. Попросил одолжить микроскоп хотя бы на время. Договорились так: офтальмологи предоставляют художнику микроскоп, а он будет помогать им затачивать и исправлять инструменты. Это сотрудничество продолжалось более десяти лет. И ознаменовалось работой, которая сейчас хранится в Музее академика Святослава Федорова. Анатолий Коненко создал микроскопический портрет знаменитого хирурга на искусственном хрусталике глаза! Вместе с

Выходцевым отвез необычный подарок в Москву, вручил адресату и вернулся в Омск с партией хрусталиков, которые омской клинике тогда были жизненно необходимы.

В 1989 году Анатолий Коненко окончил Омский институт технического творчества и патентования ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов). И стал дипломированным изобретателем, получив долгожданную возможность действовать в микромире не на ощупь, а вполне уверенно. Его дипломной работой, кстати, стал микропинцет, который потом был запущен в серийное производство.

КАРАВАН В ИГОЛЬНОМ УШКЕ И КОЛЬЕ ДЛЯ БАБОЧКИ

Своим творчеством художник Коненко доказывает, что невозможное возможно. Вот, например, мастер уместил в игольном ушке не одного верблюда, а целый караван «кораблей пустыни» высотой четверть миллиметра. Нашлось место даже для пальм и погонщиков.

Анатолий Иванович работает с классическими для миниатюристов подручными материалами. Косточки плодов – разные по цвету и плотности – в руках мастера превращаются в барельефы или становятся фоном для портрета. На разрезе яблочной косточки Анатолий Иванович рисует портрет Анны Ахматовой, на косточке персика вырезает икону Святой Троицы. На рисовом зернышке Коненко размещает целый зоопарк: на 5 миллиметрах мастер сумел изобразить 13 животных. Другое зернышко превращает в шкатулку с украшениями. А вот на маковом зерне рисовать нельзя – оно слишком мягкое. Но на него можно, например, поместить самый маленький маникюрный набор – семь предметов из золота и эмали.

Не обойден вниманием и человеческий волос, подчеркивающий невообразимый масштаб миниатюры. На одном Коненко написал гимн России в одну

В честь 185-летия любимого писателя

строчку. На другом поместил золотой паровозик с двумя вагонами высотой 0,24 миллиметра. Засушенные насекомые в микровселенной Коненко становятся участниками оригинальных композиций, часто с философским подтекстом. К примеру, наглядной иллюстрацией фразеологизма «Не делай из мухи слона». На изящном палисандровом столике друг напротив друга стоят слоник из кости мамонта и настоящая муха. Причем они одинакового размера! Разумеется, есть в коллекции мастера и блоха, подкованная золотыми подковами размером 0,25 на 0,2 миллиметра. Площадь подковы – всего 0,05 миллиметра, что в 6 миллионов раз меньше подковы лошади. Три отверстия

просверлены сверлом диаметром 0,03 миллиметра. На разработку технологии и изготовление этой миниатюры мастеру понадобилось семь с половиной лет. Кстати, первую такую блоху Анатолий Коненко в свое время подарил президенту России Владимиру Путину.

В работах художника насекомые предстают в самых разных ипостасях. Работает над мраморным шедевром муравей-скульптор. Несется, звеня бубенцами, тройка комаров. Пиликает на скрипке кузнечик из всем известной детской песенки. А у Мухи-Цокотухи за накрытым столом, в центре которого красуется самовар, собрались гости...

Более того, мастер создал для насекомых целую ювелирную коллекцию. В ней, например, есть часы... для осы. И кольцо для бабочки из золотых шариков диаметром с человеческий волос. Такое не умеют делать даже профессиональные ювелиры.

А как вам шахматные фигурки, выточенные из грифеля карандаша, диаметр которого всего 0,5 миллиметра? Или 5-миллиметровое пасхальное яйцо с шарниром: оно открывается, внутри стоит бриллиант, а на бриллианте – еще одно яйцо...

Разнообразные «шкатулки» для миниатюрных книг

В ВЕЧНОМ ПОИСКЕ

У любого, кому посчастливилось соприкоснуться с микро- вселенной Анатолия Коненко, возникает вопрос: как же все это делается?

Для работы над миниатюрами нужно поймать особое состояние. Ведь чуть дрогнет рука – и все труды пойдут насмарку. Поэтому в своей квартире-мастерской Анатолий Иванович

никогда не садится за микро- миниатюру сразу, просто так. Включает музыку и потихоньку входит в нужное состояние. «Начинаешь замедлять дыхание, и сердце начинает биться медленнее. Ведь работать с микроминиатюрой можно только в момент между ударами сердца, чтобы инструмент в руке не дрогнул...» – рассказывает Анатолий Коненко. Эта кропотли-

Экспозицию микроминиатюр сибирского Левши в Музее имени Врубеля с полным правом можно назвать грандиозной

Большинство шедевров Анатолия Коненко можно рассмотреть только в микроскоп

вая, утомительная работа, за которой много времени приходится проводить в одной и той же позе, ему в радость.

Между прочим, себя Анатолий Иванович называет не художником, а изобретателем. «Мне неинтересно повторяться, я постоянно придумываю что-то принципиально новое. Обычный художник не ищет практически уже ничего, технология написания портретов и пейзажей давно известна... А здесь все иначе. Вот я по косточке резьбу делаю, значит, нужно инструменты для микрорезьбы изготовить, – делится мастер. – Когда я все это изготовил, ряд работ сделал, я понял, что это я могу. Теперь что? Токарный станок нужен, чтобы делать микроминиатюрные токарные работы. То есть надо сделать станочек маленький. Сделал станочек, опять что-то новое начинаешь делать. Скульптура. Из чего ее можно сделать, какими инструментами? Или, например, микровышивка – какими иголочками и ниточками ее выполнять? Миниатюрная вышивка крестом в одно волокно требует 9 крестиков на 1 квадратный миллиметр... Или, допустим, кружево фиволите – это жуть же просто». Анатолий Иванович переносит в микромир самые разные технологии. Ему интересны разнообразные инструменты, позволяющие выполнять работы в любых направлениях искусства. Интересен сам поиск. И очередной вызов самому себе: а смогу ли я сделать вот так? Ради этого он готов учиться всему новому. Так, мастерству плетения на коклюшках Коненко в свое время выучился у немецких кружевниц, затем создал свои микроприспособления, искал материалы, с которыми можно работать под микроскопом в 100-кратном увеличении. А больше всего времени микроминиатюристу понадобилось для того, чтобы освоить микроживопись. На это ушло двенадцать лет. Ведь на микроуровне действуют совсем другие законы. «Мне стало интересно: смо-

гу ли я написать маленькую картину? Но на микроуровне даже акварель ведет себя по-другому. Что-то нарисуешь в миниатюре, а потом рассматриваешь под микроскопом и вместо изображения видишь песчинки красок». Пришлось самому делать краски, придумывать, как измельчить пигменты, чтобы не осталось ни одной песчинки. Сделал мастер и специальные кисточки всего из двух-трех волосков, которые «затачиваются» под микроскопом. А в качестве «холста» идеально подошел бивень мамонта, на который хорошо ложится краска.

Сейчас Анатолий Иванович создает целые альбомы миниатюрных репродукций картин известных художников, занимается своеобразной популяризацией мирового искусства.

КНИЖНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

А еще Анатолий Коненко создает удивительные микрокниги. Сегодня, когда все считают, что бумажная книга свое отжила, он вновь и вновь напоминает о том, что изначально она была драгоценностью. И остается ею и ныне. В работе над микрокнигами мастер выступает и художником, и переплетчиком, и дизайнером, и гравёром.

Книги из пробкового дерева, из скорлупы кокосового ореха, из бивня мамонта, из рыбьей кожи написаны на разных языках. Трудно поверить, но все они – с множеством иллюстраций. В пушкинском «Евгении Онегине» проиллюстрирована каждая глава. А берестяную обложку «Слова о полку Игореве» украшает древнерусский орнамент.

Пушкин и Достоевский, Евангелие, самый маленький в мире Коран на арабском языке, миниатюрные египетские папирусы – все эти удивительные микрокниги завораживают зрителя. В 2021 году Анатолий Коненко сделал... ледяную книгу с русской сказкой «Снегурочка». С ее страницами пришлось повозиться, обычная вода из-под крана оказалась для них непри-

Великое в малом – миниатюрная икона Святой Троицы

Без подкованной блохи Левше, разумеется, никак не обойтись

годной. Когда она замерзала, образовывались бугры и кристаллы. Кипячение эту проблему не решило. Выручил речной лед. Мастер растопил его, залил воду в специальные формочки и снова заморозил. Текст сказки Коненко наносил на тончайшую прозрачную пленку, которую потом вмораживал в страницы. Сами страницы склеивал по оригинальной технологии при помощи ткани. Книга хранилась в специальной морозильной камере, но через два года все-таки растаяла...

А вот книга с абсолютно белыми страницами. Но они только кажутся пустыми. На страницы нужно всего лишь посветить фонариком – и в ультрафиолете проявятся буквы. Это роман

Герберта Уэллса «Человек-невидимка».

Сборник пушкинских стихотворений о розах напечатан на лепестках роз. А «Записки из Мертвого дома» помещены в футляр из старинного кирпича. «Ни одна моя микрокнига не появляется случайно, – говорит Анатолий Иванович. – Я ходил на раскопки острога, в котором был заключен Достоевский, мы раскопали фундамент арестантской казармы. Там я и подобрал этот обломок кирпича».

«Алису в Зазеркалье» нужно читать задом наперед и с помощью зеркала. А в маленькой книге в обложке из красной кожи с изображением сердца написана всего одна фраза «Я тебя люблю!». Правда, на 162 языках!

Есть книги совсем миниатюрные – их без микроскопа не прочитать. Анатолий Иванович встраивает микрокниги в веточки, делает для них шкатулки из ракушек. Приключенческий роман «Дети капитана Гранта» мастер вообще поместил в крохотную стеклянную бутылочку. Созданная Коненко в 1996 году микрокнига с рассказом Чехова «Хамелеон» занесена в Книгу рекордов Гиннеса. Ее размер 0,9 на 0,9 миллиметра (можно

робку, рядом поставил портрет и отнес на выставку. Посетители тут же стали интересоваться: а есть ли в такой маленькой книге текст? Пришлось сказать, что текст есть, но доставать из стеклянной упаковки книгу нельзя – изделие хрупкое... Тогда же Анатолий Иванович понял, что нужно искать способы создавать настоящие микрокниги. И через несколько лет посетители музея смогли с помощью микроскопа прочитать сделанную им книгу. А книжная тема стала для мастера любимой и не перестает его вдохновлять, хотя количество созданных им микрокниг перевалило уже за 200 штук.

ПОМОЧЬ УВИДЕТЬ

Идей у Анатолия Коненко хватает, только успевай воплощать. Известный на весь мир мастер постоянно ставит перед собой новые задачи. Например, сделать самую маленькую в России елочную игрушку. Сплести из березовой коры миниатюрное лукошко – диаметром всего 8 миллиметров. Или сложить самый маленький в мире бумажный кораблик...

Он не устает придумывать новое. Ведь отношение к творчеству у Анатолия Ивановича примерно такое же, как у ребенка к окружающему миру: «а что с этим можно сделать?» И потому ему удаются вещи, которые и вообразить-то порой невозможно.

Показать что-то привычное в миниатюрном размере – значит привлечь к нему внимание. Своими работами Анатолий Иванович хочет пробудить у людей интерес к истории, к культуре, к литературе: «Для чего искусство нужно? Оно должно не просто удивлять человека. Оно должно дать человеку возможность увидеть то, чего он не видит в обыкновенной жизни». Да, путешествие в микровселенную Анатолия Коненко помогает любому человеку по-иному взглянуть на окружающую нас Вселенную. И разглядеть в ней то, чего прежде не замечал.

убрать в маковое зернышко как в шкатулочку), тираж – 100 экземпляров. Анатолий Иванович гравировал текст на медной пластинке. Бумагу тоже делал сам: растворял, прессовал, вальцевал. Страницы сшивал нитками из волокна тутового шелкопряда, используя тончайшую медицинскую иглу. Игла эта без ушка: ею прокалывается нужное количество отверстий и в них продевается нить. Можно сказать, ювелирная работа...

Но и на этом омский Левша не остановился. В маковом зер-

нышке он сделал... библиотеку, в которую «поставил» книги размером 0,1 на 0,1 миллиметра. Невооруженным глазом ее, конечно, не видно...

Сейчас у него в работе около 100 миниатюрных книг. А ведь книжным делом Анатолий Коненко занялся совершенно случайно. Однажды мастер выполнил миниатюрный портрет Пушкина и решил дополнить композицию книгой. Сделал полноценную миниатюрную книгу, но с чистыми страницами. Уложил ее в стеклянную ко-

Анатолий Иванович не устает придумывать новое

Шахматные фигурки, вырезанные из грифеля карандаша

МАГНИТ ДЛЯ ПУБЛИКИ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК» ПОЯВЛЯЕТСЯ НА ТЕМНОМ ЭКРАНЕ В ПЕРЕКРЕСТНЫХ ЛУЧАХ ПРОЖЕКТОРОВ. НИЖЕ – КРУПНЫМИ БУКВАМИ НАДПИСЬ «ЛЕНФИЛЬМ». ЗРИТЕЛЮ СРАЗУ ПОНЯТНО, ЧТО, КАК В КИНОСКАЗКЕ О ЗОЛУШКЕ, СЕЙЧАС «НЕПРЕМЕННО ПРОИЗОЙДЕТ ЧТО-НИБУДЬ УДИВИТЕЛЬНОЕ». КСТАТИ, ЛЮБИМУЮ УЖЕ НЕ ОДНИМ ПОКОЛЕНИЕМ «ЗОЛУШКУ» СНИМАЛИ ТОЖЕ ЗДЕСЬ – НА СТАРЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИНОСТУДИИ.

З А БОЛЕЕ ЧЕМ ВЕКОВУЮ ИСТОРИЮ НА «ЛЕНФИЛЬМЕ» создано свыше полутора тысяч кинокартин. В золотую коллекцию российского фильмофонда вошли «Чапаев», «Петр Первый», «Небесный тихоход», «Два капитана», «Золушка», «Синяя птица», «Гамлет», «Король Лир», «Дама с собачкой», «Начало», «Царская охота», «Бедный, бедный Павел», «Человек-амфибия», «Собачье сердце», «Полосатый рейс», «Господин оформитель», «Звезда пленительного счастья» и, конечно, «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона».

За каждым успешным фильмом стоит работа большого коллектива: режиссера, сценариста, оператора, актеров и т.д. Но именно художники-постановщики и художники по костюмам придумывают и воплощают на экране исторически достоверную или иллюзорную кинореальность, в которую зритель должен поверить. О творческих буднях и костюмной коллекции киностудии нам рассказала начальник цеха подготовки съемок ОАО «Ленфильм» Елизавета Алексеевна Пахомова.

«ВЕЛИКИЙ КИНЕМО»

Киностудия «Ленфильм» занимает несколько строений на Каменноостровском проспекте Санкт-Петербурга. Волею судьбы она расположилась в том самом месте, где 4 мая 1896 года состоялся первый в России киносеанс. «Великий Кинемо», как назвал ранний синаматограф писатель Леонид Андреев, дебютировал в здании популярного у столичной публики театра «Аквариум». Произошло это спустя всего четыре месяца после премьеры в Париже первых фильмов изобретателей синаматографа, братьев Люмьер. Корреспондент «Петербургского листка» так опи-

Елизавета Алексеевна Пахомова, начальник цеха подготовки съемок ОАО «Ленфильм», работает на студии более сорока лет

Здание легендарного театра сохранилось: нынешний Четвертый съемочный павильон «Ленфильма» и есть колыбель отечественной кинематографии. О дореволюционном «Аквариуме», который посещали даже члены императорской семьи, напоминают выставленные в экспозиции киностудии деревянные перегородки с ажурной резьбой, возможно, разделявшие театральные ложи, немецкое пианино, инкрустированное пятью породами дерева в технике маркетри, на котором тапер мог наигрывать музыку во время демонстрации «движущихся картин», арфа и несколько предметов мебели. Считается, что все это приобрел

Платье, в котором Людмила Гурченко снималась в фильме «Соломенная шляпка». Художник по костюмам Татьяна Кочергина. И мундир Олега Янковского, в котором он исполнил роль главного заговорщика, графа Палена, в кинофильме «Бедный, бедный Павел». Художник по костюмам Лариса Конникова

Антикварные предметы, напоминающие о веселом прошлом театра «Аквариум» – колыбели отечественной кинематографии

основатель «увеселительного сада «Аквариум» – предприимчивый купец и меценат Георгий Александров.

Долгое время здесь, как и везде в России, демонстрировались киноленты иностранного производства, преимущественно французского. Но в 1907 году на Невском проспекте открылось «Первое синематографическое ателье А.О. Дранкова», снявшее не просто «первую русскую картину», как гласили афиши, но и первый отечественный костюмный фильм. Пионер российского кинематографа сделал ставку на национальные сюжеты и выбрал тему историко-патристическую – пушкинского «Бориса Годунова». Правда, с полным метром у Александра Дранкова не вышло. Однако снятые эпизоды с актерами в старинных русских одеждах демонстрировались как «Сцены из боярской жизни». Увы, они не сохранились. Поэтому лавры первой отечественной художественной киноленты перешли к 6-минутной костюмной мелодраме о Стеньке Разине «Понизовая вольница», которую Дранков снял с режиссером Владимиром Ромашковым в 1908 году. С нее и началась бурная эпоха «Великого Кинемо» в России.

В начале XX века в одном только Санкт-Петербурге работали уже 9 частных киностудий, множество прокатных контор, более сотни кинотеатров. В марте 1914 года был создан военно-кинематографический отдел Скобелевского комитета, снимавший хронику военной службы и быта Русской армии, а также специальные драмы и комедии на военные темы. С этого момента и ведет свою историю старейшая государственная киностудия страны. «Когда после Октябрьской революции создавался Петроградский кинокомитет, – отметил пресс-секретарь «Ленфильма» Артемий Аграфенин, – он начал свою деятельность на базе национализированного Скобелевского комитета». В 1934 году киностудия получила имя «Ленфильм».

ВОЗВЫСИВШИЕСЯ НАД ЭПОХОЙ

Первой кинокартиной, которая вышла на экраны под маркой «Ленфильма» в 1934 году, стал легендарный «Чапаев». Фильм, снятый режиссерами Георгием и Сергеем Васильевыми о прославленном начальнике дивизии Красной армии в Гражданскую войну Василии Ивановиче Чапаеве, сразу завоевал всенародную любовь. Зрители смотрели его по многу раз, очень быстро он разошелся на цитаты, а его герои ушли в народный фольклор. В каждом дворе мальчишки играли в «Чапая». Мировое признание также не заставило себя долго ждать: премия «Лучший фильм на иностранном языке» по версии Национального совета критиков США (1935), Гран-при на Всемирной выставке в Париже (1937), бронзовая медаль на фестивале в Венеции (1946). Как итог – включение в число 100 лучших фильмов мирового кино (1978).

Убедительный кинообраз начдива с закрученными усами, скачущего в бурке и папахе на лихом коне, блистательно воплощенный на экране Борисом Бабочкиным, на долгие годы стал каноническим, порой затмевая в памяти потомков облик реального Василия Чапаева. Случалось, что для создания картины или памятника за основу брали экранного двойника народного героя. Достоверность кинообраза – результат долгой и тщательной проработки исторических документов и бесед режиссеров фильма и художника Исаака Махлиса с тогда еще живыми участниками Гражданской войны, в том числе первым заместителем Чапаева – Иваном Кутяковым. Художник сделал к съемкам 820 покадровых зарисовок и создал целую галерею подробных портретов главных героев киноленты. При нынешних темпах кинопроизводства представить подобное затруднительно.

Костюмы
к мини-сериалу
«Петр Первый.
Завещание»
режиссера
Владимира
Бортко.
Роль Петра
Первого
исполнил
Александр
Балуев.
Художник
по костюмам
Лариса
Конникова

В наши дни три бурки экранного Чапая, сшитые из овчины на заказ в скорняжных мастерских, по очереди несут почетную вахту в экспозиции киностудии «Ленфильм».

Они – почти точная копия оригинальной кавказской бурки настоящего Василия Чапаева. Сегодня она хранится в Центральном музее Вооруженных сил РФ вместе с серебряной шашкой начдива. А в оружейной комнате «Ленфильма» находятся настоящий охолощенный пулемет максим, из которого на экране стреляла Анка, и подлинники шашки времен Гражданской войны, использовавшиеся в съемках.

Одним из главных шедевров «Ленфильма», снятых в первое десятилетие появления звукового кино, стала киноэпопея «Петр Первый» (1937–1938). Режиссер Владимир Петров по сценарию Алексея Толстого, специально написанному для картины и ставшему как бы продолжением одноименного романа автора, взялся «воплотить в образах <...> черты национального характера». В стране победившего социализма режиссеру и писателю пришлось отстаивать свой замысел и объяснять, что «мы далеки от мысли возродить тривиальный хрестоматийный образ «венценосного плотника», но мы не хотим в нашей картине умалять значение личности человека, возвысившегося над своей эпохой...».

Одна из трех бурок, снимавшихся в кинофильме «Чапаев», и папаха для актера Бориса Бабочкина, который сыграл легендарного начдива. Художник Исаак Махлис

Советские художники по костюмам были точны даже в мелочах, имитируя воинские знаки различия на обшлагах рукавов мундиров

костюмеры. Актеру приклеили усы, немного подбрили волосы, чтобы увеличить высоту лба, сделали парик, повторяющий прическу Петра. По росту Симонов недотягивал до двухметрового императора, поэтому ему сделали сапоги на высоких каблуках с пробковыми стельками внутри.

К съемочному процессу на «Ленфильме» готовились скрупулезно. Артист Николай Черкасов (роль Алексея – сына Петра I) вспоминал, что «историей веяло уже в кабинете режиссера: здесь были всевозможные гравюры петровского времени, подлинные вещи Петра: астрономический глобус, карты, кресла, сундук, с которым он путешествовал, подсвечники и т.д. Все это заставляло дышать ароматом минувшего, будоражило фантазию». Вторит ему и Михаил Жаров: «Такой картины по масштабу работы и по размаху организации на студии еще не было. Комнаты были заполнены всевозможными книгами, рисунками, эскизами художников, подлинными вещами Петровской эпохи и орденами, взятыми из музея. Оружие валялось на столах, у стены стояли мушкеты. Со всего снимали образцы для передачи в пошивочные, гримерные и бутафорские цеха. Все требовалось для картины в сотнях и тысячах штук». Художниками-постановщиками картины, на чьи плечи легла задача воссоздания быта и костюмов, были Николай Суворов и Владимир Калягин. Впоследствии было подсчитано, что на ленинградских предприятиях было заказано 1400 трюглов, 200 гренадерских шапок, 1300 туфель, 1000 штыхов, 60 тысяч пуговиц. До сих пор на киностудии хранятся многие предметы реквизита, костюмы и мебель, использованные в фильме. Периодически их можно увидеть в экспозиции вместе с предметами из более поздних исторических картин – «Царская охота» (1990), «Бедный, бедный Павел» (2003), «Петр Первый. Завещание» (2011).

На роль Петра Великого, после многочисленных проб, утвердили Николая Симонова. Внешне он не слишком походил на сохранившиеся 25 портретов государя. Но Алексей Толстой, веря в талант актера, настаивал: «Это и будет двадцать шестой портрет, потому что, вспоминая Симонова, будут представлять себе Петра». Так и случилось. «Образ Петра, созданный Николаем Симоновым, был отнесен к явлениям мирового актерского мастерства...» – вспоминал позже Михаил Жаров, сыгравший в этой картине Александра Меншикова. Чтобы добиться сходства Симонова с государем, над образом поработали гримеры и

«СДЕЛАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ ЭДАКОЕ – ДОБРОЕ, ВОЛШЕБНОЕ, ЧУДЕСНОЕ»

Наша Золушка. После этих слов теплеет на душе и сразу возникает образ миниатюрной Янины Жеймо, которой в пору пришлось хрустальная туфелька. Правда, для фильма ее пришлось сделать из оргстекла, но зрители этого не заметили. Сегодня туфелька – любимый экспонат посетителей «Ленфильма». Нам же увидеть волшебную туфельку, увы, не довелось. Она в это время красовалась на выездной выставке, посвященной 120-летию юбилею режиссера Надежды Кошеверовой, снявшей «Золушку». Туфелька, костюм придворного, табурет из дворца и огромный чайник – вот все, что сохранилось из часто использовавшегося в других фильмах реквизита.

О том, как и из чего создавались костюмы к одной из первых картин Победы, утвержденной к производству на «Ленфильме» в июне 1945 года, написано уже немало. И про воздушные платья Золушки, сшитые из отрезков шифона, принесенных Фаиной Раневской, феерично сыгравшей Мачеху, и про волшебное сверкающий головной убор Феи-крестной из кристаллов, ради которого было разобрано чешское бра все той же Фаины Георгиевны, и про костюмы из штор, и про трофейные наряды из берлинского театра... Однако, как говорят ленфильмовцы, во многом это легенды. Часть костюмов шилась в мастерских киностудии, другие предоставили ленинградские театры, вернувшиеся из эвакуации.

Красочные декорации и пышные наряды по французской моде эпохи Ренессанса придумал для киносказки легендарный театральный художник и режиссер Николай Акимов. По воспоминаниям тех, кто с ним работал, при создании образов он обсуждал с реквизиторами детали костюмов, вплоть до бижутерии, которую надевает актриса, утверждая, что «не артисты играют с вещами,

Сверкающий наряд для голливудской актрисы Элизабет Тейлор из киносказки «Синяя птица». Художник Марина Азизян

а вещи играют артиста». К сожалению художника, из-за производственных сложностей фильм был снят на черно-белую пленку.

Волшебство творилось в тяжелых послевоенных условиях. Но желание создателей фильма подарить пережившим страшную войну людям мудрую, добрую и светлую сказку победи-

ло все сложности. В мае 1947 года фильм вышел на экраны. За первый год проката «Золушку» посмотрели 18 миллионов человек. Фильм до сих пор любим разными поколениями зрителей.

А красочные эскизы Акимова в итоге все же пригодились, когда в 2009 году фильм-сказку колоризировали...

«Говорят, что за эти годы синей птицы пропал и след», – пелось когда-то в популярной песне. Однако на «Ленфильме» еще можно отыскать следы этой птицы. В экспозиции киностудии, как алмаз в короне, сверкает роскошное платье, в котором в 1976 году снималась звезда Голливуда Элизабет Тейлор в первом советско-американском фильме-сказке, «Синяя птица». Это была экранизация пьесы бельгийского драматурга Мориса Метерлинка о поисках детьми Синей птицы – символа лучшего будущего, когда люди будут «все видеть и все знать», когда они овладеют «тайной вещей и счастья». Съемки проходили в Советском Союзе.

Изначально костюмы для Элизабет Тейлор, сыгравшей в сказке сразу четыре роли – Матери, Колдуньи, Света и Материнской любви, были разработаны оscarносым художником по костюмам Эдит Хед. Однако уже отшитые по ее эскизам наряды актриса отвергла. Поэтому ленфильмовскому художнику Марине Азизян пришлось совершить настоящее чудо, придумывая новые образы. «Две недели я непрерывно, даже ночами, рисовала эскизы к фильму, – вспоминала художник. – Шить новые костюмы пришлось тоже мне. Материалов хороших в ту пору не было. Я купила трикотаж, из которого шили рубашки, и сказала Лиз, что он очень дорогой. Победили мы эту ситуацию замечательным трудом. В течение двух месяцев шесть мастериц вручную расшивали основной костюм стразами, бисером и пайетками. Платье Лизочке очень понравилось». Сегодня этот наряд – настоящее украшение костюмной коллекции «Ленфильма». В начале 2000-х годов киностудии поступило предложение расстаться с ним за 50 тысяч долларов. На что Елизавета Алексеевна Пахомова строго ответила: «Здесь вам не магазин. Знаете, жить без Бога можно, а умирать без Бога страшно».

«ФУНТИКИ ИЗ КАЛЕЧКИ»

В «колыбели» кинематографа работает традиционно сильная школа специалистов костюмного цеха. Здесь, по аналогии с театром, «служили и служат» «Великому Кинемо» прославленные художники: Яков Ривош, Татьяна Острогорская, Татьяна Слезина, Лариса Конникова, Марина Азизян, Екатерина Шапкайтц и другие. Один из первых в этой блестящей плеяде – легендарный художник кино Яков Наумович Ривош. Он оставил потомкам незаконченный, но бесценный труд «Время и вещи», состоящий из фотографий и подробных описаний одежды сословий в России начала XX века. Сегодня эта книга – серьезное подспорье при создании об-

Придворный наряд из кинофильма «Русский ковчег» Александра Сокурова. Золотную вышивку на платье имитировали при помощи аппликаций и нанесения рисунка золотой краской. Художники Лидия Крюкова, Тамара Сеферян, Мария Гришанова

Мундирное платье для актрисы Светланы Крюковой в роли императрицы Екатерины II. Фильм «Царская охота» режиссера Виталия Мельникова. Имитация золотного шитья сделана с помощью «фунтиков из калечки». Художник Лариса Конникова

разов эпохи модерна, Первой мировой войны и революции. Работы замечательного профессионала Татьяны Острогорской, которая не уставала повторять «я не костюмерша, я – художник!», зрители помнят по картинам режиссера Яна Фрида: «Собака на сене», «Благочестивая Марта», «Дон Сезар де Базан», «Тартюф». Сыгравшая почти во всех этих фильмах актриса Маргарита Терехова вспоминала, как художник по костюмам «творила чудеса. Мы в то время все жили как-то по-нищенски, а тут... Эти платья, воротники необыкновенные из самых простых кружев! Татьяна пропитывала их каким-то особым составом, чтоб они так красиво стояли, умела найти редчайшие ткани...». Многие из тех костюмов сохранились на «Ленфильме». Терехова считала, что «Ленфильм» – это же великое место, где из ничего могут сделать все. Эти роскошные костюмы вообще-то не стоили таких гигантских денег, на которые выглядят».

Художники по костюмам во многом помогают сделать кинокартину настоящим «магнитом» для публики. Ведь кино – искусство в первую очередь изобразительное. Поэтому, как и в жизни, зритель встречает его «по одежке». А художник по костюмам, по выражению писателя и киноведа Виктора Шкловского, «создает очевидность слова». В то же время и «зрители гораздо более грамотные, чем мы о них думаем. Поэтому ляпы совершенно недопустимы, они портят всю картину», – утверждала замечательный художник по росписи тканей и педагог Татьяна Слезина.

В советское время бюджет, выделяемый для съемок фильма, зачастую бывал ограничен. Остро ощущался в СССР и дефицит тканей и фурнитуры. Поэтому художники по костюмам добывались исторической достоверности подчас весьма изобретательными способами. Например, «Татьяна Слезина еще в 1974 году придумала имитировать золотное шитье на придворных нарядах с помощью обыкновенного герметика, – рассказывает Елизавета Алексеевна

Пахомова. — На ткань наносится рисунок простым карандашом. Затем делаются «фунтики из калечки», которые наполняются герметиком, дальше делается роспись. Когда не было золотой или серебряной пудры, мелко-мелко нарезали блестящую ткань и посыпали ею влажный герметик. Лишнее стряхивали и — вуаля!». Таким очень бюджетным, но эффектным способом декорировано представленное в экспозиции платье для императрицы Екатерины II, которую сыграла Светлана Крючкова в фильме «Царская охота». Этот же прием использован и при создании костюмов к картине Александра Сокурова «Русский ковчег», снятой в Зимнем дворце одним дублем, без использования монтажа. Качественное кино — это всегда командная работа, где каждый участник переживает за результат. Так было и на съемках удивительно светлого фильма «Человек-амфибия» (1961). Художниками-постановщиками картины были Всеволод Улитко и Тамара Васильковская. И если наряды Гуттиэре (Анастасия Вертинская) в стиле диоровского «ню-лука» не сохранились, то блестящие во всех смыслах костюмы Ихтиандра (Владимир Коренев) притягивают восхищенные взгляды посетителей экспозиции «Ленфильма». «Первый комбинезон из эластичного трикотажа с нашитыми чешуйками из резины не давал нужного сияния в кадре, — уточняет Елизавета Алексеевна. — И тогда великий оператор Эдуард Розовский придумал использовать смытую операторскую пленку. Из нее вырубili 10 тысяч кружочков, сделали дырочки и нашили вручную. Почему он это придумал? Потому что он жил этой картиной. Ему нужно было добиться, чтобы в кадре костюм блестел. Мы ведь любой фильм видим глазами оператора». Кто знает, может быть, именно костюмы нашего Ихтиандра в 1966 году вдохновили испанского дизайнера Пако Рабана на первую коллекцию платьев из пластиковых и металлических кружков, напоминающих сияющую рыбу чешую?

Комната с реквизитом и костюмами к телефильму «Шерлок Холмс и доктор Ватсон»

В этом платье актриса Рина Зеленая пробовалась на роль миссис Хадсон

ДВА ПОСВЯЩЕНИЯ

Одна из комнат киностудии напоминает ларец с сокровищами Агры. Даже если вы сразу не поняли, куда попали, подсказками станут подлинные викторианские кресла у камина, старинные цветные гравюры, секретер из красного дерева, разумеется, с секретом, большой письменный стол с колбами для химических опытов и энциклопедиями, а также шкапулка

с «драгоценностями». И, конечно, костюмы, будто сшитые из английского твида у дорогого лондонского портного. Не хватает лишь скрипки, курительной трубки и охотничьей кепки с двумя козырьками, чтобы окончательно увериться, что вы в комнате, посвященной знаменитому телефильму «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона».

На протяжении 1979–1986 годов и 11 серий за художественное решение костюмов, в которые одеты герои культовой киноленты режиссера Игоря Масленникова, отвечала талантливый художник Нелли Лев. Она с научной доскональностью исследовала английские исторические костюмы эпохи королевы Виктории и максимально достоверно воссоздала их в картине. Включая туго накрахмаленные воротнички с отогнутыми уголками и галстучные булавки у Холмса (Василий Ливанов) и Ватсона (Юрий Соломин). Одно из платьев миссис Хадсон (Рина Зеленая) было сделано из настоящего старинного, перешитого на фигуру актрисы.

«Когда были сняты первые две серии фильма, никто не думал о продолжении. Поэтому глав-

Мемориальная доска актеру Алексею Макаровичу Смирнову установлена в 2020 году Российским военно-историческим обществом

ным героям с легкостью за символические деньги продали костюмы, – рассказывает Елизавета Алексеевна. – Потом их пришлось шить по новой. В разных сериях можно увидеть на актерах брючки, к примеру, от одного костюма, верх – от другого. Этот микс, эта игра вещами – заслуга художника. Получалось, что герои одеты очень разнообразно».

В последней серии телефильма доктор Ватсон спрашивает: «И будущее, по-вашему, не так мрачно, как мне кажется?» Прославленный сыщик отвечает: «Надеюсь, друг мой. Двадцатый век только начинается». Однако XX век не оправдал ожиданий экранного Шерлока Холмса. Две страшных мировых войны, революции и Гражданская война в нашей стране оставили нестираемый след в истории и памяти. Военным кинолентам, снятым на «Ленфильме», посвящен отдельный зал киностудии.

Вместе со специально созданным кинореквизитом здесь хранится немало подлинных вещей. Форма красноармейца товарища Сухова из «Белого солнца пустыни» и настоящая форма матроса Балтийского

флота времен Гражданской войны. Костюм командира из киноэпопеи «Блокада» и подлинная форма солдата времен Великой Отечественной войны. Каски со следами от пуль, печка, которая стояла в окопе, оловянная ложка солдата, на которой выгравирован номер части и фамилия... Эти вещи отыскивали и принесли на «Ленфильм» поисковики, для которых война не закончилась, пока не будет найден и похоронен последний погибший солдат.

«Блокадная комната» с подлинными вещами 1940-х годов. На стене черная тарелка – радио, единственное средство связи в Ленинграде во время блокады. В углу – печка-буржуйка, у входа – бидоны для воды и детские санки, на которых их привозили

Форма молодого офицера времен Великой Отечественной войны. Снималась в киноэпопее «Блокада» (режиссер Михаил Ершов), фильме «На войне как на войне» (режиссер Виктор Трегубович) и многих других

Имена 359 ленфильмовцев, павших на фронте, не выживших в блокадном Ленинграде, пропавших без вести, увековечены на одной из стен Военного зала. «Погибшие во имя жизни живы в делах живых и в памяти живых», – писал ленинградский поэт Михаил Дудин. Здесь же воссоздана комната ленинградской семьи с обстановкой 1940-х годов, где на столе в блюдце лежат 125 граммов того самого блокадного хлеба. А рядом стоит чемодан с самым ценным, на случай бомбежки...

«Вещи могут рассказать о людях значительно больше, чем люди о вещах», – считал экранный Шерлок Холмс. Поэтому «вещи, созданные для кинофильма, надо сохранять, как скульптуры или гравюры, – призывал Виктор Шкловский. – В них заключена разгадка прошлого и будущего. Разгадка, предложенная художником, затратившим свой труд и талант на ее решение». Поблагодарим тех ленфильмовцев, кто много лет назад это понял и сохранил костюмные раритеты. И пожелаем киностудии просторного и современного помещения для музея, в котором эти хрупкие шедевры займут достойное место. ♡

ОТ ПУШКИНА ДО КРУПСКОЙ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЧЕРНЫЕ, МАССИВНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА ЧУТЬ ВЫШЕ СТАНЦИИ МЕТРО «ЧЕХОВСКАЯ» – ВХОД В МИРОК ПУШКИНСКИХ ПЕРЕУЛКОВ. ГЛАВНОЕ – СВЕРНУТЬ ВОВРЕМЯ. ТУРИСТЫ ЭТИМИ ВОРОТАМИ РЕДКО ПОЛЬЗУЮТСЯ.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ путь – прежде всего бульвары, улицы, скверы. Их здесь в из-

бытке, один Пушкинский сквер чего стоит. Взял стаканчик кофе, присел на лавочку и крути себе головой, вспоминай, сравнивай. Собственно, на такую раздумчивую лирическую прогулку с женой я и рассчитывал. Когда больше сидишь, чем ходишь.

Тут вам и Пушкин, тут и Твардовский, Рахманинов, Высоцкий не подалеку. Чем не компания?

Или вот Ленком на Малой Дмитровке... Сорок лет назад. Чудом добыли два билета. Как называлась эта рок-опера? Ммм... «Юнона и Авось», вот как! И неожиданное разочарование... Что-то не то. Не греет. Нет, не наше.

Или всегда праздничное ощущение от похода в кино. Сюда, в кинотеатр «Россия»!

А волнение всякий раз от приближающегося летом Московского кинофестиваля? Окошечко в иной мир. Будто лично касалось...

А первый гонорар, который выдали здесь в «Московских новостях» на невиданную прежде электронную карту? Все равно встал в очередь в привычное окошечко и получил его из рук в руки.

А школа журналистики «Известий»? Пять лет отработал. Самые лучшие дети были из числа приезжих, не москвичи... Они искренне полагали, что цель журналистики – делать добро. Удалось ли им это дело?

А открытие первого Макдоналдса? А толпы в него? А пожар в знаменитом Доме актера?

«Академкнига», переехавшая сюда от Юрия Долгорукого. Некоторые книжки, там купленные, до сих пор так и не прочитал. И уж, наверное, не прочитаю.

А встречи, расставания и опять встречи у Пушкина? Сколько их было... Как там у Окуджавы?

А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем Поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа...

Поужинать нельзя, а посидеть рядом все-таки можно.

Или так. Другой вариант. Детектив старинный на свежем воздухе.

Спустимся, думаю, на Страстной, самый широкий, кстати сказать, из московских бульваров, постоим у 9-го дома. Ведь это из него вывели под арест известного московского франта и гордеца Александра Васильевича Сухова-Кобылина. Это здесь собралась пестрая толпа обывателей и кри-

Та самая арка у метро «Чеховская» – вход в тихие пушкинские переулки

чала «Здесь живет убийца!» в ноябре 1850 года.

Обвинение – убийство любовницы, содержанки, француженки Луизы Симон-Деманш.

«Для всякого, кто имел понятие о необузданной натуре Кобылина, не представляется в этом ничего

несбыточного» – так писал один из современников.

Ему вторил другой: «Вся Москва, а за ней и Петербург, повторяли рассказ, которому все легко верили. Рассказывали в подробностях сцену, как Сухово-Кобылин приехал к себе вместе с г-жою

Нарышкиной, француженка ворвалась к нему или уже ждала его и сделала скандальную сцену. Он схватил шандал и ударил ее в висок, отчего она тут же умерла».

Да... Общественное мнение сразу выступило против игрока, богача, превосходного фехтовальщика, человека крутого нрава, каким был дворянин Кобылин, позже – прославленный драматург... Ишь ведь... «Завел с француженкою пашни...».

Местных ему мало, собственных крепостных девок... Ну как не поговорить на столь волнующую тему? Тем более как раз в ноябре? Да, дом, конечно, перестроен, но перестроен мастерски, дом сохранил прежние черты...

Но жена интереса не проявляет. Видимо, разгадка дела Кобылина ей была хорошо известна.

Театр Ленком
на Малой
Дмитровке –
детище Марка
Захарова

Жена обратила внимание на погоду, на сыроватые лавочки, на людей, которых кругом в изобилии. Заметила, что на бульварах мы бываем часто... И – нет ли иного, более укромного пути до Трубной? Пути не для всех? Идти теплее, чем сидеть и мерзнуть, уточнила жена. И мы пошли до Трубной укромным путем, кивнув на прощание Александру Сергеевичу.

За воротами сразу – цепочка проходных дворов, арок, хорошо известных завсегдаям. Но время завсегдаев еще не пришло, а потому многочисленные местные питейные заведения в подвальчиках и полуподвальчиках пока пустуют. Мы здесь в полном одиночестве.

«Дом МХАТа»
в Глинищевском
переулке

Вот и Козицкий переулок, в нем наконец-то завершили очередное благоустройство, а вот чуть дальше и дом, в котором жил и тоже наделал немало шума иной русский писатель – Александр Исаевич Солженицын. Мемориальная доска указывает, что жил

он здесь и в 70-е, до высылки из страны, и в 90-е, когда под рукоплескания общественности был приглашен обратно... Мемориальный музей-квартира... Часы посещения. По соседству массажный салон, где сегодня скидки.

Козицкий
переулок –
дорога к Музею
А.И. Солженицына

ной стороне. Именно высится. Дом – образчик сталинской архитектуры и выстроен в 1938 году, в народе его так и прозвали «Дом МХАТа». Десяток мемориальных досок на фасаде... А имена? Книппер-Чехова, Немович-Данченко, Марецкая, Топорков, Москвин, Штраух... Пуст переулок. Тихо. Безлюдно. Грустновато. Медленно спускаемся по переулку влево, к Большой Дмитровке.

*Былое нельзя воротить
и печалиться не о чем.*

*У каждой эпохи свои
подрастают леса...*

На углу кабинет стоматологии. Название примечательное. Творческое. Наверняка пропитанное духом здешних мест. Сказать вам? Вы не поверите... «Коренной житель»! А?

На Большой Дмитровке мы задерживаемся совсем ненадолго. Вон, слева, чуть выше, Петровский переулок, соответствующий настроению. Лишь у афиши знаменитого театра оперы и балета наблюдательная жена удивляется: «Странно... премьера... «Робинзон»... Если это по Дефо, то кто же главному герою подпевать будет?»

Но я из принципа не соглашусь: «А Пятница? Ты недооцениваешь Пятницу! Наверняка появится во втором действии! И поет. Еще как поет! А ди-кари? Что, они спеть не смогут? И попугай у Дефо, кажется, был... А точнее – у Робинзона Крузо!»

А вот в Петровском в стиле славянского терема краснеет знаменитое театральное здание. Жив-здоров и отлично выглядит бывший Театр Корша, а нынче модный Театр наций... Некогда филиал МХАТа.

На скамеечке у театра девушка щебечет в мобильный телефон. Артистка? «Неее... Модную и современную мне не надо. Я ищу квартиру атмосферную. Атмосферную, вы понимаете, что это значит?»

Правее, в бывшей усадьбе Трубецких, расположилось ныне

Еще одна арочка, еще одни ворота попроще и – напротив нас симпатичный домик, где жену отчего-то привлекает скромная вывеска – «Союз женщин России». Есть ли где-то «Союз мужчин России»? – интересуется жена.

Дом в Глинищевском переулке знаменит встречей польского поэта Мицкевича и Пушкина. Об этом факте сообщает барельеф, поэты на нем вполне узнаваемы. Пушкин любил оста-

навливаться в этом домике. Тут после войны 1812 года была гостиница со скромным названием «Англия». От Тверской – два шага, удобно.

А о том, что мы все же находимся в современном жилом массиве XXI века и живут здесь не только поэты и писатели, докладывает нам оборудованная со знанием дела собачья площадка.

Самый знаменитый дом переулочка высится на противополож-

На Большой Дмитровке расширили тротуары

Российское военное-историческое общество расположилось в Петровском переулочке

Военно-историческое общество. Приусадебный пятачок убран по-военному. Выметенные дорожки. Черные автомобили. Памятник фронтовой собачке у входа... С породой затрудняюсь сказать...

*Победы свои мы ковали не зря
и вынашивали,
Мы все обрели: и надежную
пристань, и свет...*

По соседству свежестроенный особняк Терентьевых. Краска поблескивает на осеннем солнце. Не нынешний ли владелец приписал к фамилии Терентьевых пониже и фамилию Орловых? А может, отпрыск?

Слева доходный дом Бахрушина... Здесь жил, но счастья не нажил Сергей Есенин.

В знаменитом «Романе без вранья» Анатолий Мариенгоф приводит любопытный эпизод из зимней жизни в Петровском, а тогда Богословском переулке.

«Спали мы с Есениным вдвоем на одной кровати. Наваливали на себя гору одеял и шуб. По четным дням я, по нечетным Есенин первым корчился на ледяной простыне, согревая ее дыханием и теплотой тела.

Одна поэтесса просила Есенина помочь устроиться ей на службу. У нее были розовые щеки, круглые бедра и пышные плечи.

Есенин предложил поэтессе жалование советской машинистки, с тем чтобы она приходила к нам в час ночи, раздевалась, ложилась под одеяло и, согрев постель («пятнадцатиминутная

Доходный дом
Бахрушина.
Здесь жил
Сергей Есенин

Ресторация на
Рождественском
бульваре явно
лишняя

работа!)), вылезала из нее, облекалась в свои одежды и уходила домой.

Дал слово, что во время всей церемонии будем сидеть к ней спинами и ногами, уткнувшись в свои рукописи.

Три дня, в точности соблюдая условия, мы ложились в теплую постель.

На четвертый день поэтесса ушла от нас, заявив, что не намерена дольше продолжать своей службы. Когда она говорила, голос ее прерывался, захлебывался от возмущения, а гнев

расширил зрачки до такой степени, что глаза из небесно-голубых стали черными, как пуговицы лаковых на ботинках.

Мы недоумевали:

– В чем дело? Наши спины и наши носы свято блюди условия...

– Именно!.. Но я не занималась греть простыни у святых...

– А!..

Но было уже поздно: перед моим лбом так громыхнула входная дверь, что все шесть винтов английского замка вылезли из своих нор».

Выходим на Петровку, где почему-то всегда веселее, чем на пересеченной ранее Дмитровке. Вот чудеса... Теперь и при монастыре кафе имеется, выпечка, кофе, девушка за стойкой, своды на потолке, свечами пахнет. Так и тянет перекреститься на крас-

ный угол. Выпечка, кстати, местная, монастырская, хвалят... Жена пить тут кофе категорически отказалась. Ну вот... Зато чуть ниже – знакомое белое здание. Когда-то в нем располагалось могучее общественно-политическое издание «Советский патриот».

Бывший
Театр Корша
в Петровском
переулке

Как не вспомнить эту газету! Всегда добрым словом приветствовала она архивистов-сыщиков. А иногда и скромным гонораром. А мы уж, тогда работники архива, старались найти для публикации в закромах хранилищ интересные факты и фактики прежней столичной жизни. На углу Петровки и Крапивенского переулочка располагалась редакция, которая нынче тоже... сдана в архив.

В Крапивенский переулок мы и сворачиваем. Он узок и короткий. И тоже идет сверху вниз.

Мы как зигзаги из переулков пишем, вы заметили? Козицкий – Глинищевский – Петровский – Крапивенский...

Крапивенский переулок – кратчайший путь от Петровки к Трубной площади.

Знаменит он бывшим здесь когда-то Константинопольским патриаршим подворьем. Доми-

Классика
и современность
в архитектуре.
Вы на чьей
стороне?

ки подворья из красного кирпича, узорчатые как кусочки торта вполне себе сохранились. И беленькая, аккуратная церковь Сергия Радонежского превосходно стоит по соседству. Вот только заплесневел малость «торт» с нашей, внутренней стороны, он требует обновления. Если с бульвара он пригож и красив, то изнутри ощущается дух заброшенной коммуналки. Вот мы и на бульваре Петровском. Метров сорок всего, и опять ныряем в арку, в прежде издательский двор «Высшей школы», а нынче – за кулисы бульварной жизни. Впрочем, тут уже стоят столики, бегают официанты и редкие посетители меланхолично поглядывают в меню. Под заказанный кофе как не вспомнить, находясь во дворе издательском, что из нашего исторического факультета вы-

Петровский бульвар неизменен и пригож. А потому популярен

шло немало книжников – редакторов, писателей, ученых, журналистов, архивных мужей, методистов... Издательства «Молодая гвардия», «Квадрига», «Вече», «Промсвещение» – всюду служили мои сокурсники и продолжают слу-

жить. Более тридцати лет нашего общения на книжной ниве... Сколько перечеркнутых слов... Сколько споров... Сколько полученных гонораров... Сколько надежд... Андрей Петров, Алексей Карпов, Иван Тихонюк, Сергей Дми-

Здания бывшего Константинопольского подворья в Крапивенском переулке

Водителей в машинах нет. Это такая самостийная парковка на горе. В правом ряду. На всем изгибе бульвара.

На Рождественском бульваре нет общественного транспорта. Трамвай в старые времена ходил. Но ходил с большими проблемами и был вскоре снят. Троллейбус сюда не пустили, нет и автобусов. Только пешее движение!

И все-таки, прислушайтесь к доброму совету, идти по нему лучше сверху вниз, от Сретенки до Трубной. Нас обегает стайка спортсменов, вот для них такая зарядочка в самый раз.

Венчает бульвар традиционная гостиница Стасова, выстроенная по приказу императора Павла. Павел требовал, чтобы на бульварах было по две гостиницы, одна в его начале, другая в конце. До нашего времени уцелело четыре – на Петровском, Рождественском, Чистопрудном и Покровском бульварах. В этих домиках царствует теперь общепит.

Ну вот мы и на вершине. Возраст дает себя знать... Где тут свободная лавочка для людей с жизненным опытом? Подвиньтесь, граждане!

Тревожно глядит на нас (или не на нас вовсе) молодая Надежда Крупская. Уходит влево Сретенка, вправо Лубянка, вьется на юг Бульварное кольцо...

Не такой уж и малый путь мы проделали. Не говоря уж о суворовском штурме местной высотки...

От Тверской до Сретенки.

От Пушкина до Крупской.

Здесь, на Сретенке, совсем иная Москва.

Булат Окуджава остался где-то внизу, он отстал от нас на иных бульварах.

И все же... Слышишь? Нет, ты слышишь? Доносится до меня:

Былое нельзя воротить...

Выхожу я на улицу.

И вдруг замечаю:

у самых Арбатских ворот

Извозчик стоит, Александр

Сергеич прогуливается...

Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет. ☹

триев, Сергей Перевезенцев, Игорь Черников, Юрий Лубченков, Алексей Тимофеев, Виктор Артемов...

Сколько хороших книжек написано. А сколько – не очень хороших. Отредактировано сколько, а сколько выпущено в свет...

*А все-таки жаль – иногда над победами нашими
Встают пьедесталы,
которые выше побед...*

Как не помянуть ушедшего в феврале 2021 года Андрея Витальевича Петрова, нашего старого друга? Заказываем по стопке холодной водки.

И пока мы так немножко грустим, здесь, за столиком под аркой, жена принимает неожиданное решение.

По ее словам, один бульвар мы все же должны пройти.

И этот бульвар – Рождественский. Самый крутой из московских, к слову сказать.

«Мы на нем давно не были... Разве вот в прошлом ноябре... А там и до трамвая недалеко. В метро как-то не хочется. А тебе?» – спрашивает жена.

Ах, Трубная площадь, Трубная площадь... до свиданья, красавица.

Мы огибаем ее с правой стороны. Мы начинаем подъем. Появились лавочки, где можно передохнуть. Раньше их не было. Это хорошо.

И никуда не делся ресторанчик на бульваре о трех этажах, который оттяпал у города кусок красоты. А вот это плохо.

Справа монастырская стена. И застывший ряд машин – в горку. Пробка? Ни в коем случае.

Церковь Сергия Радонежского в Крапивенском переулке

Памятник Н.К. Крупской на Сретенском бульваре как символ иной Москвы

АМЕРИКАНКА С РУССКОЙ СУДЬБОЙ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

БИОГРАФИЯ ЭТОЙ ЖЕНЩИНЫ МОГЛА БЫ СТАТЬ ОСНОВОЙ ДЛЯ ЗАХВАТЫВАЮЩЕГО ФИЛЬМА. ВОТ ТОЛЬКО ЕГО ЗРИТЕЛИ, СКОРЕЕ ВСЕГО, НЕДОВЕРЧИВО КАЧАЛИ БЫ ГОЛОВАМИ: ЧТО-ТО СЦЕНАРИСТ ПЕРЕСТАРАЛСЯ, В ЖИЗНИ ТАК НЕ БЫВАЕТ. ОДНАКО СУДЬБА ПОРОЙ СПЛЕТАЕТ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ...

С ЕГОДНЯ ИМЯ МЭРИ Рид мало кто вспоминает. Журналистка, переводчица, писательница. Ее почти не помнят в Петербурге, где она жила, и вряд ли помнят в Массачусетсе, где она родилась. Зато ее хорошо помнят в небольшом рязанском поселке Тума. О Мэри Рид жители рабочего поселка в Клепиковском райо-

не Рязанской области хранят память и сегодня. Писатель Алексей Гушан, четыре года назад перебравшийся в Туму, был поражен судьбой американки. В литературно-историческом музее «Были-небыли», который он создал, Мэри Рид заняла достойное место. «Я собрал подробную информацию о писателях и поэтах, связанных с Тумой. Особенно выделил четырех авторов. И первая в этом списке – Мэри Рид, волею судеб оказавшаяся в Туме, – делится Алексей Гушан. – Сила ее личности меня очень вдохновляет».

ЗАТЕИ СУДЬБЫ

Началось все в американском штате Массачусетс, в небольшом городке Сэндвич. Здесь в 1897 году в семье учителей родилась дочь Мэри. Ее отец был выпускником теологического факультета Гарвардского университета, мать окончила женский колледж Рэдклифф при Гарварде. В доме Ридов нередко бывали интересные люди. Мэри дружила с внучкой выдающегося американского поэта Генри Лонгфелло и будущим «отцом кибернетики» Норбертом Винером. Кстати, его отец, филолог-славист, «заразил» Мэри интере-

сом к русской литературе: она читала Достоевского, Пушкина, Толстого, Тургенева. И начала изучать русский язык – хотела читать книги великих писателей в оригинале.

Мэри тоже получила образование в Гарварде, стала юристом. Казалось бы, ее ждала жизнь обычной американки из среднего класса. Но...

В 1919 году вышла в свет книга однофамильца Мэри, журналиста Джона Рида, «Десять дней, которые потрясли мир», рассказавшая об Октябрьской революции в России. Вернувшийся из Петрограда Джон Рид отправился в турне по США, в ходе встреч с читателями выступал против американской интервенции в Советской России. 22-летняя Мэри была потрясена. Сегодня ей нередко приписывают роман с писателем, в некоторых источниках можно встретить указание, что Джон был ее братом. Но и то, и другое – ошибка. Под влиянием Джона Рида Мэри увлеклась идеями социализма. «Теперь я безоговорочно поддерживаю русскую революцию. В моей голове все прояснилось. Все, что я взвешивала и обдумывала, сошлось воедино», – писала девушка в своих

дневниках. От слов Мэри перешла к делу: участвовала в организации забастовок текстильщиков в Лоренсе и рабочих в Бостоне. В 1922 году она стала членом Компартии США, тогда же у нее родился сын. Два года Рид занимала должность секретаря отделения партии в Индианаполисе. А в 1927 году отправилась в Россию. «У меня не было, пожалуй, более сильного желания, чем хотя бы краешком глаза взглянуть на все то, что свершили русские большевики в разоренной войнами стране, – говорила Мэри спустя много лет в интервью газете «Советская Россия», – увидеть лица этих людей, узнать их мысли».

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ ГРАЖДАНКА

В Россию Мэри приехала в качестве корреспондента трех изданий: The Daily Worker, New Masses и The Nation. Через год она вступила в ВКП(б) – это фактически ставило крест на ее возвращении в Америку. Мэри стала советской гражданкой. А в 1931 году добилась приезда в страну своего маленького сына. «Не знаешь ты, что мир борьбой расколот, что есть страна, где доллар правит всем, и есть страна, где правят Серп и Молот» – такие строки есть в стихотворении, посвященном Мэри своему сыну Джону Риду, названному в честь автора потрясшей ее книги.

Мэри работала переводчицей в Исполнительном комитете Коминтерна, чему способствовало знание русского, немецкого, итальянского, испанского и французского языков. Самым главным для Мэри было сознание, что она приносит пользу стране. В 1934 году Мэри поселилась в Ленинграде, занималась переводами, служила в Госиздате редактором и консультантом по современной западной литературе. И продолжала писать стихи.

А потом разразилась война, Мэри стала работать на Ленинградском радио вместе с Ольгой Берггольц. Кстати, Мэри перевела на английский язык ее

Римма
Ковровская
подружилась
с Мэри Рид более
семидесяти лет
назад – тумской
школьнице тогда
было 13 лет

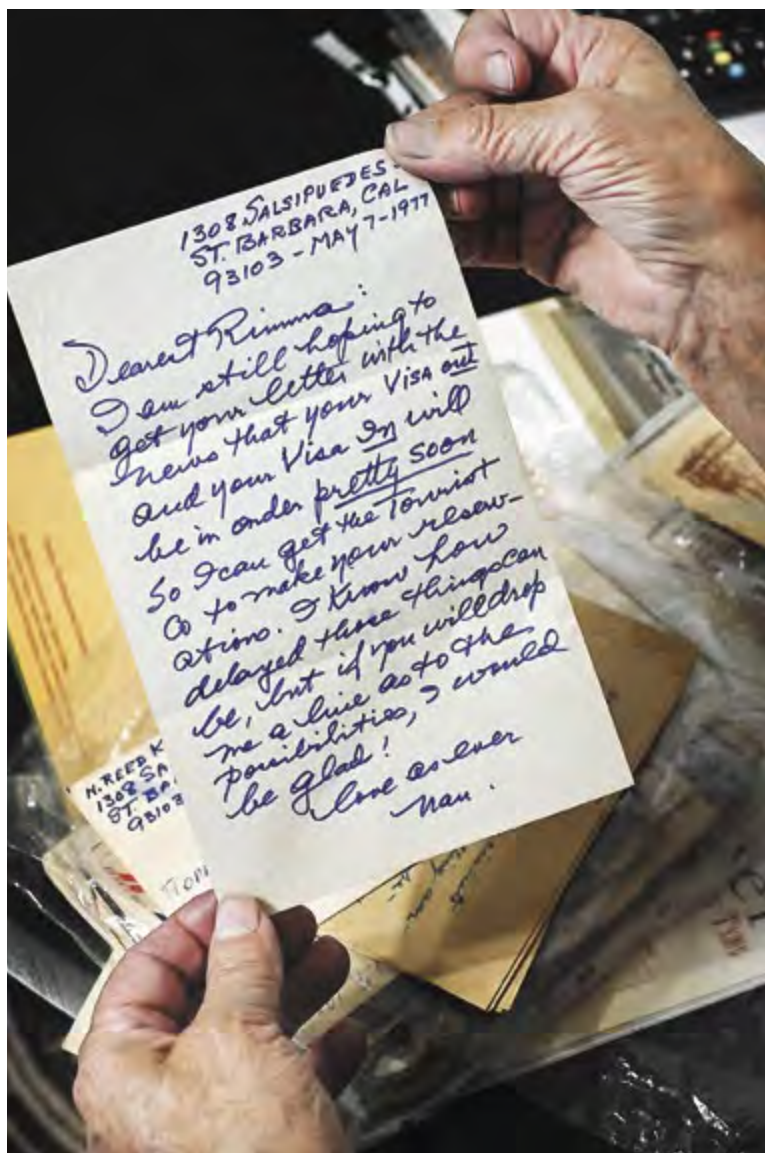

«Письма на Каму» и «Февральский дневник». Вместе со всеми ленинградцами она встретила блокаду. В то время отношение к иностранцам в стране кардинально изменилось, что очень огорчало Мэри. «Я буду неизменно счастлива, если только у меня окажется возможность вернуть людям улыбку, вернуть свет в их усталые глаза и если меня больше не будут подозревать как вражеского шпиона», — записала Мэри Рид в своем дневнике в августе 1941 года.

Ее сыну Джону Риду исполнилось 18, он рвался на фронт. Но юноша не отличался крепким здоровьем и для военной службы не годился. Возможно, сыграло свою роль не только здоровье, но и происхождение. «Он тоже был идейный, Мэри воспитала его в таком духе, — говорит Алексей Гушан. — Поэтому он устроился на завод, чтобы приносить пользу фронту». Джон трудился сварщиком, работал порой по две-три смены подряд, добирался до места работы через весь город пешком. Во время бомбежки завода Джон был ранен в ногу. Едва ли не ползком он добрался до дома. К сильному истощению и ранению добавилась пневмония. 19 декабря 1941 года Джон умер на руках у матери.

Сама Мэри тоже находилась в крайней степени истощения. Еще до смерти сына, в ноябре 1941-го, она писала в своем дневнике: «Мои указательный и большой пальцы сомкнулись, когда я обхватила свою руку выше локтя. Два дня назад между ними еще был зазор». В тумском музее есть куколка, везущая на санках воду. «Это я заказал у кукольницы в Рязани, и она сделала такую композицию — Мэри Рид в блокадном Ленинграде», — объясняет Алексей Гушан. Изможденная фигурка закутанной в платок куколки как будто переносит в Ленинград — в то время, когда Мэри Рид едва смогла выжить. Спаслись ей помогла Ольга Берггольц: устроила полуживую американку в больницу, где ее выходили. Советский ли-

В личном архиве Риммы Ковровской хранится много писем на английском — их писала не только Мэри, но и ее сестра Нэнси. Уже после смерти Мэри Нэнси оформляла для Риммы приглашение, но поездке в Америку так и не удалось осуществиться

тературовед Лидия Гинзбург в книге «Записки блокадного человека» упоминает, что Мэри Рид год находилась в дистрофическом состоянии. В 1942-м Мэри написала стихотворение «Письмо в Америку из осажденного города». «Вы! Там, в Америке! Мой позывной — «Блокада!» — в строки стихотворения она вложила весь пыл своей души. По-другому не умела.

УГОЛ В ХОЛОДНОМ КОРИДОРЕ

Мэри поправилась и вернулась к работе — сначала в Радиокomitee, потом в Совинформбюро. Правда, ее постигло разочарование: в своем дневнике в это время она пишет, что от официального аппарата Ленингра-

да «смердит», а настоящих коммунистов среди чиновников нет. Пишет, что СССР не хватает демократических ценностей, а партия отделилась от народа. Записи эти появились в дневнике в конце 1944 года. Но ее вера в правоту коммунистической идеи была нестигаемой.

В июне 1945-го Мэри Рид написала письмо Сталину. Она сетовала, что ее работу не признают, а ведь своим литературным трудом она могла бы укреплять дружбу между народами. Рид просила вождя решить вопрос: нужна ли она Советскому Союзу, ради которого пожертвовала всем в своей жизни? Спустя две недели Мэри арестовали, обвинив в антисоветской пропаганде, и приговорили к пяти

В тумском музее «Были-небыли» есть уголок, посвященный Мэри Рид. Помимо заслуженных наград, фото из личного архива и из материалов уголовного дела здесь можно увидеть скромную фигурку куклы, везущей воду, — она напоминает, как Мэри переживала блокаду

годам лишения свободы по 58-й статье. Наказание американке отбывала в исправительно-трудовом лагере Ярославской области. А после освобождения ее ждало спецпоселение. Местом назначения стал рабочий поселок Тума. «Местным жителям было запрещено общаться с иностранкой, но тумчане тайно приходили к Мэри по ночам, приносили еду и одежду. Думаю, благодаря этому Мэри и выжила», — рассказывает Алексей Гушан.

«Я помню Мэри Рид. Для нас она, конечно, была диковинкой. Я помню, что была зима, а она шла в калошах и ее ноги были чем-то обмотаны. Я спросила у мамы, почему она так ходит, и мама объяснила, что бывают такие обстоятельства», — делится сотрудница администрации Тумы Галина Минина. Галина Анатольевна работала учительницей, расска-

зывала ребятам о «тумской американке», вместе они изучали биографию Мэри Рид. Вообще, и в обеих местных школах, и в библиотеке хранят память о журналистке, попавшей в Туму из далекой Америки. Правда, когда Мэри оказалась в Туме, в ней уже трудно было узнать известную журналистку. Обстоятельства, о которых говорила мама Галины Мининой, были незавидными. Отгороженный досками угол в неотапливаемом коридоре барака, работа на лесопилке, жизнь впроголодь. Но даже в таких условиях Мэри Рид не разочаровалась в коммунистических идеях, до конца сохраняла им верность. Даже когда у нее появилась возможность вернуться в Америку, она осталась в России.

«Во многих источниках неправильно указаны даты: пишут, что Мэри приехала в Туму в 1954 году. Ошибка эта появилась по-

тому, что нередко указывают, что ее осудили на девять лет лагерей. Это не так. Она отбывала наказание пять лет и приехала в Туму в 1950 году. Я познакомилась с ней в 1952-м», — рассказывает Римма Ковровская. Римма Викторовна, сохранившая, несмотря на возраст, учительскую «выправку», очень четко рассказывает о давних событиях. Она познакомилась с американкой в 13 лет, и «Рымма», как называла ее Мэри, стала для женщины близким, почти родным человеком.

«Первый раз я встретилась с Мэри, когда она шла с речки — искупалась и возвращалась домой. У нас была речушка Нарма, сейчас от нее ничего не осталось. И Мэри частенько ходила туда купаться — она жила неподалеку, — вспоминает Римма Викторовна. — Как говорила Мэри, она приехала в Туму осенью — вокруг слякоть, грязь, темнота...

сильное влияние и определило ее путь в рабочем и коммунистическом движении.

В 1922 году Мэри вступила в Коммунистическую партию США и два года работала секретарем городской партийной организации в городе Индианполисе, штат Индиана. Знание испанского, итальянского, французского, немецкого и русского языков позволило ей делать широкие обзоры статей о ходе рабочего движения в разных странах мира.

Но революционная, строящая новый мир Россия представ-

ства находят выражение в стихах, которые она пишет на английском языке. Мэри Рид имеет личный счет в Советском фонде мира, ежемесячно отчисляя в него часть своей пенсии. В текущем году она была награждена Юбилейной медалью в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина. Публикуя несколько стихотворений Мэри Рид, мы надеемся, что круг друзей поэтессы расширится и они полюбят открытый и мужественный голос американки, нашедшей на русской земле свою вторую родину.

Е. ШКЛОВСКИЙ.

Америке

О родина богатая моя!
К другой стране не скрою
я любви.
Ее людей в беде узнала я,
В огне боев, в блокаде
и крови.
Мой сын, мой Джон в ее
земле погас.
Мой сын погиб, но если бы
он жил,
Он за нее бы снова
в грозный час,
Как за отчизну, голову
сложил.
Люблю ее... Сильнее всех
смертей
Рожденные землей той
сыновья.
Ты ж палачей растишь
из сыновей —
О, как бедна ты, родина
моя!

Жизнь возвращалась

Ленинградкам,
пережившим блокаду

Блокада кончилась,
Жизнь возвращалась
вдовьей,
Забытой, соленою слезой.
И пробуждалась
женственность,
и кровью
Вливалась в сердце
нежностью живой.
В притоке сил на миг беда
забылась.
Но, оживая в звонкой их
игре,
Вдруг страшной болью
память возвратилась,
Оборванная смертью
в декабре.
Он предо мной, так светел
и так молод,
Последний взгляд
беспомощно ронял...
Но, затемнив рассудок,
смертный голод
Меня, как друг, от горя

охранял.
Окаменев, я, словно так
и надо,
Прощального не видела
огня,
И лишь теперь мольба
немного взгляда
Сжигает вечным пламенем
меня.
Мой сын... Мой сын...
Преследуют и мучат
Твои глаза, угасшие навек.
Единственный! Кто грудь
страдать отучит?
Какой тебя заменит человек?
Никто... Никто... О где,
о где ты, голод,
От горя памяти моей
надежный щит!
Возьми меня, воскресшую,
за ворот,
И в темное бездумье утащи.
Избавь меня от муки
возрождения.
Зачем мне жизнь, когда
его — ушла?
Пусть стану вновь я
беспольной тенью,
Не знающей ни радости,
ни зла,

Пусть стану вновь...
Но слышу: «Мама... мама...
Пока живешь — и я в тебе
живу.
Иду к победе гордо
и упрямо,
Чтоб видеть мир и небо
синеву.
Я не один. Нас многих
смерть скопала
И отняла у наших матерей.
Но ты живи, как будет жить
Россия —
Мать миллионов павших
сыновей...»
И я живу...
То сына голос чистый,
Его огонь — жить приказали
мне.
Блокада кончилась, и силы
материнства
Приходят к женщине для
жизни на земле.

Тума

Прости мне, Тума,
Мои сомненья.
Они проплыли,

Прибыла она с чемоданчиком и записочкой «Тума. Сасовская ветка». Дом, где жила Мэри, не сохранился. Вот здесь был большой двор, он тянулся от дороги и заканчивался чуть дальше нашего огорода — это была лесопилка. А здесь стоял дом, разделенный на две части — в одной находилась контора, во второй жили престарелые люди. Было три комнатки и большой коридор. В этом коридоре досками отделили уголок и поселили там Мэри. Печки из комнаток выходили в коридор, и, когда соседи топили свое жилье, в коридоре было тепло. Но так было не всегда. Хорошо помню, как однажды пришла к Мэри, а у нее замерзла вся вода... Сразу за дверью в ее каморку стояли стульчик и кровать, если ее так можно назвать — это были строительные козлы. Когда я с Мэри познакомилась, она уже

не работала. А сначала ей дали работу: она таскала корзины с опилками от пилорамы. А ведь Мэри была очень больной. У нее с детства было не очень крепкое здоровье. Даже когда она работала в Ленинграде, ей по состоянию здоровья разрешали делать переводы на дому. А уж после блокады и лагеря все стало еще хуже. У нее была закрытая форма туберкулеза, частичная парализация. И при всем этом она жила в таких условиях до 1953 года. Но у нее всегда был приемник. Могло не быть еды, воды, тепла, но она всегда была в курсе происходящего в мире».

ТЕТЯ МАРУСА ИЗ МАССАЧУСЕТСА

Позже Мэри предложили перебраться в квартирку ближе к центру Тумы, но она отказалась. И тогда ей выделили часть старенького домика не-

подалеку от прежнего жилища. «Она очень любила природу, и отсюда ей было ближе к лесу, к реке, — вспоминает Римма Викторовна. — Так что она не хотела отсюда перебираться куда-либо, хотела быть ближе к природе. Тумские ребятишки, если вдруг находили птицу с подбитым крылом, всегда несли ее тете Марусе — так местные называли Мэри. И тетя Маруса эту птичку выхаживала. К тому же на новом месте ей было хорошо — теперь у нее был отдельный вход, два окошечка, своя печка». Начальник лесопилки, который хорошо относился к Мэри, смастерил около домика сарай, чтобы американка могла держать живность. Мэри завела козу и кур.

Почти на всех фотографиях в музее «Были-небыли» Мэри запечатлена с питомцами — котом, собакой, козой... На одном

Стихи Мэри Рид писала на английском. Единственным переводчиком ее произведений стал поэт Ефим Шкловский

из снимков у нее на руках сидят грачи. «У нас в Туме много грачей. Мэри даже написала стихотворение «Грачонок». Она часто прогуливалась по лесопарку и, когда видела, что из гнезда выпал птенец, поднимала его, выкармливала, а потом отпускала, – рассказывает Алексей Гушан. – Птицы улетали на зимовку, а потом возвращались к Мэри – они ее узнавали». В пожилой женщине в платочке на фотографии трудно опознать американку. По виду – обычная тумчанка. Правда, жила она, мягко говоря, гораздо скромнее тумчанок. «Начальник лесопилки всегда старался ее поддержать, поначалу платил ей какие-то деньги. В 1952 году ей назначили пенсию – она была инвалидом и ей уже было 55 лет. Она получала 23 рубля – это была минимальная пенсия, – рассказывает Римма Викторовна. – Даже не помню, как получилось, что она стала учить меня английскому языку. Наверное, Мэри предложила. Учебников тогда не было, в школе все изучали немецкий. Сестра из Москвы прислала мне учебник английского языка для пятого класса. Мэри говорила со мной по-английски. До конца лета мы

с ней ходили на речку, она брала с собой черный хлеб, зеленый лук, огурцы, сметану. Мы сидели на берегу, ели нехитрую еду и читали «Айвенго» Вальтера Скотта на английском – эту книгу мне тоже прислала сестра. Помню, в первый день мы смогли прочитать три строчки – я мало что могла понять. Мэри Рид была довольно строгой. Не терпела опозданий, приучила меня быть пунктуальной. Русский язык она знала хорошо, но говорила с акцентом. Когда писала, чувствовалось, что она грамотная». Правда, писала Мэри всегда на английском – и блокнотный дневник, и стихи, и позже письма Римме. Римма бегала для Мэри за лекарствами, за керосином, пока американка жила на лесопилке – за горячей водой, носила записки в райком партии. «Однажды в доме у Мэри решили провести ремонт, и ее перевели в соседний дом – он, кстати, сохранился и сегодня. А потом школьники, жившие по соседству, приходили помогать с уборкой, отмыли домик после ремонта. Мэри писала своей двоюродной сестре в Великобританию, что дети приходят и бесплатно помогают ей – разве это не комму-

Создатель музея «Были-небыли» Алексей Гушан бережно собирает все, что связано с биографией Мэри Рид. Вдохновленный удивительной судьбой американки, писатель организовал конкурс памяти Мэри Рид

низм? До конца своих дней она сохраняла веру в социалистические идеи», – вздыхает Римма Викторовна.

Для Риммы та встреча у речки стала судьбоносной: после школы она поступила в пединститут и стала учителем английского языка. Уехала в далекую деревню Алтайского края. Мэри писала ей письма, которые Римма Викторовна хранит по сей день. «Сегодня 19 декабря, день смерти Джона. Ты самая близкая, которая замещает мне его, – переводит Римма Викторовна одно из писем. – Я pošлю тебе поэму «Потеря»...».

В 1956 году Мэри Рид реабилитировали, ей разрешили вернуться в Ленинград. Но она осталась в Туме. «Получается, здесь она прожила дольше всего – семнадцать лет своей жизни, – говорит Римма Ковровская. – И посвятила нашему поселку немало стихов».

Алексей Гушан недавно нашел любопытную информацию о жизни Мэри Рид в Туме в воспоминаниях ленинградского переводчика Ивана Лихачева. «Я был заключен в объятия и введен в сложную систему загородок, предшествующую ее обиталищу: в одной сидела собака, в другой драчливые петухи, в третьей петухи кроткие, в четвертой коза, в пятой грачи с инвалидным уклоном, – писал Иван Алексеевич. – У американки я видел самую чистую сельскую уборную в моей жизни. На стульчаке можно было бы распивать чай. Американка все рационализировала до крайности. <...> Читает она Ленина, Пушкина, Шекспира, Шелли и коммунистическую прессу. Пишет очень интересный дневник».

В архиве Риммы Ковровской много фотографий, на которых запечатлена Мэри. И, конечно, много писем на английском, причем не только от Мэри, но и от ее сестры Нэнси. Она навещала Мэри в Туме. «Вот это Мэри, когда к ней приехала сестра, – показывает Римма Викторовна одну из фотографий. –

Вот видите, Нэнси принарядила Мэри – она в привезенном сестрой свитере». В 1965 году сестра приехала из Санта-Барбары в Туму вместе с мужем, поразив местных жителей своим ухоженным видом – крашенные волосы, нарядная одежда. Нэнси звала Мэри назад в Америку, но та отказалась. Сказала, что не может оставить землю, где похоронен ее сын.

В том же, 1965-м Мэри услышала стихотворение, которое неизвестный ей поэт посвятил выходу космонавта Алексея Леонова в открытый космос. Ее настолько впечатлили стихи, что она нашла автора, чтобы перевести его творение на английский язык. Так завязалась дружба Мэри с поэтом Ефимом Шкловским. Он стал единственным переводчиком стихов Мэри Рид на русский язык.

ПОТРЕБНОСТЬ ПРИНОСИТЬ ПОЛЬЗУ

Когда в 1967 году Нэнси снова собралась приехать в Туму, ей отказали в визе. После известия об этом Мэри получила серьезную травму. В биографии Рид часто пишут, что Мэри спасала котенка, застрявшего на дереве, упала и сломала шейку бедра. Римма Ковровская рассказывает то, чем делилась с ней сама Мэри: после известия о том, что Нэнси не сможет приехать, Мэри хотела достать свою кошку из сарая, забралась на лестницу и упала. Ее отвезли в рязанскую больницу. После этого Нэнси все-таки разрешили приехать. Чтобы встретить ее, Римме Викторовне пришлось преодолеть 200 километров до Тумы от Михайлова, где она тогда работала, а потом, уже вместе с Нэнси, отправиться в Рязань. «В Рязань мы ехали на пазике, который всю дорогу громыхал и скрипел, двери не закрывались, пыль летела в салон, – вспоминает Римма Викторовна. – Мы приехали и даже не знали, в какой больнице лежит Мэри. Пытались заселиться в гостиницу, в «Первомайской» нас не приняли, отправили в «Москву». Нэн-

Мэри в привезенном сестрой из Америки свитере, сын Мэри Джон, еще совсем юная Римма вместе с Мэри... Фотоальбом Риммы Ковровской хранит все вехи удивительной судьбы «тумской американки»

си мне говорит: «Рымма, такси». А какое такси в Рязани в 1967 году? Поехали на троллейбусе. Заселили нас в люкс. Нэнси хотела принять душ, а он в другом конце коридора. Американка очень удивлялась: «Это люкс?» Римму и Нэнси ждало много приключений. Сначала поиски Мэри – не сразу удалось выяснить, в какой больнице она находится. Потом Нэнси потребовалось поменять доллары на рубли. После похода в банк, а затем в обком партии специально для обмена валюты была выделена машина до Москвы, где удалось поменять доллары на рубли. Потом Римма вернулась в Михайлов, а Нэнси осталась с Мэри.

Почти весь 1967 год Мэри провела в больнице, затем приехала в Туму. Но последствия травмы оказались серьезными, пришлось снова ехать в больницу. Тогда же встал вопрос о переводе Мэри Рид в дом-интернат. Ей предложили два варианта – Михайловский и Шиловский. Конечно, она выбрала первый, ведь в Михайлове жила Римма, у которой было уже двое маленьких детей. Мэри переехала в Михайлов со своей собакой

Аидой, и Римма на первое время взяла питомицу к себе, пока ее не удалось пристроить на ферму. И, конечно, Римма много времени проводила с Мэри, в интернате ее даже прозвали «бальзамом» – так успокоительно она действовала на американку. «В это время о Мэри хоть немного стали узнавать, к ней пришла определенная известность. Стали приезжать журналисты, о ней писали, ее фотографировали», – рассказывает Римма Ковровская.

В 1968 году Мэри Рид вручили медаль «За доблестный труд». А потом еще одну – «За оборону Ленинграда». Американка говорила, что эта награда имеет для нее особую ценность. В том же году Мэри Рид назначили персональную пенсию, часть которой она перечисляла в фонд помощи жителям Вьетнама. Ей всегда надо было быть полезной... Тогда же она отправила Анджеле Дэвис свой перевод стихотворения Пушкина «Во глубине сибирских руд...» и получила в ответ благодарность за поддержку. Американский журнал, в котором был опубликован перевод, Мэри подарила на память Римме.

Знакомство с Мэри определило для Риммы Викторовны дальнейшую судьбу: она стала учителем английского языка и более сорока лет проработала в школе

ВСЕСИЛЬНА ЖИЗНЬ – ОРУДИЕ ГЕРОЕВ

«В Михайловском интернате ей выделили отдельную комнату, провели телефон, создали условия для работы, организовали хороший уход. К ней часто приезжали журналисты, навещал Ефим Шкловский, совместно с которым и при моей помощи она планировала написать книгу. У нее было много планов», – рассказывает Римма Ковровская. «Я уже стара, у меня был перелом бедра, и я все еще с трудом двигаюсь. Но я очень счастлива, что смысл моей жизни стал доходить до людей», – писала в дневнике Мэри.

«Я не знаю, почему Мэри решили перевести из Михайлова. В октябре ее перевезли в Переделкино. Возможно, она надеялась, что ее там будут навещать старые друзья, что она будет ближе к писателям. Однако вскоре там ей стало плохо, – вздыхает Римма Ковровская. – Шкловский прислал мне телеграмму: «Мэри смертельно

больна возможности приезжайте». Конечно, она приехала. Но Мэри была уже совсем плохо, даже не узнала Римму. Мэри Рид умерла в марте 1972 года в возрасте 74 лет из-за обширной пневмонии. Похоронили Мэри на кладбище в Переделкине. Эпитафией на могиле русской американки стали строчки ее стихотворения: «Всесильна жизнь – орудие героев!»

«Удивительная судьба Мэри Рид вдохновила меня на создание конкурса. Мы так и называли его – «Всесильна жизнь», – рассказывает Алексей Гушан. – Проводим его в двух номинациях – художественное чтение и рисунок. Когда затевали конкурс, думали, что он ограничится рамками Тумы, но в прошлом году были очень удивлены географией заявок. Конкурс стал общероссийским. Самому младшему участнику было 4 года, старшему – за 60. Я рад, что благодаря этому конкурсу все больше людей узнают о судьбе Мэри Рид и ее творчестве».

Есть у Алексея Гушана задумка – перевести блокадный дневник Мэри Рид на русский язык, для чего уже нашли переводчика. И есть мечта – найти архивы Мэри Рид. «Скорее всего, они остались у Ефима Шкловского, – надеется Алексей Гушан. – Но попытки найти его родственников пока не увенчались успехом». «Мы долгое время переписывались и с Ефимом Шкловским, и с Нэнси, – рассказывает Римма Ковровская. – Нэнси всегда писала мне 7 августа – на день рождения Мэри, 7 ноября, 1 мая. Но потом переписка прервалась. Также прервалась и переписка со Шкловским. Видимо, все ушли из жизни, и никто об этом не сообщил...».

Пока архивы не найдены, но не стоит терять надежду, ведь и Мэри никогда не теряла оптимизма. Нельзя терять его и тем, кто занимается сохранением памяти этой удивительной американки. Нельзя забывать, что жизнь всесильна. Мэри Рид всегда в это верила. 📖

ОБЫКНОВЕННАЯ СЕМЬЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

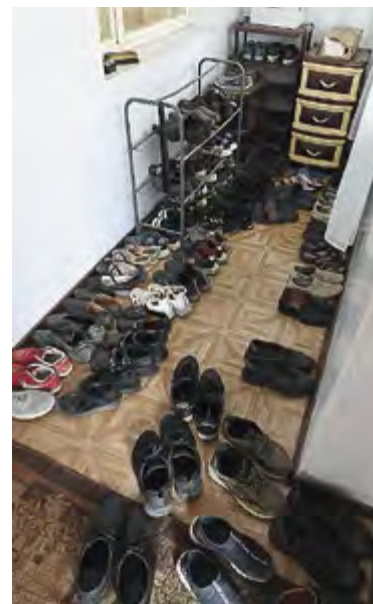
В БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ ВИСЮЛЬКИНЫХ 18 ДЕТЕЙ, 12 ИЗ КОТОРЫХ ВЗЯТЫ ИЗ ДЕТСКИХ ДОМОВ. НО РАЗОБРАТЬ, КТО ИЗ НИХ РОДНЫЕ, А КТО ПРИЕМНЫЕ, НЕВОЗМОЖНО.

Я ДУМАЛ, ЧТО АРИНА и Кристина – приемные дочери. Черноволосые девушки сидели на диване, и то, что они сестры, было ясно с первого взгляда. Более того, сначала я принял их за двойняшек, хотя они – погодки. Обе девушки посмеялись над моими ошибками. И заверили, что все, кто впервые приходил в гости к

Висюлькиным, принимали их за приемных детей.

Старшая, Арина, с детства была заводилой и первой работницей в семье: мало того, что без напоминаний шла трудиться на огород или доить корову, еще и младших за собой увлекала. Арина получила два высших образования – юридическое и экономическое, сейчас работает в районном Доме культуры. А в на-

чале нынешнего года она вышла замуж. Сейчас она шепчется со студенткой Кристиной вовсе не о курсовых и дипломах. Девушки говорят о молодом человеке по имени Михаил, которого младшая сестра, Юлия, привезла знакомиться со своей большой семьей. Сдержанного Михаила такое большое число будущих родственников – 17 братьев и сестер невесты – немного смущает. Кстати, вот как раз Юлию – светловолосую и высокую – я принял за родную дочь Елены Владимировны Висюлькиной. Уж очень они похожи. И опять – мимо. Все сестры снова хохочут над моей ошибкой: Юлия-то как раз приемная. В общем, с Висюлькиными, как вы поняли, не соскучишься.

Такого количества детской обуви нет ни в одной семье в Темникове

ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО

Свадьба Юлии и Михаила станет уже третьей для этой большой семьи. Сначала вышла замуж Арина. Потом женился старший сын, Александр. Его бракосочетание прошло в мордовском городе Темникове, где живут Висюлькины. Хотя к тому времени 29-летний Александр уже успел перебраться в Москву, где ему предложили хорошую работу. Так что у родителей он теперь бывает редко – раз в два месяца. Провожать Александра в большой коридор дома выходит вся семья. Братья и сестры виснут на нем. Каждому из них есть за что сказать Саше спасибо: кого-то он учил на гитаре играть, кого-то – на мотоцикле ездить или дрова колоть, кого-то нянчил и носы утирал. Для всех 17 детей Висюлькиных – и родных, и приемных – Александр был наставником, воспитателем и примером, на который постоянно указывали родители. Себя он в шутку называл «нянькой». «Это мой первый помощник был!» – Бабушка Лидия Михайловна целует внука. Саша ее настоящий любимец, никто в этом не сомневается. Когда семья Висюлькиных жила не в этом двухэтажном особняке в

Темникове, а в деревне Александровка, Саша и косил, и дрова колол, и баню топил, чтобы малышей искупать. И с трактором управлялся, и с грузовой «газелью», и с мотоциклом. Сено стоговал, за живностью ухаживал. Вооружившись шестиметровым кнутом, вместе с бабушкой пас коров. Лидия Михайловна научила Александра доить коров, а он обучил этому своих сестер. «Когда меня 8-летним перевезли из города в деревню, я никак не мог представить, сколько сестер и братьев у меня появится! И я не жалею, что у меня было такое детство», – заверяет Александр, первым из детей Висюлькиных получивший высшее образование. Арина тоже хорошо помнит жизнь в Александровке, где она

Сервировать стол дочки учатся у мамы

Висюлькины всегда рады гостям

оказалась в 2-летнем возрасте. Кристине тогда год исполнился. Александру – 8. Арина, Настя и Кристина с братом коров пасли и доили. Хозяйство было большое: утки, гуси, куры, коровы, поросята. В доме – печное отопление. Папа, Александр Николаевич, с мальчишками пилили и рубили дрова, девочки складывали в поленницу. Воду таскали с ручья или из колодца. Носили резиновые сапоги и валенки, которые покупали у мастеров из села Старый Город. На санках катались. В школу ходили за 2 километра в соседнюю Алексеевку, шли гуськом по обочине дороги. Новый год встречали не с искусственной, как сейчас, а с живой елкой из леса. Игрушки – фонарики, гирлянды из цветной бумаги, снежинки – сами мастерили. Арина говорит, что в их деревенском доме была такая большая русская печка, что сразу все дети могли уместиться на лежанке. Забот прибавилось, когда родился младший брат, Дима. «Однажды, – вспоминает Арина, – мама спрашивает: хотите взять еще сестренку? Мы были за! Но долго уговаривали папу. Он осторожно к этой идее отнесся»...

САМОЕ БОЛЬШОЕ ЧУДО

Старейшина семьи, бабушка Лидия Михайловна, окончила московский кооперативный институт. Вернулась в родной Энгельс – город-спутник Саратова, работала главным экономистом и главным бухгалтером. А потом серьезно заболела, поставленный докторами диагноз был неутешителен. Тогда она и стала ходить в храм, постепенно к ней присоединилась и вся семья дочери.

Во время одной из паломнических поездок Лидия Михайловна побывала в Рождество-Богородичном Санаксарском мужском монастыре (см.: «Русский мир.ру» №8 за 2009 год, статья «Обедня безбожника»), что рядом с Темниковом. И, вернувшись в Энгельс, стала уговаривать семью перебраться в деревню рядом с этой обителью. И уговорила. В ознакомительную поездку с Лидией Михайловной отправились отец и муж Елены. Приехали и тут же присмотрели дом в деревне Александровка.

«Какой переезд, когда даже огород не убран?!» – всполошилась Елена Владимировна, когда мать, отец и муж вернулись в Энгельс и сообщили, что нужно переезжать. В 2002 году жилье срочно продали. На двух больших машинах повезли мебель, поросят, кур, гусей, собаку и кошку. В Александровке приобрели сначала половину дома, затем выкупили вторую.

Сначала впечатления от нового жилья у Елены Владимировны были ужасные, так что первый год она, случалось, плакала. Воды в доме нет, газ в баллонах, большую печь нужно топить дровами. Темниковский район – самый удаленный от столицы Мордовии, Саранска. Рядом – заповедник. В самой деревне всего 12 домов. До школы в соседней Алексеевке детям нужно идти 2 километра.

В Александровке Висюлькины завели трех коров, лошадь и овец. Местные жители над ними посмеивались: «Посмотрим, насколько вас хватит!» Дело в том, что незадолго до Висюлькиных в этих же местах купили дома несколько многодетных семей и

Бабушка Лидия Михайловна открыла дверь в новую жизнь

переехали сюда жить. Однако не выдержали, вернулись в города. «Они свои квартиры городские не продавали, – говорит Елена. – Потому и вернулись назад. А нам возвращаться было некуда».

А потом все наладилось. Да и обитель рядом, пешком можно дойти. В Санаксарском монастыре, которому Висюлькины помогают чем могут, эту семью хорошо знают. «Говорят нам, – признается Елена Владимировна, – что у нас малая церковь от монастыря». Елена Владимировна и Александр Николаевич обвенчались в церкви Вознесения Христова обители. Они считают, что видели в жизни немало чудес, но самое большое чудо для них – появление в семье приемных детей.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Еще в юности узнав, что есть дети, от которых отказались родители, Елена просила маму взять такого ребенка. Но Лидия Михайловна ухаживала тогда за своими престарелыми родителями. «Вырастишь своих, – отвечала она, – бери сколько хочешь».

После девяти лет жизни в Александровке Елена Владимировна решила, что время пришло. Александр Николаевич, из-за переезда в мордовскую деревню оставивший службу в ГИБДД, попросил время на раздумье. Ответственность все-таки большая – к своим четырем добавить приемных детей. Думал он около года. Посоветовался с

Сестрам всегда найдется о чем поговорить

духовником семьи – схиигуменом Феодосием. Тот поддержал идею Елены Владимировны. Однако это оказалось непросто. В местных органах опеки и попечительства поначалу детей не хотели отдавать: дескать, у Висюлькиных своих четверо. Самому младшему, Диме, который родился в Александровке, всего год исполнился. Куда им еще приемных детей?

Тогда супруги обратились в Саратов. И им предложили познакомиться с тремя сестрами, предупредив, что они проблемные. В детский дом, который находился в маленьком городке на берегу Волги, Елена и Александр приехали ранней весной. Сестер для знакомства вывели в коридор. Это были 10-летняя Настя, 6-летняя Надя и 4-летняя Вера. Настя была явно испугана. Как потом выяснила Елена Владимировна, накануне Настя подговорила сестер бежать из детского дома. Нашла где-то деньги, собрала вещи. А тут – директор вызывает. Настя решила, что их тайный план раскрыт. Вот и испугалась. Висюлькины пообщались с девочками. Понравилась они друг другу. Елена и Александр договорились с сестрами, что заберут их к себе.

Семья встретила сестер с радостью. От детдомовских привычек прятать хлеб и конфеты под подушку и заглядывать в чужие тарелки – не положили ли туда больше – девочки избавились быстро. Поняли, что в семье Висюлькиных все на равных:

С такими запасами можно не одну зиму пережить

нет разницы между родными и приемными детьми. Но были и другие проблемы. Девочки отставали в развитии. У одной был дефект речи. Другая не могла правильно формулировать предложения. Повезло, что в деревенской школе она была единственной ученицей в классе, так что учительница занималась только ею.

А через два года Висюлькиным позвонили и сообщили, что у взятых ими трех девочек есть четвертая сестра. Так в Александровке появилась Аня.

Семья росла, маленьким детям требовалось много молока. Завели корову, затем вторую и третью. У каждой из девочек была своя любимица: у Арины – Жданка, у Кристины – Красотка, у Насти – Марта. Излишки молока шли на сметану, творог, масло и сыр, которые приносились делать Висюлькины. Одно время даже продавали продукты. И не только продавали, но и отдавали бесплатно. Например, в монастырь, где Висюлькиных считают верными прихожанами. А приезжающим в обитель бездетным паломникам, не решающимся взять детей из детского дома, советуют познакомиться с большой семьей из Темникова...

Сбор малины – серьезное занятие

ГЛАВНОЕ – ЛЮБОВЬ И ЗАБОТА

3-летнего Данилу и его полуторагодовалых сестру Алину и брата Матвея (они двойняшки) Висюлькины увидели в одном из районных домов малютки Мордовии. Дети были в плохом состоянии. Как сказали Елене Владимировне и Александру Николаевичу в службе опеки, «если вы их не возьмете, вряд ли они выживут». После этого супруги не раздумывали. Малыши и правда нуждались в уходе и лечении. У кого-то не было зубов. Волосы не росли. Кто-то страдал от запущенного атопического дерматита. Все трое плохо стояли на ногах. Семья трогательно ухаживала за новичками. Забота, домашняя еда и любовь сделали свое дело. Через месяц малыши уже нормально ходили, у них начали расти волосы. «Это все было в 2011 году, – вспоминает Елена Владимировна. – А три года назад их мама звонила нам и благодарила за то, что мы спасли ее детей».

Самый старший сын Висюлькиных, Александр, не стесняется, что его называют «нянькой» многочисленных братьев и сестер

Жить с таким количеством детей в деревенском доме, в котором не было удобств, становилось проблематично. Да к тому же школу в соседней Алексеевке закрыли, пришлось пользоваться школьным автобусом, который доставлял учеников из окрестных сел в город Темников. И Висюлькины решили переехать в Темников. В 2012 году купили в городе дом с мебелью

в кредит. В Александровке же присматривать за хозяйством осталась Лидия Михайловна. Подросшие дочери Висюлькиных ездили в деревню к бабушке доить коров, а сыновья косили сено и кололи дрова. Но у ребят все равно хватало времени и на футбол, и на волейбол, и на бадминтон. Александр Николаевич научил всех детей плавать и ориентироваться в лесу. Сыновей обучил ремонтировать всякую технику. Зимой дети вместе с отцом катались на коньках и ходили на лыжах. Да и вообще, дети в семье Висюлькиных росли в творческой атмосфере: рисовали, вышивали, танцевали, пели. В доме появились пианино, гитара, бубны, трещотки, домра. Так сложился семейный ансамбль. Елена Владимировна готовит ребят к участию в региональных и всероссийских конкурсах, в которых семья Висюлькиных занимает призовые места. Новый дом в Темникове намного больше того, что остался

Дружить с четвероногими – одна из традиций семьи

Среди
Висюлькиных
есть мастерицы
на все руки

в Александровке. И Висюлькины решили, что в такие хоро-
мы можно взять еще приемных
детей. Поехали в детский дом,
чтобы забрать двоих, а привез-
ли четверых! Как так? Да вот так:
поехали за 5-летней Ксюшей и
ее 4-летним братом Колей и слу-
чайно познакомились с други-
ми двумя братьями – Андреем
и Артемом. Елене Владимиров-
не они очень понравились. Вот
и спросили: «Можно ли забрать
еще и двух братьев?» Артема и
Андрея отдали Висюлькиным
только после беседы с чиновни-
ками, которые интересовались:
действительно ли семья готова
взять сразу четверых детей, со-
ответствуют ли этому бытовые
условия?

К сожалению, с Колей в итоге
пришлось расстаться. Оказалось,
что у мальчика психическое рас-
стройство и по медицинским
показаниям ему нельзя нахо-
диться в обычной семье. Врачи
советовали отказаться и от Ксю-
ши. Но супруги Висюлькины ре-
шили все-таки побороться за де-
вочку. «Ребенок не виноват, что у
него такая наследственность», –
говорит Елена Владимировна.
Итак, вместе с Андреем и Арте-
мом в семье было уже 15 детей.
«Мы решили остановиться. Но
тут начался период, когда по-
шли «отказники», – вспоминает
Елена Владимировна.

«ОТКАЗНИКИ»

Висюлькиным позвонили из
службы опеки и попечительства
и сообщили, что в темников-
ской больнице лежит мальчик,
от которого отказалась приемная
семья. Предложили супругам его
забрать. Елена задумалась: все
ж таки на руках 15 детей. По-
шла за советом в монастырь, там

Любви
и нежности
у Елены
Владимировны
хватает на всю ее
большую семью

сказали: берите, не сомневай-
тесь. Супруги пошли знакомить-
ся с мальчиком. Рыжеволосый
Вадим оказался очень бойким
и дерзким. Утверждал, что ни в
чем не нуждается и никто ему
не нужен. Висюлькины все пра-
вильно поняли, не обманула
их бравада мальчишки. И когда
пришли забирать Вадима, то он
им признался: «А я уже всем рас-
сказал, что за мной папа и мама
придут!»

Два других «отказника» прибы-
ли из соседнего района почти по
тому же сценарию. Висюльки-
ным снова позвонили из опеки
и рассказали про брата и сестру –
13-летнюю Юлию и 8-летнего
Максима. В предыдущей семье
с ними не справились. Отказа-
лись. «Заберете?» – с надеждой
спросили чиновники.

Детей Висюлькины забрали из
реабилитационного центра, куда
их сдала прежняя приемная се-
мья. Потом пришлось съездить
за вещами Максима и Юлии к
бывшим родителям. И выслу-
шать там подробный рассказ о
своих новых детях. Приемная
мать сказала, что за два с поло-
виной года, пока у нее были
Юля и Максим, она болеть на-
чала из-за характеров детей. На
вопрос о том, как Юля и Мак-
сим поначалу вели себя, Елена
Владимировна лаконично отве-
чает: бывало всякое. Но в кон-
це концов дети под влиянием
дружеской атмосферы большой
семьи Висюлькиных измени-
лись в лучшую сторону.

Юлия хорошо отучилась в шко-
ле и окончила сельскохозяй-
ственный колледж в Темнико-
ве с красным дипломом. Сейчас
зачно учится на третьем курсе
местного педагогического уни-
верситета, живет в Красносло-
бодске и скоро выйдет замуж.
Ее брат Максим поступил на фа-
культет информатики и вычис-
лительной техники Мордовско-
го госуниверситета. А тот самый
рыжеволосый Вадим учится
на втором курсе сельскохозяй-
ственного колледжа Темникова.
В семье Висюлькиных уверены,
что все дети должны получить
образование.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

В 2013 году у Елены и Александра родился Илья, который до сих пор не перестает удивляться огромному количеству своих братьев и сестер. Теперь их 18. Так семья Висюлькиных стала самой многодетной в Мордовии. В 2023 году Илья перешел в четвертый класс. Кстати, он сегодня единственный ученик в школе по фамилии Висюлкин. Елена и Александр сохранили родные фамилии приемным детям. Правда, все они откликаются на фамилию приемных родителей. Школьные учителя признают, что дети Висюлькиных отличаются от других учеников. Не кричат, не грубят, не хулиганят и даже не списывают на контрольных, всегда приходят в класс с выполненным домашним заданием. Много читают, занимаются спортом, помогают семье по хозяйству.

А дома после школы детей встречает Лидия Михайловна, и после обеда они под ее руководством делают уроки. Учеба в семье Висюлькиных на первом месте. «К нам приходят и удивляются: а почему так тихо? Где дети? – рассказывает Елена. – У нас не принято скакать, кричать или по лестнице носиться. Дети приучены к порядку. Утром полы моют. Они уходят в школу, а в доме уже все убрано. Мало ли что. Вдруг комиссия придет проверить? Или гости заявятся посмотреть, как мы живем?» Какие гости? Да, к примеру, паломники из Санаксарского монастыря приходят, чтобы посмотреть, как уживаются в одной семье 18 детей. Елена со всеми делится своим опытом, подчеркивает, что брать надо не одного приемного ребенка, а сразу двух-трех. Так им будет легче и веселее. Между прочим, уже шесть семей, познакомившись с Висюлькиными, взяли приемных детей.

Елена Владимировна возглавляет Централизованную библиотечную систему Темниковского муниципального района. Александр Николаевич занимает пост начальника управления по вопросам строительства

Берите пример с Висюлькиных!

и ЖКХ района. В семье три автомашины. Детей регулярно возят в зоопарки, цирки, музеи, театры, на концерты. Семья Висюлькиных часто занимает призовые места на всероссийских и региональных конкурсах. А в 2014 году они победили во Всероссийском конкурсе детского художественного творчества «Ассамблея замещающих семей».

Все хорошо у Висюлькиных, только Лидия Михайловна иногда ворчит, что некоторые дети ленятся, а другие – иногда хитрят. За всеми глаз да глаз нужен. Человек старой закалки, бабушка тщательно следит за тем, чтобы все сделали уроки. Старается,

чтобы у всех внуков выработался красивый, каллиграфический почерк. Требует выразительно читать стихи, а не бубнить их себе под нос.

...Когда в большом и уютном доме Висюлькиных заканчивается очередной полный тревог и забот день, Лидия Михайловна отправляется в свой деревенский дом в Александровке. Кур и поросят там уже давно нет, с последней коровой расстались семь лет назад. На зиму запаслись березовыми дровами, которые Максим и Дима уже распилили и покололи. Илья на тачке возил дрова. Андрей складывал. Траву вокруг дома выкосили Максим и Дима.

Особая забота Лидии Михайловны – огромный цветник с астрами и гладиолусами. Пока они цветут, Лидия Михайловна относит их в монастырь на все праздники. Носит она цветы и на могилу отца Феодосия – духовника семьи Висюлькиных. В свое время именно его слово перевесило все сомнения Висюлькиных по поводу приемных детей. Лидия Михайловна всегда низко кланяется могиле отца Феодосия за то, что он указал их семье единственно верный путь: не быть равнодушными к чужой беде... ❀

Александр Николаевич гордится успехами своей семьи

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru